

Н Е М Е Ц К А Я Л И Т Е Р А Т У Р А

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
Н. Я. БЕРКОВСКОГО



Т о м И



О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*
Москва • Ленинград • 1948

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

**НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
АТТА ТРОЛЬ
ГЕРМАНИЯ**

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

АЛ. ДЕЙЧА

РЕДАКТОР В. ЛЕВИК

КОММЕНТАРИИ

Н. БЕРКОВСКОГО И АЛ. ДЕЙЧА



О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*
Москва • Ленинград • 1948

*Фронтиспис и рисунок
на титульном листе —
гравюры на дереве А. П. Журова*

*Переплет и суперобложка
по рисункам Л. С. Хижинского*



О Т Р Е Д А К Ц И И

В настоящий том входят стихотворения Гейне периода 1828—1850 гг. — стихотворения, написанные между «Книгой песен» (1827) и «Романсеро» (1851). В центре — единственный сборник, выпущенный Гейне в этот период, — «Новые стихотворения» (1844). Остальные стихотворения Гейне периода 1828—1850 гг., самим Гейне не собранные, в нашем издании дополняют этот сборник.

Помимо того, в этом томе даны поэмы «Атта Троль» и «Германия», как написанные в тот же период.



ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА ГЕЙНЕ

1

В творчестве Гейне политическая сатира занимает исключительно важное место. Тончайший лирический поэт, начавший свой путь романтическими песнями и стихами, Гейне, по собственному признанию, был «романтиком-расстригой», он не только порвал с миром феодально-романтической реакции, но и сокрушал этот мир средствами злой, непримиримой политической сатиры.

Буржуазные литературоведы обычно представляют Гейне как двуликого поэта: ангелоподобного лирика, певца роз и соловьев, и злого демона — сокрушителя всех твердынь и устоев, создателя якобы второстепенных злободневных стихов и поэм, не имеющих художественного значения.

Совершенно очевидно, что такая концепция не выдерживает серьезной критики. Гейне-поэт и Гейне-публицист неотделимы друг от друга. Даже в тот цикл произведений, где Гейне был во власти романтических веяний, — в его лирику, в его песни и баллады врывался остро публицистический элемент, безжалостно уничтожавший традиционную основу «чистого романтизма».

Такова, например, маленькая поэма «Тангейзер», где Гейне сперва с лукавой усмешкой воссоздает строфы старинной народной песни о Тангейзере, а затем переходит к ядовитой сатире на жалкую и раздробленную монархическую Германию его времени.

Таких примеров можно было бы привести множество. Гейне насыщал свою поэзию нарочитыми прозаизмами, снижая «высокий стиль» ходульной и абстрактной романтики, а в свою прозу, гибкую и насыщенную шутками, игрой слов и каламбурами, он

привносил много подлинно поэтического. Нередко можно принять публицистику Гейне за «стихотворения в прозе», а его сатирические и политические стихи назвать шедеврами публицистического гения.

2

Политическая сатира Гейне расцвела с начала сороковых годов. Это была пора, когда первые проблески оппозиции со стороны немецкого бюргерства нашли свое отражение в литературе и, в частности, в поэзии.

Июльская революция 1830 года во Франции вызвала весьма слабую детонацию в Германии, которая, по выражению Франца Меринга, маячила феодальным пугалом над буржуазной Европой. Правда, в некоторых мелких немецких деспотиях произошли волнения, но они свидетельствовали скорее о политической незрелости народных масс, чем об их революционной решимости. Германия была жалкой страной, раздробленной на десятки карликовых княжеств, где безраздельно господствовало феодальное дворянство. Страна задыхалась от множества таможенных застав, отделявших друг от друга немецкие княжества и мешавших экономическому развитию бюргерства.

В 1834 году горькая необходимость заставила многих немецких князей объединиться в Таможенный союз.

Это событие нанесло удар мелкому партикуляризму многочисленных немецких деспотов и объединило в одно экономическое целое территорию около 8 000 кв. миль с населением около 25 миллионов человек.

Создание Таможенного союза, открывавшего большие экономические перспективы для немецкой буржуазии, ставило преграды вторжению иностранных товаров и развивало конкуренцию с иностранной торговлей и промышленностью. Но в то же время Таможенный союз, основанный по инициативе Пруссии, усиливал позиции этого юнкерского государства, ставил немецкую буржуазию в зависимость от него. На эту сторону дела постоянно указывал немцам Генрих Гейне.

Примерно в это же время началась прокладка железных дорог в Германии. Новый вид транспорта усиливал товарооборот между разрозненными немецкими государствами и помогал

подвозу угля и железной руды, необходимых для промышленных предприятий.

Все это, вместе взятое, содействовало экономическому росту немецкого бюргерства, которому приходилось все больше ощущать стеснение и неудобства от тягостных пережитков феодального строя.

В среде немецкого бюргерства росла оппозиция к существующему законопорядку.

В 1840 году умер прусский король Фридрих-Вильгельм III. Он нарушил обещание дать конституцию немецкому народу, и буржуазия надеялась, что новый король проявит больше внимания к ее нуждам, чем его отец. Однако Фридрих-Вильгельм IV, «романтик до мозга костей», как характеризует его Меринг, покровительствовал феодальному дворянству и старался восстановить его права — вплоть до средневековых.

В такой обстановке зародилась политическая поэзия сороковых годов.

В это время вышли «Песни космополитического ночного сторожа» Дингельштедта, «Неполитические песни» Гофмана фон Фаллерслебена и «Стихи живого человека» Гервега.

Немецкие политические поэты — буржуазные и мелкобуржуазные радикалы — были различны по художественному дарованию, но в их лирике было нечто родственное. Они восторженно воспевали несуществующую, грядущую немецкую свободу, они мечтали о внеклассовом равенстве и братстве и растекались в декламации, насыщенной беспредметным пафосом.

Гейне образно охарактеризовал сущность этого поэтического течения.

«В роще германских бардов, — писал он, — стал тогда особенно быстро распространяться тот расплывчатый, бесплодный пафос, тот бесполезный пар энтузиазма, который с презрением к смерти низвергался в океан общих мест и всегда напоминал мне о пресловутом американском матросе, столь безмерно увлеченном генералом Джексонем, что однажды он бросился с верхушки мачты в море с возгласом: «Я умираю за генерала Джексона!» Да, хотя у нас, немцев, еще не было никакого флота, но у нас было уже немало восторженных матросов, в стихах и в прозе умиравших за генерала Джексона». (Предисловие к «Атта Троль»).

Энгельс в статье «Немецкий социализм в стихах и прозе» дает убедительное сопоставление политической лирики буржуаз-

ного радикализма сороковых годов и сатирической поэзии Генриха Гейне. Энгельс делает это, разбирая стихотворение популярного поэта той поры Карла Бека — «Песня барабанщика».

«В этом стихотворении, — пишет Энгельс, — наш социалистический поэт опять обнаруживает, как его немецкая мещанская ограниченность вновь и вновь портит и тот слабый эффект, который он вызывает.

«Под звуки музыки выступает полк. Народ призывает солдат объединиться с ним. Читатель обрадован: поэт, наконец, проявил мужество. Но, увы, в конце концов мы узнаем, что речь идет лишь об именинах императора, и обращение народа — эта лишь мечтательная, тайная импровизация юноши на параде, — вероятно, гимназиста.

«Так мечтает юноша, у которого пылает сердце. Та же тема у Гейне была бы горькой сатирой на немецкий народ; у Бека же получилась лишь сатира на самого поэта, отождествляющего себя с немогущо мечтающим юношей. У Гейне мечты буржуа намеренно были бы взвинчены, чтобы затем упасть до уровня действительности. У Бека сам поэт солидаризируется с этими фантазиями и, конечно, терпит ущерб, когда низвергается в мир действительности. Первый вызывает у буржуа возмущение своей дерзостью, второй успокаивает его родством душ». (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 125—126.)

У Гейне не было ничего общего с поэтами вроде Карла Бека. Он находился в гуще общественной и политической жизни, он гораздо глубже, чем эти поэты, разбирался в исторических сдвигах, происходивших в его стране и за ее пределами. Поэтому Гейне не мог удовлетвориться бессодержательным пафосом политической лирики радикалов. Он хотел, чтобы эта лирика направляла свое острие против конкретных лиц, фактов и событий.

Полемике с тенденциозной политической поэзией сороковых годов посвящена поэма Гейне «Атта Троль».

«Атта Троль» соединяет в себе все ненавистные Гейне черты немецких бюргеров: с одной стороны — медведь исполнен тевтонского тупоумия, с другой — заражен крайне радикальными идеями «абсолютного равенства», когда «для всех будет вариться одна и та же спартанская похлебка и, что еще ужаснее, великан будет получать такую же порцию, которой довольствуется брат карлик».

Атта Троль проповедует переустройство общественного порядка в таких ультрарадикальных формах, до каких, пожалуй, трибуны буржуазной демократии никогда и не доходили.

Единенье! Единенье!
Свергнем власть монополиста,
Установим в мире царство
Справедливости звериной.

Основным его законом
Будет равенство и братство
Божьих тварей, без различья
Веры, запаха и шкуры.

Равенство во всем! Министром
Может быть любой осел,
Лев на мельницу с мешками
Скромно затрусит в упряжке.

Так Гейне изображал с точки зрения радикалов «справедливое» царство зверей, тех самых, о которых он говорит в своей книге о Берне:

«Когда я посетил Берне во второй раз на Rue de Provence, где он окончательно поселился, то в его гостиной нашел такой зверинец людей, какой едва ли отыщешь даже в Jardin des Plantes.¹ В глубине комнаты сидело на корточках несколько немецких белых медведей, которые курили, почти все время молчали и только по временам извергали самым низким басом разные отечественные проклятия. Подле них приютился польский волк в красной шапке, изредка выпускавший из хриплого горла сладко приторнейшие замечания. Тут же я встретил и французскую обезьяну, принадлежавшую к уродливейшим обезьянам, каких я только когда-нибудь видел. Она постоянно корчила рожи, для того, чтобы из них можно было выбрать самую лучшую».

Это место из книги о Берне производит впечатление этюда к «Атта Троль».

Разоблачая отрицательные стороны буржуазного либерализма и мелкобуржуазного радикализма, Гейне образно определяет их в восьми строках эпитафии на могиле «великого героя» Атта Троль.

¹ Jardin des Plantes — ботанический и зоологический сад в Париже. А. Д.

Троль. Медведь тенденциозный,
Пылк, нравственен, смиренен, —
Развращенный духом века,
Стал пещерным санкюлотом.

Плохо танцевал, но доблесть
Гордо нес в груди косматой.
Иногда зело вонял он, —
Не талант — зато характер.

Не случайно Энгельс в полемической статье против прусского радикала публициста Гейнцена характеризовал его как «пляшущего медведя» Атта Троль.

Не случайно Маркс в памфлете «Великие люди эмиграции» находил сходство между героем поэмы Гейне и филистером Арнольдом Руге.

В собирательном образе Атта Троль отражена вся путаница взглядов и понятий многоголосого немецкого бюргерства, только выходящего на арену политической деятельности. В противоречивости Атта Троль демонстрируется противоречивость радикалов, двусмысленность их положения в современном им германском обществе.

Франц Меринг справедливо указывает, что Гейне осмелел не те драгоценные идеи человечества, за которые сам боролся и страдал, а то, как грубо, тупо и нелепо эти идеи воспринимались его радикальными современниками. «Он смеется только над медвежьей шкурой, в которую они (идеи) временно наряжены». ¹

В нелепую «медвежью шкуру» наряжены и выспренность, путанные и абстрактные прославления свободы, свойственные политическим лирикам эпохи. В стихотворении «К политическому поэту» Гейне объясняет, почему эти туманные произведения пользуются успехом у радикальной публики.

Усердно слушают тебя
И хвалят дружным хором:
Как благородна мысль твоя,
Какой ты мастер форм!

И за твоё здоровье пить
Вошло уже в обычай,
И боевую песнь твою
Подтягивать мурлыча.

¹ Ф. Меринг, «Литературно-критические статьи», изд. Academia, М. 1934, т. II, стр. 120.

Раб о свободе любит петь
Под вечер в заведение.
От этого питье вкусней,
Живей пищеваренье.

Впрочем, не ко всем политическим поэтам Гейне относился отрицательно. Он ценил Георга Гервега, которого называл «железным жаворонком», он принял и Фердинанда Фрейлиграта, когда тот, отказавшись от аполитичных стихов и восточной экзотики ранних лет, напечатал ряд боевых революционных стихотворений в «Новой Рейнской газете». Но это было уже позднее, в преддверии революции 1848 года, когда Фрейлиграт был членом редакционной коллегии «Новой Рейнской газеты». В «Атта Троль» же Гейне высмеивает поэзию раннего Фрейлиграта.

Наконец Гейне ценил и некоторые стихи Дингельштедта. Нетрудно понять, чем руководствовался Гейне при оценке политической поэзии своих современников. Он требовал прежде всего конкретности и предостерегал от туманного и бесплодного пафоса.

Стоит отметить, что в те годы, когда Гейне сочинял свою якобы романтическую и нетенденциозную поэму об Атта Троль, он живо интересовался жгучими политическими вопросами текущего дня. Одновременно с «Атта Троль» поэт создал свое стихотворение «Теория» — политический манифест «лихого барабанщика» революции.

В призыве Гейне «будить людей барабаном ото сна» дана прекрасная образная формула не созерцательной и объективистской, а страстной и насквозь действенной поэзии революционного класса. Сам Гейне был таким поэтом-барабанщиком, и он имел право сказать о себе в своем могучем «Гимне»:

Я — меч, я — пламя!
Я вам светил во мраке,
И, когда начался бой,
Я впереди сражался,
В первом ряду.

Подобно тому как Гейне — политический мыслитель не задержался на позициях буржуазной демократии и двинулся вперед, навстречу коммунизму, так и Гейне-поэт, сквозь дебри дворянского романтизма и туман буржуазно-демократической поэзии, вышел за пределы последней, навстречу революционной поэзии будущего.

Гейне нападал на дряблость и бесхребетность непоследовательного буржуазного либерализма не менее беспощадно, чем на феодальную реакцию.

Буржуазные идеологи Германии, смирившиеся перед феодальным порядком, прикрывали свой отказ от революционной борьбы рассуждениями, будто подлинная свобода таится не в определенном социальном строе, а в глубинах человеческого духа. Эта блудливая уловка буржуазного оппортунизма была зло высмеяна Гейне в стихотворении «На прибытие «Ночного сторожа» в Париж».

Дела превосходны По милости бога
У нас порядок, покой, тишина.
Германию пестуют мудро и строго,
Себя постепенно раскроет она.

Мы не хотим щеголять, как французы,
Пустым миражем внешних свобод.
Лишь в недрах духа свергнули узы
И стал свободным наш народ.

Грошовой свободолюбие буржуазных политиков, их склонность к компромиссу с феодальной реакцией, их страх перед насильственными революционными действиями — все это послужило мишенью для метких выстрелов Гейне.

Ты не будешь беспризорной,
О немецкая свобода,
Ведь в плохое время года
Без сапог ходить зазорно.

.....

Все к тебе так благосклонно,
Ты получишь пицци много,
Но держись лишь, ради бога,
Рамок строгого закона.

Забывая обиды быстро,
Уважать учись сызмальства
Всевозможное начальство,
Начиная с бургомистра.

Наивный идеализм мелкобуржуазных революционеров, верующих в силу абстрактного идеала, тоже не удовлетворяет Гейне. Этим доктринерам и мечтателям от революции великий поэт ответил маленьким, но блестящим стихотворением «Посредничество».

Твой дух силен, ты сжал кулак —
Вот это так!
Хоть пыл хорош, но помни тоже,
Что рассудительность дороже.

Не бьется враг за счастья свет —
Конечно, нет!
Но он имеет много пушек,
И ружей, и других игрушек.

Возьми свое ружье, дружок,
Введи курок —
И целясь ловко! Враг сраженный
Рождает в сердце счастья звоны.

Так Гейне учил идеалистических декламаторов суровому и конкретному языку классовой борьбы.

В стихотворении, посвященном Георгу Гервегу, говорится:

Железный жаворонок, Гервег,
Ты так высоко залетел в небеса,
Что нашей земной не видишь хмури,
И только в твоей стихотворной дури
Весна уже творит чудеса!

Гейне дал яркую критику ограниченности буржуазного либерализма и демократизма, отразившейся в поэзии политических лириков эпохи, и только в свете этой критики становятся ясными взаимоотношения Гейне с немецкими политическими поэтами сороковых годов. В своих «Современных стихотворениях» он их называет по именам, срывает с них маски. Поэтов мещанского радикализма Гейне критикует с вышки более четкого и передового мировоззрения.

Не надо забывать, что поэт, живя в эмиграции, в Париже, имел возможность наблюдать гораздо более развитое в экономическом и политическом отношении буржуазное общество, чем в Германии. По мере роста капиталистических отношений во Франции крепили и противоборствующие буржуазии силы пролетариата. В корреспонденциях, которые Гейне печатал во «Всеобщей Аугсбургской газете» в сороковых годах, все чаще говорится о рабочем движении и об усиливающемся антагонизме между трудом и капиталом. «Явственно слышишь, как растут проценты на капиталы богачей». И тут же «то тихое рыдание бедноты, то звуки, похожие на шум оттачиваемого ножа».

Летом 1843 года Гейне высказывает свои знаменательные мысли о только зарождавшемся революционном движении, о коммунизме.

Гейне считает, что коммунизм должен победить, потому что противостоящие ему силы буржуазии не имеют под собой никакой нравственной почвы. «Нынешнее общество защищается только вследствие простой необходимости, без веры в свое право, даже без самоуважения, совершенно так, как защищалось то старое общество, гнилые балки которого обрушились, когда пришло время». 15 июля 1843 года Гейне написал: «Я говорю о коммунистах, единственной партии во Франции, которая заслуживает безусловного уважения. Я оказал бы точно такое же внимание обломкам сен-симонизма, последователи которого все еще живут под разными кличками, точно так же, как и фурьеристам, которые еще продолжают работать живо и энергично; но этих людей интересуют только слова, и социальный вопрос как вопрос — для них только традиционное понятие, и они не побуждаются к действию дьявольской необходимостью, они не те предназначенные слуги, при помощи которых высшая мировая поля осуществляет свои неслыханные решения. Рано или поздно рассеянная по свету семья Сен-Симона и весь генеральный штаб фурьеристов перейдут на сторону все растущих армий коммунизма и, подчиняя слово суровой необходимости, будут играть роль руководителей».

Гейне предвидел победу пролетариата, но не верил в ее близость и порой боялся ее.

Мучившие поэта противоречия отразились с достаточной очевидностью в «Атта Троль». Вступив на путь революционной идеологии рабочего класса, Гейне обрел подлинное оружие для борьбы с реакционной романтикой и мелкобуржуазным радикализмом. Он становится другом пролетариата, порой колеблющимся и отходящим от него, но все же видящим исторические перспективы дальше и глубже, чем буржуазные радикалы.

В конце 1843 года Генриху Гейне довелось встретиться с человеком, который сумел понять и оценить поэта и поддержать, усилить в нем его наиболее здоровые и революционные устремления.

Это был Карл Маркс.

Творчество Гейне — политического лирика отныне формируется под непосредственным влиянием Маркса. Уже к моменту

встречи с Марксом Гейне создал образцы политической лирики, в которой обнаруживал правильное понимание исторических процессов, и это подготовило его к общению с Марксом.

В замечательном стихотворении «Тенденция», написанном в 1842 году, Гейне выдвигает свой идеал политической лирики в противовес расплывчатым стихам мелкобуржуазных рифмоплетов.

Но не пой ты мягче флейты,
Что идиллии полна,
Будь в стране своей тимпаном,
Пушкой, трубами, тараном,
Пой, труби, звени и бей ты!

За этим следует саркастический совет поэтам, приверженцам Берне, «великого сокрушителя тиранов»:

Пой, труби, звени тревожно,
Гнев к тирану пей до дна,
Лишь таким и стань поэтом.
А в стихах держись при этом
Общих мест — насколько можно!

Понятно, почему Маркс сблизился с поэтом, который выступал против «бесполезного пара энтузиазма, низвергавшегося в океан общих мест».

«Даже для свободы противно отбывать барщину и противно драться вместо дубин иголками. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый авторитет и наше подлаживание, поклоны, изворачивание, клянченье... В Германии я не могу больше братья ни за что». ¹

Так писал Карл Маркс в 1842 году, получив сообщение о закрытии «Рейнской газеты», которую он редактировал.

Постепенно сталкиваясь с социальными вопросами своего времени, например с аграрным вопросом, Маркс отверг гегелевское понимание государства. «Система наживы и торговли, собственности и эксплуатации, — писал он, — ведет к ломке внутри старого общества, и старый строй не может оздоровить жизнь, ибо вообще он не исцеляет и не созидает, а лишь существует и пользуется всем. И задача сводится к тому, чтобы окончательно обличить старый мир и созидать новый».

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, стр. 530.

Покинув опустылевшую ему Германию, Маркс прибыл в Париж для организации совместно с Арнольдом Руге журнала «Немецко-французские летописи». Создатели журнала хотели организовать «интеллектуальный союз между немцами и французами». Но союз этот не клеился. Французские радикалы разных толков отказались от сотрудничества в новом издании, и первый (и последний) выпуск журнала был составлен из произведений немецких сотрудников: Маркса, Руге, Гервега, Гейне, Якоби, Гесса, Бернайса и др.

Вскоре выяснилось, что Марксу совсем не по пути с Руге, который не мог сдвинуться с позиции буржуазного радикализма.

Между Марксом и Руге произошел разрыв. Издание прекратилось. Прусское правительство начало поход против журнала: экземпляры, попадавшие на германскую территорию, конфисковывались, а Руге, Маркса, Бернайса и Гейне было приказано арестовать в случае их появления на прусской земле.

Единственный выпуск «Немецко-французских летописей» вышел в феврале 1844 года; двумя месяцами раньше, в декабре 1843 года, Руге познакомил Гейне с Марксом.

Несомненно, что во время частых встреч Гейне с Марксом, в зиму 1843—1844 года, Маркс оказал огромное влияние на своего друга. 1844 год является годом расцвета боевой поэзии Гейне.

Карл Каутский, со слов дочери Маркса, Элеоноры Маркс-Эвелинг, описывает встречи Гейне с Марксом, происходившие в Париже.

По уверению Каутского, Гейне и Маркса сближали лишь вопросы поэзии. Разумеется, это не так. Двадцатилетний Маркс оказал огромное влияние на своего старшего друга (Гейне было уже около сорока шести лет) в смысле освобождения поэта от романтических и надклассовых иллюзий.

Тесное общение между Марксом и Гейне продолжалось только несколько зимних месяцев, но и за это недолгое время под влиянием Маркса политическая лирика Гейне окрепла, революционная мысль Гейне приобрела большую устойчивость.

В стихах Гейне, написанных в этот период, звучат мотивы революционного действия. Гейне призывает к политическому просветлению Михеля, немецкого обывателя.

Когда летом 1844 года в Силезии произошло восстание ткачей, явившееся первым проявлением самостоятельного рабочего движения, — это событие вызвало споры внутри страны и среди

немецких эмигрантов в Париже. Буржуазные радикалы объявили силезское восстание «голодным бунтом, мешающим общему политическому движению». Один из этих радикалов, Арнольд Руге, резко ополчился против «чисто коммунистической практики» при отсутствии «теории».

Маркс выступил с опровержением такой оценки восстания. В статье, напечатанной в парижском «Форвертсе» в 1844 году (№ 60), Маркс утверждал, что восстание силезских ткачей — это поворотный пункт в общественно-политическом развитии Германии. При этом Маркс ссылается на «Песню ткачей», «этот смелый боевой клич», где ни разу не упоминается об очаге, фабрике, округе, но зато пролетариат резко, ясно, беспощадно и властно заявляет во всеуслышание о своей противоположности обществу частной собственности. Силезское восстание *начинается* как раз тем, чем французские и английские восстания *кончатся*, — сознанием сущности пролетариата». (Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа». Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 15.)

В знаменитом стихотворении «Силезские ткачи» Гейне в соответствии с политической оценкой, данной Марксом этому событию, раскрыл подлинный смысл восстания. Он увидел в пролетариях могильщиков старой Германии.

Станок скрипит, челноку не лень!
Мы ткем неустанно ночь и день,
Германия старая, ткем саван твой,
Тройное проклятье ведем каймой, —
Мы ткем, мы ткем!

Особое место в социальной поэзии Гейне занимает «Зимняя сказка» — «Германия».

В «Германии» мы снова встречаем обычное для Гейне смешение «высокого» и «низкого» стилей. Границы между поэзией и публицистикой стираются. Еще в «Атта Троль» в романтическую ткань сказки вплетена полемическая тенденциозность. В «Германии» это слияние поэзии и публицистики находит свое завершение.

Гейне правильно назвал свою поэму «политико-романтической». Романтическое изображение старины сочетается с раскрытием ее социального содержания.

В поэме важное место занимает старая немецкая легенда о короле Фридрихе Барбароссе (Ротбарте). Легенду о Барбароссе

широко использовали немецкие националисты-реакционеры для агитации за восстановление средневековой монархии, которая, по их мнению, должна была объединить раздробленную Германию. Гейне, борец за революционно-демократический путь национального объединения, понимал, насколько важно разоблачить и скомпрометировать эту легенду.

Поэт выражает опасение за будущее Германии, если власть перейдет в руки оголтелых тевтономанов, которые «захотят отравить весь мир чумным дыханием» и доведут Германию до полного морального и физического разложения. Гейне нарисовал страшную картину изъеденной трупными червями страны:

И каждый червь был новый вампир
И гнусно смердел, издыхая,
Когда в него целительный кол
Вонзала рука роковая...

Поэма Генриха Гейне не утратила актуальности до сих пор: она вызывает ненависть к заклятым врагам всех свободолюбивых народов и стран, к врагам культуры и внушает светлую уверенность в том, что «целительный кол», вонзенный в смрадный труп реакции, раз и навсегда покончит с ней.

3

Парижская газета «Форвертс» опубликовала ряд острых политических сатир Гейне. «Форвертс» был органом левых радикалов. Во главе газеты стоял молодой адвокат Бернайс. Участие Маркса свелось к опубликованию «критических примечаний к статье „Король Прусский и Социальная Реформа“».

Из политических стихотворений, написанных в эту эпоху Гейне, особенно любопытны те, в которых он обрушивается на ничтожных германских тиранов, мнящих себя великими героями. Таков, например, «Новый Александр» — прусский король Фридрих-Вильгельм IV. Другой немецкий властитель, на которого Гейне направляет свою сатиру, это Людвиг I, король Баварский.

«Форвертс» просуществовал недолго. Прусская реакция потребовала принятия решительных мер против «Форвертса». Однако французский министр Гизо уклонялся от исполнения этого требования «нового Александра», и только после того, как «Форвертс» напечатал статью против Фридриха-Вильгельма IV, Гизо

согласился посадить редактора Бернайса в тюрьму — за «подстрекательство к убийству короля».

«Форвертс» был задушен. 11 января 1845 года Руге, Бернайсу и Бернштейну было предписано покинуть пределы Франции. Репрессии обрушились и на Маркса, и в январе 1845 года он переехал в Брюссель.

При этом разгроме «Форвертса» Гейне не пострадал. Вернее всего, Гизо пощадил Гейне потому, что не хотел применять репрессий к поэту, завоевавшему себе имя и во Франции.

Внешние и непредвиденные обстоятельства разлучили Маркса и Гейне. Накануне своего отъезда из Парижа Маркс написал коротенькую записочку Гейне, в которой приглашал его сотрудничать в новом бесцензурном издании, предполагавшемся к выходу в Дармштадте. «Из всех людей, с которыми мне здесь приходится расставаться, разлука с Гейне для меня тяжелее всего. Мне очень хотелось бы взять Вас с собой». (К. Маркс — Генриху Гейне, 1/II—1845 г. Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 5.)

Когда революция 1848 года дала возможность Марксу вернуться в Германию, где он встал во главе «Новой Рейнской газеты», он пригласил Гейне сотрудничать в этом издании. В статьях Маркса приводятся выдержки из стихов Гейне, которого автор называет «нашим другом». Фрейлиграт свидетельствует, что Маркс знал наизусть многие политические стихи Гейне.

Больной поэт в свою очередь внимательно следил за «Новой Рейнской газетой». Он сохранял двойственное отношение к массовому движению рабочего класса: он боялся господства масс, грозящего, как он думал, свободе личности, но, с другой стороны, радовался, что «доктора Революции» раздавят «тевтонскую контрреволюционную гадину».

В 1849 году «Новая Рейнская газета» была закрыта, и Маркс был выслан из Пруссии. Он уехал в Париж и там навещал Гейне, проводившего мучительные месяцы в своей «матрачной могиле».

В июле 1849 года Маркс переехал в Лондон. Больше Гейне и Маркс уже не встречались.

1848 год был годом бездеятельным для Гейне-поэта. Он был тяжело болен, почти не покидал постели, его считали приговоренным к смерти. Отзвуки на революцию 1848 года мы находим

только в позднейших стихотворениях Гейне. В них продолжается прежняя линия политической поэзии Гейне и дается обобщенная оценка революционных событий.

Политические мнения Гейне и сейчас идут вразрез с писаниями политических стихотворцев.

Когда франкфуртское национальное собрание объявило красно-черно-желтое знамя национально-революционным стягом объединенной Германии, немецкие политические лирики били в литавры, празднуя победу. Гофман фон Фаллерслебен приветствовал «блеск божьей милости, осенившей Германию»; Дингельштедт восторженно воспевал «полет сказочного времени»; Фрейлиграт восклицал: «Ура, ура, ты, черный, красный, золотой!», прославляя флаг, развевавшийся над франкфуртским собранием.

Сейчас, умудренный итогами революции, Гейне менее чем когда-либо склонен вторить восторженным немецким националистам.

В стихотворении «Михель после марта» он указал, что кроется за революционным знаменем буржуазии. Недолгое пробуждение народа — Михеля — окончилось новым угарным сном, чудесная сказка свободы отцвела быстро. Тевтономаны, казалось, воскресли из гробов, чтобы объединиться в борьбе за монархию.

Я видел героев минувших лет,
Ардта и дядю Яна.
Они из могил выходили на свет,
Чтоб драться за кайзера ряно.

Я увидал всех буршей вновь,
Безусых любителей рома,
Готовых, чтоб кайзер узнал их любовь,
Пойти на все, до погрома.

Паны, дипломаты (всякий хлам),
Адепты римского права, —
Творила единенья храм
Преступная орава.

А Михель пустил и свист и храп
И скоро, с блаженной харей,
Опять проснулся как преданный раб
Тридцати четырех государей.

Эта жестокая сатира написана со всей свойственной Гейне страстностью. В одном из писем (к Дюбоше от 29 августа 1848 года) он жаловался:

«Сейчас, когда я должен был бы с наибольшей активностью выполнять дело всей своей жизни, я приговорен к неподвижности, я даже не могу ответить на крик отчаяния друзей, которые просят у меня обычной поддержки. В Германии взяли верх наши враги. Так называемая «национальная партия» — тевтономаны — изощряются в заносчивости, столь же комичной, сколь и грубой».

Гейне разоблачал не только тевтономанов, но и тех, кто предал народное дело, как обыватели, испугавшиеся подлинной революции.

Франкфуртское национальное собрание, состоявшее из мелкобуржуазных демократов и либералов, кончило тем, что выбрало прусского короля Фридриха-Вильгельма IV германским императором.

Эта тема проходит через ряд политических стихотворений Гейне. В знаменитой сатире «Ослы-избиратели» некий «патриот» восклицает:

И мы свой ослиный совет даем:
Осла на престол поставить;
Мы осломонархию оснуем,
Где только ослы будут править.

Поэт резко ставит вопрос о настоящей революции, которая могла бы решительно расправиться с монархией.

Но когда это будет?

Так зарождается одна из острейших сатир Гейне «1649 — 1793—???». В 1649 году был казнен английский король Карл I, в 1793 году гильотинировали Луи Капета (Людовика XVI). Но в каком-то, еще неведомом году (???) немецкая буржуазия поступит иначе: она будет действовать со свойственной ей тактичностью и подлостью:

Шестерка коней в экипаже придворном,
В черных султанах и в крепе черном,
Траурный кнут, и такие же вожжи,
И плачущий кучер, — так, раньше или позже,
Немцы монарха на плаху доставят
И верноподданнически обезглавят.

Когда после двухлетней борьбы революционные силы Германии были разбиты и разрознены и контрреволюция окончательно

победила, Гейне в глубокой скорби создал одно из своих самых сильных политических стихотворений. В виде заголовка стихотворение носит дату: «В октябре 1849 года».

Действительно, Гейне написал его под непосредственным впечатлением от поражения революции в Германии и Венгрии.

Текст стихотворения он переслал издателю Юлиусу Кампе и в письме от 16 ноября 1849 года просил тотчас же опубликовать его в каком-нибудь периодическом издании или как листовку: «Это настоящее злободневное стихотворение, изображающее современное настроение».

Благоразумный Кампе, очевидно, не рискнул напечатать боевые стихи Гейне в разгар реакции, и они лишь год спустя увидели свет.

Гейне начинает с иронического изображения спокойствия, воцарившегося в стране.

Опять у нас и тишь и гладь,
Была гроза такой недолгой;
В сочельник тешится опять
Германия — большой ребенок — елкой.

Реакция наступает по всем линиям. «Последний форт свободы пал, и кровью Венгрия исходит». Здесь патетика Гейне достигает своей вершины.

При слове «Венгрия» — мне мой
Камзол немецкий тесен, грубый,
Под ним ревет морской прибой,
Я будто слышу боевые трубы.

В душе опять, как зов судьбы,
Напевы древних саг воскресли;
Железный, буйный гимн борьбы
И гибель Нибелунгов в этой песне.

Гейне переносится в героические времена, воспетые народным эпосом. Поэт завидует мадьярам, павшим в борьбе за национальную независимость.

К тому еще и бык теперь
Вступил с медведем в соглашение,
Ты пал, мадьяр, — утешься, верь:
Мы худшие терпели униженья.

Тебя сразил солидный скот,
Но этот гнет, как он ни тяжек,
Не так обиден. Нас гнетет
Ярмо волков, свиней, простых дворяшек.

«Быки и медведи» прибегли к грубой силе, чтобы подавить революцию, и вот:

Вой, хрюк и лай — терпенья нет, —
 Дух победителей повсюду!
 Помалкивай, больной поэт:
 Так здоровей, иначе будет худо!

Однако Гейне не мог молчать. Надрываясь, он неустанно посылал отравленные желчью стрелы, он чувствовал себя бойцом, бойцом непобежденным. В этом отношении весьма знаменательно стихотворение «Enfant perdu», где Гейне подводит итоги своей боевой деятельности.

В войне свободы тридцать лет держался
 Я на посту заброшенном моем.
 Я, не надеясь победить, сражался,
 Знал — неведимым не вернусь в свой дом.

Мои друзья все спали по палаткам,
 Я день и ночь уснуть не мог никак
 (Чуть клонешь носом, поступаешь порядком,
 Тебя разбудит храп лихих вояк).

Грусть да и страх порою сердце стиснут
 (Неведом вовсе страх лишь дуракам).
 Я рифмой сатирической как свистну,
 Так снова бодр, на зло моим врагам.

Так сформулирована социальная сущность политической лирики Гейне: «злая песня» поэта была призвана разгонять страх, внушать веру в победу, обнаруживать моральное превосходство бойцов перед противником, хотя бы численно сильнеешим.

В этом прощальном стихотворении «Потерянное дитя» Гейне признавался, что он весь изранен меткими выстрелами врагов.

Я весь в крови. Боец на смену нужен!
 Один сражен, другие уж близки...
 Нет, я не побежден, не разоружен,
 Ружье в порядке, сердце лишь — в куски!

Годы лежания в «матрачной могиле» (1848 — 1856) явились периодом напряженного поэтического творчества.

В то время как политические поэты немецкого мещанства не могли подняться выше расплывчатого противопоставления народа — тиранам, справедливости — насилию и т. д., Гейне видел за борьбой политических идей противоречия классовых интересов, борьбу классов.

Проводя огромную разоблачительную работу, поистине срывая все и всяческие маски, Гейне раскрывал не «общечеловеческие слабости», не внеисторические пороки людской натуры, а эксплуататорский общественный строй и разьедавшие его противоречия.

Трагедия Гейне заключается в том, что он сам был во власти острых противоречий. С одной стороны, он радовался приближению социальной революции, которую считал неизбежной. Он понимал, что эта революция уничтожит эксплуататорский строй и националистическую клику тевтономанов. Незадолго до смерти Гейне писал: «...И теперь, когда меч выпадает из моих рук, рук умирающего, — я утешен сознанием, что коммунизм, которому они (тевтономаны. — А. Д.) первые попадутся на дороге, нанесет им последний удар; и, конечно, не ударом палицы уничтожит их гигант, он просто раздавит их ногой, как давят жабу...» (Предисловие к французскому изданию «Лютеции»).

Но, с другой стороны, Гейне боялся победы пролетариата, думая, что народ-победитель «вырубит олеандровые рощи поэзии», уничтожит культуру прошлого и заменит духовные ценности грубо материальными.

Не трудно объяснить причины такого двойственного отношения Гейне к грядущей победе коммунизма. Ведь поэт жил на заре революционного рабочего движения и знал только первые стихийные вспышки возмущения пролетариата против своих эксплуататоров. Он видел, как английские рабочие разрушали паровые машины, считая их источником безработицы и социальных бедствий. Он видел, как парижская толпа в бессильном гневе против правительства разгромила дворец архиепископа. И Гейне казалось, что рабочий класс, уничтожив цивилизацию прошлого, ничем ее не заменит.

В последние годы жизни автор «Германии» постепенно отходил от интересов, которыми жили Маркс, Энгельс и их соратники. Глубокое разочарование охватило поэта после краха революции 1848 года, и он все чаще выражал неверие в силы революционного рабочего движения.

В переписке Маркса и Энгельса мы находим сожаления по поводу неустойчивости позиции Гейне, которого, однако, они не чересчеставали ценить как великого революционного поэта. Это не мешало Марксу резко критиковать Гейне, когда дело

касалось поступков поэта, которые заслуживали осуждения с общественно-политической точки зрения.

Как бы ни был противоречив образ Гейне, отражавший в себе социальные противоречия эпохи, несомненно одно: Гейне зорче, чем многие его современники, видел неизбежные следствия победы капитализма. Поэт наблюдал основные черты буржуазного строя: стяжательство, эгоизм, эксплуатацию. Поэтому он остро критиковал культуру и мораль капиталистического общества. Одновременно с этим он все больше убеждался в том, что «доктора революции» (Маркс, Энгельс и их соратники) — «единственные люди, которым принадлежит будущее».

Ал. Дейч

**НОВЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**



НОВАЯ ВЕСНА

ПРОЛОГ

Часто вижу я героя
На картинах мастеров:
Щит и меч он взял для боя
И разить врага готов.

Но проказники амурь
Отнимают меч и щит,
И стоит наш рыцарь хмурый,
Весь цепями роз обвит.

Так и я: никак сорвать я
Не могу любви цепей,
Между тем как бьются братья
В грозной битве наших дней.

1

В белый сад выходишь утром,
Свищет ветер над землею,
Смотришь, как несутся тучи,
Облекая небо мглою.

И луга и рощи голы,
И кругом — зима седая,
И в тебе зима, и сердце
Цепенеет, замерзая.

Вдруг, ты весь обсыпан белым,
Точно хлопьями метели,
Озираешься сердито:
На деревьях снег в апреле!

Но не снег ты белый видишь, —
О, как сладко сердцу стало!
То тебя весенним цветом
Забросало, закидало.

И повсюду — что за чудо! —
Снег цветет весенней новью,
Юный май сменяет зиму,
А душа — горит любовью.

2

Счастьем девственным томимы,
Расцветают лес и нивы,
И смеется в небе солнце:
Ты явился, май счастливый!
Соловей! И ты, я слышу,
Вновь поешь в блаженной муке
Нежно-горестные песни,
И любовь — в их каждом звуке.

3

Глядят весенней ночи глаза
Так ласково с неба ночного.
Тебя любовная смяла гроза,
Любовь поднимет снова.

Поет на липе соловей,
Томится в сладкой надежде.
Лишь песня коснулась души моей, —
Душа расцвела, как прежде.

4

Люблю я цветок, но какой — не знаю.
Скитаюсь в тоске.
Где сердце трепещет, раскрытое маю,
В каком цветке?

Струят цветы аромат сладострастный,
Поет соловей.
Чье сердце ответит печалью прекрасной
Печали моей?

Поет соловей, и песня невольно
Звенит и во мне.
И нам так сладко, так сладко и больно
Грустить в тишине.

5

Вот май опять повеял,
Цветы зацвели и лес,
И тучки, розовея,
Плывут в синеве небес.

И соловьев раскаты
Опять звучат в листве,
И прыгают ягнята
В зеленой мураве.

Прыгать и петь не могу я,
Я лег больной в траву,
Далекий звон слежу я,
Я грежу наяву.

6

Тихо сердца глубины
Звоны пронизали,
Лейся, песенка весны,
Разливайся дале.

Ты пролейся, где цветы
Расцветают томно,
Если розу встретишь ты, —
Ей привет мой скромный!

7

В красавицу розу влюблен мотылек,
Он долго кружит над ней,
А жаркое солнце его самого
Ласкает в неге лучей.

Но кто же, хотел бы я знать, любим
Царицей розой самой:
Певец-соловей, иль она увлеклась
Вечерней звездой немой?

Не знаю, кого она любит, но всех
Люблю без различия я:
Солнечный свет, мотылька, звезду
И розу и соловья.

8

Зазвучали все деревья,
Птичьи гнезда зазвенели.
Кто веселый капельмейстер
В молодой лесной капелле?

То, быть может, серый чибис,
Что стоит, кивая гордо,
Иль педант, что там кукует
Так размеренно и твердо?

Или аист, что серьезно,
С важным видом дирижера,
Отбивает так ногою
В песне радостного хора?

Нет, во мне самом укрылся
Капельмейстер окрыленный.
Он в груди стучит ликуя —
То амур неутомный.

9

«И был вначале соловей,
Он спел: «цивит! цивит!» — и вдруг
Весной повеяло с полей,
Расцвел и сад, и лес, и луг.

Он клюнул в грудь себя, и там,
Где обогрила землю кровь,
Зарделись розы, и цветам
Запел он песню про любовь.

И счастье в птичий мир принес
Он кровью ран своих, но в год,
Когда умолкнет песня роз,
Наверно прахом мир пойдет». —

Так воробьенку воробей
Внушает мудрость, а жена
Сидит, как подобает ей,
На яйцах, важности полна.

Она — жена, хозяйка, мать,
И полон рот хлопот у ней.
Старик лишь годен обучать
Закону божьему детей.

10

Весенней ночью, в теплый час,
Так много цветов раскрылось!
За сердцем нужен глаз да глаз,
Чтоб снова оно не влюбилось.

Теперь каким же из цветков
Я мог бы вновь увлечься?
Велит мне дружеский хор соловьев
Лилей остеречься.

11

Грозит беда, набат раздается, —
И, ах! — я голову теряю!
Весна и два красивых глаза, —
Вы против меня в заговоре, знаю!

Весна и два красивых глаза
Внушат мне новую глупость вскоре!
Я думаю, что соловьи и розы
Весьма замешаны в их заговоре...

12

Слез любви и тихой скорби
Страстным сердцем жажду вновь —
И боюсь, что эту жажду
Утолит теперь любовь.

Сладкой скорби, горькой неги,
Мук божественных полна,
В грудь мою, еще больную,
Тихо крадется она.

13

Глаза весны синеют
Сквозь нежную траву:
То милые фиалки, —
Из них букет я рву.

Я рву их и мечтаю,
И вздох мечты моей,

Скрытый в глуби сердца,
Подслушал соловей.

Да, песнью громкой, звучной
Мечту я разболтал;
Разгадку тайны нежной
Весь лес теперь узнал.

14

Только платьем мимоходом
До меня коснешься ты, —
По твоим следам несутся
Сердца бурные мечты.

Обернешься ты, вперится
Глаз огромных синева, —
С перепугу за тобою
Сердце следует едва.

15

Из вод подымая головку,
Лиля в раздумьи глядит;
С высот улыбаясь, месяц
К ней тихой любовью горит.

Лиля стыдливо склонила
Головку к зеркалу вод, —
А он уж у ног ее, бледный,
Трепещет и блеск свой льет.

16

Если только ты не слеп, —
Погляди в мои напевы:
Ты увидишь, там блуждает
Звездный образ юной девы.

Слушай, если ты не глух, —
Там и голос раздается:
Вздохи, смех ее и пенье, —
Сердце у тебя забьется!

Взором, голосом ее,
Как и я, замороженный,
Будешь ты в мечтах весенних
По лесам бродить, влюбленный.

17

Что ночью весенней носишься ты?
Ты свел совсем с ума цветы:
 Фиалки перепугались!
И розы все от стыда красны,
И лилии все, как смерть, бледны,
 Робеют, поникли и сжались!

О месяц, сколько ханжества
В семье цветов! Но она права:
 Достоин я наказания!
А кто же знал, что они следят,
Как я, восторгом любви объят,
 Звездам поверял мечтанья?

18

Ты голубыми глазами
Так нежно следишь за мной,
А я молчу, оваян
Неуловимой мечтой.

Твои глаза голубые
Я помню ночью и днем.
Как море, мечты голубые
Волнуются в сердце моем.

19

Снова в сердце жар невольный,
Отошла тоска глухая,
Снова, нежностью томимый,
Жадно пью дыхание мая.

Вновь брожу по всем аллеям
Ранней, позднюю порою:
Может быть, под чьей-то шляпкой
Облик милый мне открою?

Над рекой стою зеленой,
На мосту слежу часами:
Может быть, проедет мимо
И скользнет по мне глазами!

Снова в плеске водопада
Слышу ропот, грусти полный.
Сердцу чуткому понятно
Все, о чем тоскуют волны.

И затерян я мечтами
В дебрях царства золотого,
И смеются в парке птицы
Над глупцом, влюбленным снова.

20

Пусть роза пахнет, разве ощущает
Она свой аромат? И соловей,
Сам чувствует ли он, что в нас рождает
Звучаньем песни сладостной своей?

Не знаю я. Но часто правда злая
Мешает нам! Пусть розу с соловьем
Обманывают чувства, — ложь такая
Нам кажется уместной кое в чем.

21

Тебя люблю я — неизбежна
Разлука наша, — не сердись!
Ведь облик твой, цветущий нежно,
И мой, печальный, не сошлись!

Да, от любви к тебе я вяну,
Я тощ и бледен стал, — взглядись!
Тебе я вскоре гадок стану,
Я удаляюсь, — не сердись!

22

Гуляю меж цветами
И сам цвести могу;
Как сонный, спотыкаюсь
Почти на каждом шагу.

Держи меня, голубка!
Пожалуй, с пьяных глаз
К твоим ногам свалюсь я, —
А в саду ведь народ как раз.

23

Как луна дрожит на лоне
Моря, полного тревогой,
А сама, ясна, спокойна,
Голубой идет дорогой, —

Так, любимая, спокойна
И ясна твоя дорога,
Но дрожит твой образ в сердце,
Потому что в нем тревога.

24

Альянс священный прочно
Связал нам теперь сердца;

Прижавшись тесно, друг друга
Постигли они до конца.

Ах! жаль, что юной розой
Украсила ты грудь,
Союзница бедная наша
Едва могла вздохнуть.

25

Скажи, кто открыл нам времени счет,
Придумал часы и измерил год?
То хмурый был, зябкий чудака, — за столом
Сидел он в зимние ночи с пером,
Считал — и слушал, как мыши пищали
Да как сверлячки монотонно трещали.

А кто открыл поцелуям счет?
Блаженный, влюбленный, смеющийся рот.
И он не раздумывал — он целовал,
Кругом волшебный май ликовал,
Цветы расцветали, луга зеленели,
Сияло солнце, и птицы пели.

26

Ах, как сад благоухает!
Как, осыпав синий полог,
Блещут в небе золотые
Звезды — рой пугливых пчелок!

Сквозь листву каштанов смотрит
Домик, ярко освещенный.
Кто-то тихо скрипнул дверью,
Слышу голос приглушенный.

Нежный трепет, робкий шопот,
Первой ласки жар невинный...
Ярче рдеет роз румянец,
Звонче рокот соловьиный!

27

Сон ли прежний я лелею,
Вновь зову мечту былую,
Вижу снова ту аллею,
Верю клятвам, поцелую?

Так же смотрит серп двурогий
К нам в беседку с небосвода,
Те же мраморные боги
На часах стоят у входа.

Ах, я знаю, нас обманут
Слишком радостные грезы,
И в снегах сердца увянут,
И умрут от стужи розы,

И остынем неизбежно,
И простимся без возврата
Мы, любившие так нежно,
Мы, пылавшие когда-то.

28

Поцелуй, что мы крадем
В темноте, в ночной тиши, —
Сколько сладкого блаженства
В них для любящей души!

В жажде вспомнить то, что было,
И вперед взглянуть, она
Дум о днях, давно минувших,
Грез о будущем полна.

Но, целуя, много думать —
Часто сущая беда.
Нет, душа, уж лучше плачь ты:
Плакать легче нам всегда.

29

Жил-был король суровый
В седых кудрях, угрюм душой,
И жил король суровый
С женою молодой.

И жил-был паж веселый,
В льняных кудрях и смел душой,
Носил он шлейф тяжелый
За юной госпожой.

Верь песенке старинной —
Поет она, звенит она:
Они погибли оба —
Любовь была слишком сильна.

30

Опять воскрешает мне память
Развеянный ветром образ.
Зачем меня волнует
Так глубоко твой голос?

Не говори: «Люблю!»
Позор не минует, я знаю,
Прекраснейшего в мире —
Любви весны и мая.

Не говори: «Люблю!»
Целуй без слез, без клятвы,
Посмейся увядшим розам,
Когда принесу их завтра.

31

«Лунным светом пьяны липы,
Дремлет воздух благовонный,
Звоном трелей ночь наполнив,
Соловей поет влюбленный.

Милый! Как приятно летом
Посидеть под липой темной,
Где лишь месяц робким светом
Золотит приют укромный.

Листик липы — точно сердце,
Оттого сердцам влюбленных
Любо теплой летней ночью
Отдохнуть меж лип зеленых.

Но, затерян в смутных грезах,
Ты глядишь с улыбкой странной.
О, каким желаньям сердца
Ты внимаешь, мой желанный?»

Я скажу тебе охотно,
Я б хотел, моя подруга,
Чтоб холодным снегом землю
Занесла седая вьюга

И чтоб мы, под ярким солнцем,
На санях, покрытых мехом,
Полетели по равнинам
С пеньем, гиканьем и смехом.

32

Раз в лесу, при лунном свете,
Видел я, как эльфы мчались;
Колокольчики с рожками
Вперегонку заливались.

Кони белые сквозь воздух,
Словно лебеди, летели

И оленьими рогами,
Золочеными, блестели.

И с улыбкой королева
Мне кивнула головою.
Что же будет? Вновь влюблюсь я,
Или смерть придет за мною?

33

Утром шлю тебе фиалки,
В роще сорванные рано;
Для тебя срываю розы
В час вечернего тумана.

Знаешь, что хочу сказать я
Аллегорией цветною?
Оставайся днем мне верной
И люби порой ночью.

34

Вы, право, не убили
Меня своим письмом:
Меня вы разлюбили,
А клятв — на целый том!

Отказ длинён немножко —
Посланье в шесть листов!
Чтоб дать отставку, крошка,
Не тратят столько слов.

35

Не страшись — скрывать от света
Я любовь свою привык,
Хоть красу твою в поэмах
Превозносит мой язык.

Нет! Под лесом роз душистых
Глубоко я схоронил
И пылающую тайну
И сердечный тайный пыл.

Пусть сомнительная искра
Из-под роз порой блеснет, —
Ты не бойся: это пламя
Свет поэзией сочтет.

36

Дни мои и даже ночи
Наполняет вешний звон
И ко мне зеленым эхом
Проникает даже в сон.

Но во сне напевы птичек
Как-то сказочней звучат,
Воздух мягче, от фиалок
Слаще льется аромат.

Розы кажутся краснее,
И вокруг головок их
Точно разлито сиянье,
Как у ангелов святых.

Сам себя уподобляю
Я в ту пору соловью;
В сладких песнях этим розам
Про любовь свою пою.

Про любовь пою, доколе
Блеском солнечного дня
Иль другими соловьями
Не разбужен буду я,

37

Бродят звезды-златоножки,
Чуть дыша, скользят вдали,
Чтоб ничем не потревожить
Сон полуночный земли.

Лес притих и чутко внемлет:
Что ни листик — то ушко!
Холм уснул и, будто руку,
Тень откинул далеко.

Тсс... Какой-то звук!.. И эхо
Отдалось в душе моей.
Был ли то любимой голос
Или только соловей?..

38

Весна грустит; глядят с кручиной
Ее цветы, печальны сны,
И звуки песни соловьиной
Тоскою тайною полны.

Дитя, не смейся беззаботно,
Так ясно, весело, прошу!
О, лучше плачь: слезу охотно
Я поцелуем осушу.

39

Я вновь мучительно оторван
От сердца горячо любимой.
Я вновь мучительно оторван, —
О, жизни бег неумолимый!

Грохочет мост, гремит карета,
Внизу поток шумит незримый.

Оторван вновь от счастья, света,
От сердца горячо любимой.

А звезды мчатся в темном небе,
Бегут, моей пугаясь муки.
Прости! Куда ни бросит жребий, —
Тебе я верен и в разлуке.

40

Надежды расцветают
И вянут без следа,
Опять расцветают и вянут, —
И так уходят года.

И оттого я не верю,
Что счастье ждет впереди.
Смеется мудрое сердце
И кровью исходит в груди.

41

Небо старцем красноглазым
Смотрит мрачно с вышины;
Облака на нем повисли,
Как густые седины.

Под его суровым взором
Вянут листья на цветах,
Вянут чувства, вянут песни
В человеческих сердцах.

42

Влачусь по свету желчно и уныло.
Тоска в душе, тоска и смерть вокруг.

Идет ноябрь, предвестник зимних вьюг,
Сырым туманом землю застелило.

Последний лист летит с березы хилой.
Холодный ветер гонит птиц на юг.
Вздыхает лес. Дымится мертвый луг.
И — боже мой! — опять заморосило.

43

Осень. Пал туман на доли,
Луг во мгле сырой исчез,
Ветер листья рвет, и голый,
Замерзая, стонет лес.

Лишь один, одет листвою,
Грустный клен чего-то ждет,
Все качает головою
И как будто слезы льет.

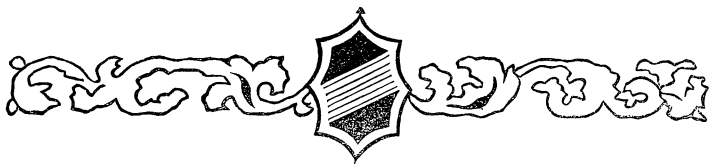
Ах, и в сердце смерть и вьюга,
Но, как этот клен живой,
В нем цветет, моя подруга,
Вечно юный образ твой.

44

Небо серо и дождливо,
Город жалкий, безобразный,
Равнодушно и сонливо
Отраженный Эльбой грязной.

Все — как прежде. Глупость — та же.
Те же люди с постной миной.
Всюду ханжество на страже
С той же спесью петушиной.

Юг мой! Я зачах в разлуке
С небом солнечным, с богами,
В этой сырости и скуке,
В человеческом бедламе.



РАЗНЫЕ

СЕРАФИНА

1

Поздно вечером брожу я
По тропам во мгле лесной.
Вслед за мною неотступно
Бродит нежный образ твой.

То вуаль твоя белеет
Или твой прекрасный лик?
Иль, быть может, сквозь деревья
Бледный лунный свет проник?

И мои ли это слезы
Тихо льются в тишине?
Или ты, голубка, плача,
Горько жалуешься мне?

2

На пустынный берег моря
Ночь легла. Шумит прибой.
Месяц выглянул, и робко
Шепчут волны меж собой:

«Этот странный незнакомец —
Что он, глуп или влюблен?»

То ликует и смеется,
То грустит и плачет он».

И, лукаво улыбаясь,
Молвит месяц им в ответ:
«Он и глупый, и влюбленный,
И к тому же он поэт».

3

Я белую чайку вижу,
Легко скользит она
Над черной пучиной моря;
Высоко плывет луна.

Акулы и скаты в волнах
Играют, и плещет волна,
Взмывает и падает чайка;
Высоко плывет луна.

Душа, ты не долговечна
И горестью полна.
Стоишь ты над самым морем;
Высоко плывет луна.

4

Что любишь ты, я знаю,
Давно уже открыл.
Но, выслушав признание
Твое, испуган был.

Взбирался я на горы
И пел там, и кричал,
И при заходе солнца
У моря я рыдал.

Как солнце, мое сердце —
Прекрасный великан —
Пылает, погружаясь
В любовный океан.

5

С каким любопытством чайка
Глядит, снижаясь к нам:
Зачем я ухом крепко
Прильнул к твоим губам?

Ей надо узнать, что в ухо
Уста твои мне льют:
Туда слова ли только
Иль поцелуи текут?

Я сам не понимаю
Журчанья в душе моей!
Слова и поцелуи
Смешались странно в ней.

6

Как серна робкая, она
Летела предо мною,
По скалам прыгая легко,
С распущенной косою.

Ее догнал я на краю
Крутой скалы прибрежной;
Там сердце гордое ее
Смягчил я речью нежной.

Сидели мы, как в небесах, —
Высоко и блаженно;
Под нами солище в бездне волн
Тонуло постепенно.

И потонуло в бездне волн
Прекрасное светило,
И море шумное над ним
Восторженно бурлило.

Не плачь о солнце! Никакой
Беды с ним не случилось:
Оно со всем своим огнем
В груди моей укрылось.

7

Мы здесь построим, на скале,
Заветной церкви зданье;
Нам новый, третий дан завет —
И кончено страданье.

Распался двойственности миф,
Что нас морочил долго,
Не стало глупых плотских мук
И слез во имя долга.

Ты слышишь бога в безднах? Там
Его вещает сила?
Над нашей видишь головой
Все божии светила?

Повсюду бог: во тьме ночей,
В блестящих света красках;
Во всем он сущем и живом —
И даже в наших ласках.

8

Ночь лежит на темном море,
Звезды маленькие блещут;
И полны каких-то звуков,
Станных, долгих, — волны плещут.

С серебристыми волнами
Ветер северный играет;
Их, как трубочки органа,
Раздувает, вверх кидает.

Слышен в них то хор церковный,
То языческое пенье;
Звуки мчатся ввысь, чтоб звездам
Там доставить наслажденье.

И растут, растут все звезды,
Разгораются и вскоре —
Велики, как солнца, в небе
Закружились на просторе.

И под музыку морскую,
Точно в пляске страстной мчатся;
Это соловьи-светила
Лучезарно веселятся.

Шум и грохот! Море с небом
Слились — слышу — в мощном пенье,
И душа моя ликует
В исполинском упоенье.

9

Тень любви, лобзаний тени,
Тени жизни, — как чудно!
Разве, глупая, мгновенье
Было нам навек дано?

Что так дорого нам было,
Таёт, как мечтаний дым,
Сердце все уже забыло,
И глаза уснули с ним.

10

Девица, стоя у моря,
Вздыхала сто раз подряд, —

Такое внушал ей горе
Солнечный закат.

Девуца, будьте спокойней,
Не стоит об этом вздыхать;
Вот здесь оно спереди тонет
И всходит сзади опять.

11

На черных ветрилах летит мой корабль
По дикой морской волне.
Ты знаешь, как мне грустно сейчас, —
И досаждаешь мне.

Ты вероломным сердцем своим
Коварнее ветра вдвойне.
На черных ветрилах летит мой корабль
По дикой морской волне.

12

Как низко ты поступила,
Людам шептать не стал я.
Я вышел на лодке в море,
И рыбам все рассказал я.

Доброе имя оставил
Тебе я только на суше;
Теперь во всем океане
Знают про стыд твой гнетущий.

13

На берег летит, вскипая,
Морской поток,
Смывая и размывая
Сырой песок.

И нет огромным, как тучи,
Конца волнам,
Их натиск все могучей, —
Что толку нам?

14

У моря сижу, на утесе крутом,
Мечтами и думами полный;
Лишь ветер, да тучи, да чайки кругом,
Кочуют, пенятся волны.

Знавал друзей я и ласковых дев —
Их ныне припомнить хочу я:
Куда вы сокрылись? Лишь ветер, да рев,
Да пенятся волны, кочуя.

15

Все море золотом горит
На солнце поутру.
Друзья, меня опустите
В него, когда я умру!

Я это море всегда любил,
Не раз его прибой
Студил так нежно сердце;
Дружило оно со мной.



АНЖЕЛИКА

1

В день господней благодати
Чтоб уста мои молчали?
Те уста, что так некстати
Столько пели в дни печали?

Помню я, как все мальчонки
Лезли петь за мной в то время;
Я страдал, а их книжонки
Лишь удваивали бремя.

Соловиный хор волшебный,
Что в душе моей таится,
Пусть в гармонии хвалебной
Нынче сладко разразится!

2

Ты быстро шла, но предо мною
Вдруг оглянулася назад,
Как будто спрашивали гордо
Уста открытые и взгляд.

К чему ловить мне было белый
По ветру бившийся покров?
А эти маленькие ножки —
К чему искал я их следов?

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна.
Невыносимо так покорна
Со мной и — даже влюблена!

3

Нет, прелестная, не верю
Строгой речи уст твоих:
Добротелъ не имеет
Черныхъ глазъ такихъ большихъ.

Я люблю тебя, — молчи же,
Брось прикрашенную ложь!
Сердцем чистым дай лобзанье, —
Сердцем ты меня поймешь!

4

Закрыв глаза ей, алый рот
Люблю я целовать;
Она покоя не дает, —
Причину хочет знать.

И с вечера не устает
До утра приставать:
«Зачем, когда целуешь рот,
Глаза мне закрывать?»

Какой тут у меня расчет, —
Сам не могу понять:
Закрыв глаза ей, алый рот
Целую я опять.

5

Когда я в твоих объятиях страстных
Вкушаю блаженство, в миг этот дивный
Молчи ты о нашей немецкой отчизне, —
На то есть причины: мне это противно.

Оставь, бога ради, немцев в покое,
Без них довольно на сердце кручины;
Ну, что толковать о родне, отчизне?..
Мне это противно — на то есть причины.

Там зелены дубы, глаза голубые
У женщин немецких, сердца наивны
И бьются лишь верой, надеждой, любовью.
На то есть причины — мне это противно.

6

Между тем как я, блуждая,
Сторожу чужие клады,
И к дверям чужих любовниц
Устремляю тайно взгляды, —

Может быть, другие люди
У моих окошек бродят
И с моей неоцененной
Переглядку тоже водят.

Совершенно человечна
Эта милая потеха!
Дай же бог на всех дорогах
Всем нам счастья и успеха!

7

Да, ты, конечно, мой идеал, —
Ведь это же без счета
Божбой и объятьями я скреплял;
Но нынче мешает работа.

Вот завтра после двух часов
Приди, — я вновь, по чести,
Влюбленность доказать готов!
Потом пообедаем вместе.

И если билеты мы найдем,
То буду я sарable
Сводить тебя в Опера потом:
Дают «Robert le Diable»—

Смесь обольщений и химер
Чертовского пошиба;
Музыку создал Мейербер
На текст нелепый Скриба.

8

Не отвергай! Пусть жар погас,
Возврата нет весне,
Но дай еще хоть малый срок,
Чтоб отгореть и мне.

И пусть не можешь ты любить,
Хоть другом назови.
Мы в дружбе ценим поздний дар
Долюбленной любви.

9

Эта масленица страсти,
Этот хмель сердец безумных, —
Все прошло; мы вновь спокойны
И зеваем, отрезвев.

Чаша выпита до дна,
Переполненная влагой,
Одуряющей, кипучей;
Чаша выпита до дна.

Замолчали тоже скрипки,
Вовлекавшие нас в пляску,
Пляску бешеных страстей;
Скрипки тоже замолчали.

И погасли лампы тоже,
Свет свой лившие зловеще
На собрание пестрых масок.
Лампы тоже все погасли.

Завтра пост начнется; пеплом
Я главу твою посыплю
И скажу тебе, прощаясь:
Помни, женщина, ты — прах.



ДИАНА

1

Эта масса чудо-тела,
Эта женственность-колосс
Мне без споров и без слез
Отдалась теперь всецело.

Если б к ней я самовольно
С пылом дерзостным приник,
То раскаялся бы в миг!
Да, побит я был бы больно.

Что за грудь, какая шея!
(Выше мне не разглядеть).
Прежде чем такой владеть,
Позабочусь о душе я.

2

Залив Бискайский был ей
Отчизной, говорят;
Она уж в колыбели
Замучила двух котят.

Потом через Пиренеи
Бежала она босиком.
Глазеть на великаншу
Валил Перпиньян валом.

Теперь же нет дамы выше
В предместьи Сен-Дени;
И стòит она сэр Вильяму
Тринадцать тысяч луи.

3

Посещая часто вас,
Благороднейшая донья,
Вспоминаю всякий раз
Рынок с площадью Bologna.

Там огромный есть фонтан —
Del Gigante — загляденье!
И Нептуном мастер Жан
Увенчал свое творенье.



ГОРТЕНЗИЯ

1

Верил я в былом далеком
В то, что поцелуи жен
Предназначены нам роком
От начала всех времен.

Поцелуи я в те годы
Строго так давал и брал,
Словно сам завет природы
Неизбежный исполнял.

Ныне я отлично знаю
Поцелуев суету, —
В них не верю, не мечтаю —
И целую на лету.

2

Вдвоем на уличном углу
Мы целый час стояли
И о союзе наших душ
Так нежно толковали.

В любви взаимной сотни раз
Друг другу признавались;
И так на уличном углу
Стоять мы и остались.

Богиня случая близ нас
Субреткою шмыгнула, —
Увидела, как мы стоим,
И, прыснув, упорхнула.

3

И в повседневных грезах,
В бессоннице неизменной,
Твой в сердце не умолкает
Смех, для меня бесценный.

Помнишь, как в Монморанси
Верхом на осла ты села
И вдруг, не удержавшись,
В чертополох слетела?

Осел остался спокоен,
Чертополох вкушая, —
Смех, для меня бесценный,
Мне не забыть, родная.

4

(Первая говорит:)

Посредине сада яблонь,
Видно яблоко на ней;
Вкруг самой же в светлых кольцах
Обвился блестящий змей.
От змеиных сладких взоров
Глаз не в силах я отнять —
Так заманчиво шипит он,
Искушает плод сорвать.

(Вторая говорит:)

Это жизни плод прекрасный;
Ты отведай, что за сок,
И тогда уж не напрасно
Проживешь житейский срок.

Да, голубушка-малютка,
Съешь, не бойся, я права:
Ты увидишь, что не шутка
Тетки опытной слова.

5

Строю вновь я струны цитры,
И звучит она так ново.
Текст же стар: «Жена — не сладость».
Это — Соломона слово.

Как обманывает мужа,
Так и другу изменяет!
И полынь в любовной чаше
Напоследок оставляет.

Справедливо, значит, было
Древней книги предсказанье,
Что готовит змей проклятье
За грехи нам в наказанье?

Змей в кустах ползет на брюхе
И высматривает жадно;
Речь заводит, как бывало, —
Слушать свист его отрадно.

Ах, как холодно и мрачно!
Солнце вороны затмили
И кричат. Любовь и радость
Долго будут спать в могиле.

6

Недолго счастья был обман,
Обещанного ложно,
И образ твой, как лживый сон,
В душе прошел тревожно.

Блеснуло солнце и туман
Рассеяло собою,
И мы, едва успев начать,
Покончили с тобою.



КЛАРИССА

1

Оробев, моих признаний
Словно ты не замечаешь;
На вопрос: отказ ли это? —
Горько плакать начинаешь.

Редко я молюсь, — так слушай,
О создатель! Помоги ей,
Осуши девицы слезы,
Просвети чуть-чуть мозги ей!

2

Где б ни шла ты, я повсюду
Каждый день тебе встречаюсь;
Чем суровей ты со мною,
Тем страстнее я влюбляюсь.

Гнев твой милый мне приятен,
Ласк твоих пришлось дичиться;
Если хочешь, чтоб отстал я,
Ты должна в меня влюбиться.

3

Чорт возьми твою мамашу
И папашу кстати тоже:
Из-за них вчера весь вечер
Я тебя не видел в ложе.

Вперед они сидели,
Развалясь, почти вплотную,
От моих влюбленных взоров
Скрыв малютку дорогую.

Созерцала эта пара
Двух влюбленных злостью,
И, когда они погибли,
Оба были в восхищеньи.

4

Не ходи по переулку,
Где те очи квартируют;
Хоть щадят тебя их взоры,
Но они восторжествуют.

Смотрят крайне благосклонно
Из-под дуг оконных арок;
Чорт возьми, какая нежность,
Как их пламень дивно-жарок!

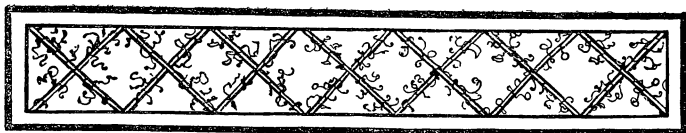
Но ведь ты на полдороге,
И усилия все напрасны;
С грудью, полною страданья,
Ты домой придешь, несчастный.

5

Твоя улыбка запоздала,
И запоздал твой жаркий вздох,
И чувств, отвергнутых тобою,
Забытый след давно заглох!

Напрасна поздняя взаимность,
И поздний взор напрасно жгуч;
Он светит мне на сердце так же,
Как на могилу солнца луч.

Но знать хотел бы я — со смертью
Куда уносится наш дух?
И где тот ветер, что затихнул?
И где тот пламень, что потух?



ИОЛАНТА И МАРИЯ

1

Эти дамы, понимая,
Что поэта чтут едой,
Отобедать пригласили
Нас — меня и гений мой.

Ах, как суп был превосходен!
И каких я вин вкусил!
Дичь божественной казалась,
Нашипигован заяц был!

Говорили, сколько помню,
О поэзии; и вот
Я и сыт и благодарен
За оказанный почет.

2

В которую из двух влюбиться
Моей судьбой мне суждено?
Прекрасна дочь, и мать прелестна,
Различно милы, но равно.

Неопытно-младые члены
Так сладко ум тревожат мой,
Но гениальных взоров прелесть
Всесильна над моей душой.

В раздумьи, хлопая ушами,
Стою, как Буриданов друг
Меж двух стогов стоял, глазаея, —
Который лакомей из двух.

3

Бутылки пусты, был вкусен обед,
У дамочек щеки пылают,
Задорно они распустили корсет
(Его кружева украшают).

Лилейные плечи, прелестная грудь!
Гляжу в испуге немалом...
Кидаются дамы в постель отдохнуть,
Укутавшись одеялом.

Задернули занавес. Тишь, полумрак,
И взапуски захрапели.
Один среди спальни стою, как дурак,
В смущеньи смотрю на постели.

4

Юность кончена. Приходит
Дерзкой зрелости пора,
И рука смелее бродит
Вдоль прелестного бедра.

Не одна, вспылыв сначала,
Мне сдавалась, ослабев.
Лесть и дерзость побеждала
Ложный стыд и милый гнев.

Но в блаженствах наслажденья
Прелесть чувства умерла.
Где вы, сладкие томленья,
Робость юного осла!



ЭММА

1

Как ствол древесный, стоит он
И в зной и в лютый мороз;
Воздеты руки к небу
И в землю пятою врос.

Так страждет Багирата годы,
Но тронулся Брама, и вот
Велит он Гангу пролиться
На землю с горных высот.

А я, дорогая, напрасно
Один скорблю в тишине;
Из глаз твоих небесных
Хотя бы капелька мне!

2

Сутки ждать я должен счастья.
Это счастье без границ
Посулил твой взгляд, украдкой
Мне блеснув из-под ресниц.

Слово — слишком неуклюже,
Слишком беден наш язык,
Молвишь только — и умчится
Мотылек прекрасный вмиг.

Взор один лишь беспределен
И блаженство мне сулит,
Беспредельное, как небо,
Где созвездий блеск разлит.

3

Месяц тянется любовь —
И еще ни поцелуя!
Сохнут жаркие уста,
В одиночестве тоскуя.

Был так близок счастья миг,
Я дыхание любимой
Ощущал у самых уст, —
И промчалось счастье мимо!

4

Молви, Эмма, без раздумья:
От любви ли я безумен,
Иль сама любовь — наследство
Моего, увы, безумья!

Ах, меня, друг милый Эмма,
Наряду с любовью глупой,
Кроме глупости любовной,
Мучит самая дилемма.

5

Быть с тобою — свыше силы:
Крик и спор! Бегу я прочь.
Без тебя мне жить невмочь,
Жизнь — подобие могилы.

Бьюсь я ночи напролет
Между смертью и геенной.
Эта мука, несомненно,
Хоть кого с ума сведет.

6

Все опаснее и глуше
Подползает злая ночь;
И устали наши души,
И зевков не превозмочь.

Я старик, ты постарела,
От весны далеки мы,
Я остыл, ты охладела
С приближением зимы.

Ах, в конце не жди победы!
За чредой любовных бед
Без любви придут к нам беды,
Смерть придет — за жизнью вслед.



ТАНГЕЙЗЕР

(*Легенда*)

1

Страшитесь козней сатаны,
Честные христиане!
Пусть вас Тангейзера судьба
Остережет заране.

Тангейзер, рыцарь молодой
И в счастье полный веры,
Решил веселья и любви
Искать в горе Венеры.

Он пробыл там семь целых лет.
«Венера, будь здорова!
Здесь жить я больше не хочу;
Даруй мне волю снова».

«Тангейзер, славный рыцарь мой,
Меня целуешь мало!
Скажи, чего же здесь тебе
Еще недоставало?»

Не лучшим ли тебя вином
Всегда я угощала?
И не венками ли из роз
Чело твое венчала?»

«Венера, ласки и вино
Невыносимы стали;

Я болен сердцем и душой,
И жажду я печали.

Наскучил мне веселый смех,
Теперь мне нужны слезы;
Колючих терний я ищу
На место нежной розы».

«Тангейзер, милый рыцарь мой,
Ведь ты заводишь ссору;
А сам клялся не покидать
Меня и эту гору.

Пойдем-ка в комнату мою
Понежиться со мною;
Лилейно-белым телом я
Чудесно успокою».

«Венера, милая жена,
Ты вечно не увянешь;
Пленяла многих ты досель,
И впредь не перестанешь.

Но чуть героев и богов
Я вспомню, что владели
Тобой, — мне думать о твоём
Лилейно-белом теле

Противно; думать страшно мне —
Сколько ещё уделом
Осталось обладать твоим
Лилейно-белым телом».

«Тангейзер, славный рыцарь мой,
Не говори так едко.
Уж лучше ты меня прибей,
Как и бивал нередко.

Побей, — но гордость ты мою
Насмешкою коварной

Не оскорбляй, христианин
Сухой, неблагодарный!

Любила слишком я тебя, —
За это мне такую
Ты платишь бранью... Ну, ступай!
Я дверь сама открою».

2

Звонками, и звоном, и пением Рим
Зовет богомольцев к святыне:
Церковное шествие тянется там,
И папа грядет посредине.

Смиренного папы Урбана чело
В лучах триединой короны;
Пурпурною мантией он облачен,
У шлейфа — князя и бароны.

«Святейший отец наш, о папа Урбан!
Хоть шествия чин я нарушу,
Но здесь же ты исповедь примешь мою.
От ада спасешь мою душу».

Замолкло духовное пенье; народ
Отхлынул, и круг расступился.
Кто этот усталый, больной пилигрим,
Что к папским ногам повалился?

«Святейший отец наш, о папа Урбан,
Ведь ты разрешаешь и вяжешь, —
Меня ты избавишь от дьявольских сил,
Лишь слово прощения скажешь.

Я — рыцарь Тангейзер. Задумал я жизнь
Любви посвятить и веселью,
И в гору Венеры пошел я и там
Семь лет проживал с этой целью.

Венера — красавица, равной ей нет;
Весь в локонах выющийся волос;
Как роз аромат и как солнечный свет —
Ее упоительный голос.

Как ищущий меду в лугах мотылек
Порхает весной над цветами,
Так я безотлетно витаю душой
У ней над цветочком-устами.

В лице благородство; большие глаза
Глядят обаятельно, мило;
Но только упал на тебя этот взор —
Так дух у тебя захватило.

Но только упал на тебя этот взор, —
Стоишь как прикованный чудно.
Расстаться мне с ней, уйти из горы
Мне было так трудно, так трудно!

Я спасся, я вышел из этой горы;
Но взоры те точно впились
В меня — и преследуют всюду, и мне
Все шепчут они: «Возвратися!»

Безжизненным призраком днем я брожу,
Лишь ночью мне будто живется;
В то время Венера мне снится, — она
Со мною сидит и смеется.

Смеется так счастливо, бешено так,
Так сладко, так детски-здорово.
А зубы — как жемчуг!.. Лишь вспомню
тот смех, —
Все плачу я снова и снова.

Любовь моя к ней — всемогущая власть,
Бессильно с ней борются годы...
Она водопад, повергающий с гор
Ничем неудержные воды!

По кручам, с одной на другую, все вниз,
Он, падая, в пене грохочет,
И сколько бы шей на пути ни свернул,
Паденья сдержать он не хочет.

Когда бы властителем неба я был,
Венере я, в виде подарка,
Поднес бы все небо и солнце, луну
И звезды, блестящие ярко.

Сильна, всемогуща моя к ней любовь,
И сердце она мне сжигает;
Не ею ль мучения вечные ад
Уж здесь на земле начинается?

Святейший отец наш, о папа Урбан,
Ведь ты разрешаешь и вяжешь, —
Ты можешь от ада избавить меня,
Лишь слово прощения скажешь».

Но папа со скорбию руки воздел,
И рек он со скорбию внятно:
«Тангейзер несчастный! Ты в чарах греха
Навеки погиб безвозвратно.

Тот дьявол, что люди Венерой зовут,
Из всех богопроклятых — худший,
И вырвать нельзя у него из когтей
Тебя, нечестивец заблудший.

Душою своей ты оплатишь теперь
Плотские свои наслажденья;
Ты небом отверженный, ты обречен
На вечные ада мученья».

3

Поспешно и долго Тангейзер идет;
У рыцаря ноги все в ранах.
В Венерину гору пришел он назад
В час полночи, в тьме и туманах.

Венера, услыша, проснулась, тотчас
С кровати она соскочила
И к милому другу бежит и его
Объятьями нежно обвила.

Пошла у ней из носу кровь, а из глаз
Струилися слезы с любовью,
Лицо драгоценного друга она
Кропила слезами и кровью.

Но рыцарь молчал. Он прилег на постель,—
Усталому отдых был нужен;
Венера на кухню пошла и сама
Ему приготовила ужин.

Она подала ему хлеба и суп
И ноги больные обмыла,
Очистила грязь в волосах и, трудясь,
Смеялась так сладко, так мило.

«Тангейзер, о рыцарь возлюбленный мой,
Давно ты со мною расстался!
Но снова ты здесь; расскажи мне теперь,
В каких же ты странах скитался?»

«Венера-красавица, в Риме я был,
Имел я там важное дело;
Туда поспешил я: то дело решить
Давно уже время приспело.

Весь Рим на семи расположен холмах,
И Тибр между них протекает;
Там папу Урбана я видел, и он
Поклоны тебе посылает.

В Милан и Флоренцию я завернул,
Когда уж к тебе возвращался;
На этом пути по швейцарским горам
Я смело к вершинам взбирался.

Когда я на высях альпийских стоял,
Метель поднялася там скоро.
Вверху надо мною кричали орлы,
Внизу улыбались озера.

С высот Сен-Готарда услышал я вдруг
Германии спящей храпенье, —
Ее убаюкало в сладостный сон
Трех дюжин властителей пенье.

У швабов я в «школу поэтов» зашел,
Милейших малюток; сидели
На маленьких суднах они; колпачки
На их головенки надели.

Во Франкфурт я прибыл на шабаш, там ел
Я клетки и шалет, — нет нашей
Религии лучше! Я тоже люблю
И гуся вареного с кашей.

Пса видел я в Дрездене: некогда был
Пес добрый; теперь выпадают
У бедного зубы один за другим,
Он мочится только и лает.

А в Веймаре, муз овдовелых гнезде,
Наслышался многих я жалоб,
Что Гете скончался, а Эккерман жив,
Хоть жить не ему надлежало б.

Идя по Потсдаму, услышал я крик,
«Что это, — спросил, — означает?» —
«А это в Берлине, — сказали мне, —
Ганс

Про наше столетье читает».

Во всем Геттингене наука цветет,
Но фруктов у ней не родится;
Пришел я в глубокую ночь — и нигде
Не мог освещенья добиться.

Я в Целлэ в смиренном доме нашел
Ганноверцев только. О дети
Германии! нет у нас общей тюрьмы
И общей для нации плети!

На улицах в Гамбурге страшная вонь.
Спросил я: «Да в чем же причина?»
Христиане, евреи — все дали ответ:
«Воняет помойная тина».

Хоть жители Гамбурга честный народ,
Но есть и мошенников много;
На бирже я думал, что в Целлэ я вновь
И все не ушел из острога.

Из Гамбурга я и в Альтону ходил,
Доволен ее красотою.
В другой раз подробно тебе расскажу,
Что там приключилось со мною».



ПЕСНИ БЫТИЯ

1

Бог вначале создал солнце
После — сонмы звезд полночных;
Капал пот с чела, — из пота
Сотворил быков он мощных.

И животных создал диких,
Львов когтистых, хищно-грозных;
А по львиному подобию —
Кошек милых, грациозных.

Человека сотворил он,
Как царя пустынь окрестных;
А по образу людекому —
Обезьянок интересных.

«Сам себе, — смеялся дьявол, —
Вторит всемогущий тонко:
Под конец еще, пожалуй,
По быку создаст теленка!»

2

И господь ответил чорту:
«Сам себе я вторю тонко, —
После солнца создал звезды,
По быку создам теленка;

После львов в косматых гривах
Создал кошек шаловливых,
Обязьян — как человека;
Ты ж бездарен был от века!

3

Да, солнце, львов, людей красивых
Я сотворил себе во славу;
А звезды, кошек, мартышек игривых
Я создал себе самому на забаву.

4

Едва лишь я начал труд творенья,
Как через неделю мир был готов;
Но план глубочайший миростроенья
Я обсуждал века веков.

По плану всякий действует смело
И быстро работу мастерит;
Но самый план — иное дело:
Здесь дух художника сокрыт!

Я должен был один, нахмурясь,
Лет триста каждый день размышлять, —
Как лучше важных *doctores juris*
И самых маленьких блох создавать».

5

«В день шестой, — сказал создатель, —
Я закончил, наконец,
Это чудное творенье, —
Вот мечты моей венец!

Как лучи в волнах играют!
Словно золото в них льют!
Как деревья зеленеют!
Да не живопись ли тут?

Не белеют ли барашки
Алебастром на лугу?
Да, назвать натуру эту
Натуральной я могу!

И земля, и небо дивно
Отражают образ мой,
Петь хвалу мне будет вечно
Изумленный род людской!

6

Из пальца высосать кто бы мог
Для звучных песен сюжеты?
Из ничего не творит и бог,
Равно как земные поэты.

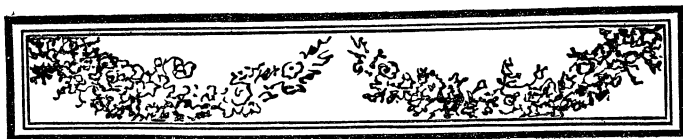
В мужчину предвечной грязи комок
Легко претворен был мною;
Ребра же мужского жирный кусок
Прекрасною стал женою.

Для неба взял я земное зерно,
Лик ангелов — женщин цветенье;
Законченность формы — вот чем должно
Блестать любое творенье!

7

Зачем я, в сущности, решил
Творить, — охотно я открою:
Призвание овладело мною,
Порыв безумно-пылких сил.

Да, я болезнь считать готов
Причиной творческого рвения;
Творя, я ждал выздоровленья, —
Творя, я стал опять здоров».



ФРИДЕРИКА

1

Оставь Берлин, где воздух густ и пылен
И жидок чай; где над умом людским
Один лишь Гегель царствует, всемогущ,
И жизни смысл для всех указан им.

Умчимся в край, где аромат обилен,
В край солнечный, который мной любим,
Там льется Ганг, и вдоль его извилин
Идет в одежде белой пилигрим.

Там в пальмовой, священной людям сени
Блестит волна, и лотоса цветок
Стремится в Индры голубой чертог;

Там преклоню перед тобой колени,
И прозвучит из уст моих привет:
«Прекрасней вас, madame, на свете нет!»

2

Струится Ганг. Разумными очами
Глядит газель, отважно с высоты
Сбегая вниз, и яркими цветами
Павлинов чванных искрятся хвосты.

Из недр лугов невиданные нами
Являются роскошные цветы.

Несется песнь кокиласов волнами.
Красавица! Всех жен прекрасней ты!
В твоих очах сам бог великий Кама,
И он, твоей душою овладев,

Вложил в уста чарующий напев;
Вассант твои уста взял вместо храма.
В твоих глазах — мне новые миры,
И собственный мне тесен с той поры.

3

Струится Ганг и плещет. Гималайи
Сверкают под лучом прощальным дня.
Слоны, из рощ тенистых выбегая,
Спешат на блеск вечернего огня.

Где образ? Я за образ дам коня!
С чем я сравню тебя, о дорогая?
Но для тебя, прекрасная, благая,
Сравнений нет достойных у меня.

За образом гоняясь без успеха,
С любовью я и с рифмою — в борьбе,
А ты, увы, сдержать не в силах смеха.

Но смейся! Ведь, чтоб угодить тебе,
Коснутся цитр своих Гандарвы-боги
Там, в высоте, где блещут их чертоги.



КАТАРИНА

1

Звезда взошла во тьме моей ночи,
Отраду неба льют ее лучи,
Суля мне новой жизни дни...
Не обмани!

Как море воздымается луной,
Так тянут к небу дух оживший мой
Твои чудесные огни...
Не обмани!

2

«Хотите, я вас познакомлю с нею?» —
Шепнула мне герцогиня сама.
О нет, не нужно, я не смею,
Я уж и так схожу с ума.

Мне страшно с женщиной прекрасной,
Я весь дрожу, я слышу вдруг
Призыв волнующий и властный
Желаний новых, новых мук.

Иду за ней, томим тоскою,
Но подойти не смею к ней.
Ее глаза владеют мною,
Как звезды злой судьбы моей.

Так ясен лоб! Но вдруг зарница
Дрожит в предгрозовой тиши.
Я знаю, буря разразится
И рухнет мир моей души.

Так нежен рот! Но, боже правый,
Меж роз я вижу там змею,
Что ранит сладостной отравой,
Любовной ложью грудь мою.

Нет сил! Но в жажде страстной муки
Иду... пылает голова!
Вновь эта речь... какие звуки!..
Поющий пламень ее слова!

«Monsieur! А как зовут сопрано,
Что спела только что финал?»
Шатаюсь, говорю как пьяный:
«Простите, я... я не слышал».

3

Как Мерлин, я обречен
В жертву чарам; я прикован,
И в кругу, что заколдован,
Я вращаться осужден.

От красавицы нет мочи
Оторваться мне: лежу
Я у ног ее, гляжу
По часам любовно в очи.

Словно сон, бегут недели,
Дни, часы... Ее слова
Понимаю еле-еле,
Сознаю свои едва.

Иногда прикосновенье
Уст ее к устам моим
Мнится мне, и в те мгновенья
Я в душе огнем палим.

4

В объятьях моих, у сердца
Готова лежать ты всегда!
Твое я родное небо,
Моя ты родная звезда.

Под нами внизу копошится
Дурацкое племя людей;
Кричат, бранятся, и каждый
Уверен, что всех умней.

Звонят на них погремушки,
Все спорят; спор бестолков;
Вот-вот разобьют друг дружке
Дубинками головы в кровь.

Как счастливы мы с тобою!
От нас далека их вражда —
Ты в небе родном головку
Покоишь, моя звезда!

5

Люблю я эту бледность тела, —
Покров души изящной, — очи
Огромные и эти кудри
Вокруг чела, как крылья ночи!

Жену как раз такого сорта
Искал я долго повсеместно;
Я тоже оценен тобою,
И это мне, конечно, лестно.

Найдя во мне, чего хотелось
Тебе самой, ты щедро станешь
Меня лобзаньями счастливить;
Потом, как водится, обманешь.

6

Весна, казалось, у ворот
Ждала меня с приветом.
Как вешний сад весь мир цветет
Нарядным новым цветом.

Мы выезжаем на простор,
Возок легко несется,
В глаза мне смотрит нежный взор,
У сердца сердце бьется.

Кругом звенит, играет, блеснит,
Сверкает, распевает!
Всё в белом деревцо стоит
И головой кивает.

И хором все цветы полей
Нам шлют привет согласный —
Мне, счастья баловню, и ей,
Счастливице прекрасной.

Обманчивый сон! Беспощадной рукой
Пройдет косарь по лугу,
Весна умчится, и другой
Пленит мою подругу.

7

Мне недавно сон приснился,
Будто я в раю гуляю,
Разумеется, с тобой;
Без тебя мне рай — геенна.

Видел праведных я там,
И смиренных и избранных,
Плоть губивших на земле
Для спасенья душ на небе.

Там апостолов я видел,
Капуцинов и аскетов —

Все старье, а молодые
Видом хуже, чем старье.

Много там седых бород,
Длинных лиц, широких лысин,
(Среди прочих и евреи)
Мимо нас прошли рядами.

Но от них тебе — ни взгляда,
Как плечом ко мне ни жалась,
И шая, и улыбаясь,
И кокетничая мило.

Лишь один тебя заметил; —
Он, единый между всеми,
Был божественно прекрасен,
Дивен обликом и взором.

Кротость смертного в улыбке,
Мир божественный во взоре,
И взглянул он на тебя,
Как тогда — на Магдалину.

Знаю, помысел был чист —
Выше нет и благородней, —
Но меня, увy, увy!
Все ж коснулась тайно ревность.

Каюсь — господи, прости! —
Стало мне в раю неловко:
От присутствия Христа
Я почувствовал стесненье.

8

На летний праздник все с собою
Своих подружек привели;
Моей здесь нет; от всех вдали
Брожу один с своей тоскою.

Один брожу и, точно хворый,
От веселящихся бегу;
И мысли все мои и взоры
Там, на британском берегу.

Срываю я гвоздики, розы,
Кому, не знаю, их отдать;
Цветам придется увядать,
И сердце мне убьют морозы.

9

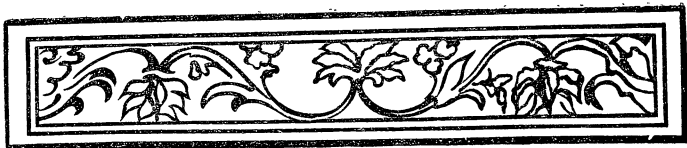
Так долго, будто бессловесен,
Я все молчал; но вновь пою!
Приходит в очередь свою
И время слез и время песен.

Теперь опять поется звучно
О днях любовных нег и мук,
И о томлени в дни разлук
Сердец, которым вместе скучно.

Порой мне кажется, что веет
Германский вяз над головой,
Шепча: «Увидимся с тобой»;
Но это сны — их день рассеет.

Порой мне снится — распевает
Немецкий старый соловей.
И сладко так душе моей,
Но это сон и вмиг он тает!

Завяли розы, чья любовь
Дарила счастье мне когда-то,
И лишь мутят мне душу вновь
Дыханьем слабым аромата.



НА ЧУЖБИНЕ

1

Из края в край твой путь лежит;
Идешь ты — рад не рад.
По ветру нежный зов звучит —
И ты взглянул назад.

Твоя любовь в стране родной;
Манит, зовет она:
«Вернись домой! Побудь со мной!
Ты радость мне одна».

Но путь ведет и в даль и в тьму,
И остановки нет.
Что так любил — вовек к тому
Не приведет и след.

2

Сегодня ты такой печальный,
Каким уж не был много дней!
Щека блестит росой хрустальной
И вздохи сердца все слышней.

Иль вспомнил родину в далеком,
В туманно-призрачном былом?
Ведь ты бы рад был ненароком
Побывать в отечестве своем.

Иль вспомнил даму, что так мило
Бывала гневною подчас?
Сердился ты, — ей грустно было,
Потом смеялись всякий раз.

Иль вспомнил тех, что обнимали
Тебя как друга в страшный миг?
В груди желанья бушевали,
Но оставался нем язык.

Иль вспомнил мать, сестру родную?
Слугнуть их образ не спеши!
Мой милый, дрогнула, я чую,
Решимость дикая души.

Иль вспомнил щебет птиц и сени
Густого сада, где вкушал
Блаженство юных сновидений,
Где ты робел, где ты мечтал?

Уж поздно. Дали серебрятся
Сквозь мокрый снег белесой мглой.
Однако время одеваться
И ехать в гости. Боже мой!

3

Был у меня прекрасный отчий край.
В краю родном
Рос гордый дуб, фиалки там цвели.
То было сном.

Там целовали, там твердили мне
(О, как знаком
Казался сладкий звук!): «Люблю тебя!»
То было сном.



ТРАГЕДИЯ

1

Бежим! Ты будешь мне женой,
Мы отдохнем в краю чужом!
В моей любви ты обретешь
И родину и отчий дом.

А не пойдешь, я здесь умру,
И ты останешься одна,
И будет отчий дом чужим,
Как чуждадельная страна.

2

*(Это подлинная народная песня,
и я ее слышал на Рейне.)*

Дохнула стужей весенняя ночь,
Дохнула на голубые цветы,
Они увяли, погибли.

Веселый парень подружку любил,
Ее тайком из дома увез,
Ни мать, ни отец не видали.

Их горькая доля по свету гнала,
Их злая мачеха — жизнь извела,
Нужда иссушила, сгубила.

3

И липа цветет над их могилой,
И свищет птица да ветер унылый,
А под шатром зеленых ветвей
Сидит сын мельника с милой своей.

И птица так нежно и грустно щебечет,
А ветер так тихо и странно лепечет, —
Любовники молча внемлют ему
И плачут — и все не поймут почему.



Р О М А Н С Ы

1

ЖЕНЩИНА

Любовь их была глубока, сильна,
Был вором он, потаскушкой — она.
Когда ему сплутовать удавалось,
Она, упав на кровать, смеялась.

Летели шумно и буйно дни;
Ночами целовались они.
В тюрьму попал он. Она не прощалась;
Глядела из окна и смеялась.

Послал сказать он: «Зайди ко мне!
С ума нейдешь наяву, во сне;
Душа моя по тебе стосковалась!»
Качала она головой, смеялась.

Чем свет его вешать повели,
А в семь часов в могилу снесли.
А в восемь уж она спозналась
С другим, пила и вновь смеялась.

2

ВЕСЕННЕЕ ЛИКОВАНИЕ

Весна с упоением ее и тоской...
Румяные девушки, дикими став,
Уносятся, волосы разметав,
И грудь их открыта, и жалобный вой;
«Адонис! Адонис!»

Приходит ночь. Во тьме лесов
При факельном свете рыщут они,
И в ужасе глушь отражает огни,
И вопли, и хохот, и плач их, и зов:
«Адонис! Адонис!»

Прекрасный юношеский лик
Простерся, мертвый, на земле.
Кровь на цветах горит во мгле,
И воздух наполнил рыдающий крик:
«Адонис! Адонис!»

3

ЧАЙЛЬД-ГАРОЛЬД

Крепкий, черный, челн просторный
Мрачно режет лоно вод.
В нем с угрюмой тихой думой
Стража смертная плывет.

Бледный ликом, в сне великом,
Недвижим лежит поэт.
Голубые, как живые,
Смотрят очи в горний свет.

Словно жалкий клич русалки,
Звонко стонет глубина.
Это волны, скорбью полны,
Мерно плещут вокруг челна.

4

ЗАКЛИНАНЬЕ

В угрюмой келье сидит монах
Над книгой сокровенной.
То древний кодекс волшебства:
«Власть мудрых над геенной».

Вот полночь бьет — и монах не стерпел:
Чуть замер звон металла,
Губами бледными воззвал
Он к сонмам Белиала.

«Вы, духи! Прекраснейшей девы труп
Из гроба несите мне в келью!
На эту ночь ей дайте жизнь, —
Хочу предаться веселью!»

Он страшное слово заклатья сказал,
И чудо совершилось:
Красавица мертвая, скорбная тень,
На властный зов явилась.

Туманен взор. Холодная грудь
Вздыхает в глубокой печали.
И долго сидели они вдвоем,
Сидели — и молчали.

5

ИЗ ПИСЬМА

(Говорит солнце)

Дался тебе мой взор, поэт!
Светило так сотворено,
Чтобы сиять — дарить равно
Слуге и господину свет.

Дался тебе мой взор, поэт!
Будь честным немцем, без затей:
Возьми жену; рожай детей, —
Исполни долг, вот мой совет.

Могу ль не расточать мой свет?
Я создано, чтобы лететь,
Светить, от скуки вниз глядеть, —
Дался тебе мой взор, поэт!

(Г о в о р и т п о э т)

О, в этом долг мой и призвание:
В восторге петь, как светишь ты,
Сердечной юности сиянье,
Бессмертный пламень красоты!

Но старость угрожает зренью,
Мой взор слабеет каждый час.
Ночь, надвигаясь черной тенью,
Твой свет готова скрыть от глаз.

(Х о р о б е з ь я н)

А мы, обезьяны,
Мартышки, павианы,
Не сводим с солнца глаз, —
Оно прогнать не может нас!

(Х о р л я г у ш е к)

В воде, в воде —
Вот сыро где!
На сушу мы скок —
И греем бок.
А при этом
Наслаждаемся солнечным светом.

(Х о р к р о т о в)

Чего там человек хлопочет:
Лучи, сиянье, солнца свет!
Нас что-то теплое щекочет,
Мы чешемся, а толку нет!

(С в е т л я ч о к)

В надменном солнце — что за прок?
Ему отпущен краткий срок:
Лишь день! А вот в ночи, в ночи
Горят мои, мои лучи, —
Но скромн светлячок!

6

ЗЛОСЧАСТЬЕ

Звезда заискрилась светом —
И с неба упала при этом.
Любовь, дитя? Она — звезда,
Что в грязь скатилась навсегда.

Как пес опаршивевший, скоро
Издохнет она у забора.
Кричит петух, визжит свинья:
В навозе — сладость бытия!

Упасть бы мне в сад полуночный
К семье дружелюбной цветочной, —
Туда звала меня мечта,
Там гроб благовонен и смерть чиста.

7

ANNO 1829

О, пусть я кровью изойду,
Но дайте мне простор скорей!
Мне страшно задыхаться здесь,
В проклятом царстве торгашей.

С утра до ночи пьют и жрут, —
Кротовье счастье брюху впрок.
Как дырка в кружке для сирот,
Их благодетельный дух широк.

Их труд — в карманах руки греть,
Сигары модные курить,
Спокойно переварят все,
Но их-то как переварить!

Хоть на торги со всех сторон
Привозят пряности сюда,
От их душонок рыбьих тут
Смердит тухлятиной всегда.

Нет, лучше мерзостный порок,
Разбой, насилие, грабеж,
Чем счетоводная мораль
И добродетель сытых рож!

Эй, тучка, унеси меня,
Возьми с собой в далекий путь,
В Лапландию, иль в Африку,
Иль хоть в Штеттин — куда-нибудь!

О, унеси меня! Летит...
Что тучке мудрой человек!
Над этим городом она
Пугливо ускоряет бег.

8

ANNO 1839

Тебя, Германию родную,
Почти в слезах мечта зовет!
Я в резвой Франции тоскую,
Мне в тягость ветреный народ.

Сухим рассудком, чувством меры
Живет блистательный Париж.
О, глупый бубен, голос веры,
Как сладко дома ты звучишь!

Люди учтивы. Но с досадой
Встречаю вежливый поклон.
В отчизне истинной отрадой
Была мне грубость испокон.

Дамы прелестны. Как трещотки,
Не знают устали болтать,
Милей немецкие красотки,
Без слов идущие в кровать.

Здесь каруселью исступленной
Все кружится, как дикий сон.
У нас порядок заведенный
Навеки к месту пригвожден.

Мне словно слышится дремливый
Ночного сторожа рожок,
Ночного сторожа призывы
Да соловьиных песен ток.

В дубравах Шильды безмятежной
Таким счастливым был поэт!
Там в звуки рифм вплетал я нежно
Фиалки вздох и лунный свет.

9

РАНО УТРОМ

На предместье Saint Marceau
Лег туман сегодня утром —
Поздней осени туман,
Очень схожий с белой ночью.

Ночью белою бродя,
Я увидел мимоходом
Женский образ пред собой,
Свету лунному подобный.

Да, он был, как лунный свет,
Он скользил, красив и нежен;
И подобных очертаний
Я во Франции не видел.

Это не сама ль луна,
Засидевшаяся нынче
Поздно так в quartier Latin
У дружка Эндимиона?

«Что ж, — я думал, — ты, луна,
От меня лицо скрываешь?
Не сочла ли ты меня
Солнцедержцем славным, Фебом?»

10

РЫЦАРЬ ОЛАФ

I

У дверей собора двое,
И в кафтанах оба красных,
И один из них властитель,
А другой — палач придворный,

Палачу король промолвил:
«По поповским песням слышу,
Что кончается венчанье, —
Будь с секирой наготове».

Перезвон. Органа ропот,
И поток из церкви хлынул.
Толпы пестрые народа
Окружают новобрачных.

Словно смерть, бледна, тосклива
Молодая королева.
Смело смотрит рыцарь Олаф,
Алых уст дерзка улыбка.

Королю он, усмехаясь,
Молвил алыми устами:
«Здравствуй, тесть, падет сегодня
Голова моя на плаху.

Я умру сегодня. Дай же
Лишь до полночи пожить мне,
Чтоб свою я справил свадьбу
Пиром с пляскою веселой.

Дай пожить мне, дай пожить мне,
Чтоб последний выпить кубок,
Чтоб сплясать последний танец,
Дай пожить мне до полночи».

Палачу король промолвил:
«Зятю нашему дарую
Жизнь его до полуночи, —
Будь с секирой наготове».

II

Рыцарь сидит за брачным столом,
Последний кубок полон вином.
К плечу его, бледна,
Припала жена.
Палач стоит перед дверью.

Бесчисленных факелов блещут огни,
И в круг гостей вступают они,
И пляшут в полночный час
В последний раз.
Палач стоит перед дверью.

Несется скрипок веселый звон,
Несется флейты печальный стон,
У всех, кто на пляску глядит,
Сердце щемит.
Палач стоит перед дверью.

И пляска длится, и зал дрожит,
И рыцарь, склонясь к жене, говорит:
«Тебя люблю я так сильно. —
Ждет холод могильный».
Палач стоит перед дверью.

III

О, рыцарь Олаф, час настал.
Окончены с жизнью расчеты,
Ты королевскую дочь любил
Свободно и без заботы.

Во тьме ночной блестит топор
Псалмы бормочут монахи.

В кафтане красном человек
Стоит у черной плахи.

Выходит рыцарь из дворца.
Весь двор блестит огнями,
Смеются алые губы его,
Он алыми молвит устами:

«Я славлю солнце, я славлю луну
И звезд небесных сиянье,
И славлю птиц я в вышине
Веселое щебетанье.

Я славлю море, славлю твердь,
Я славлю цветы полевые,
Я славлю фиалки, они — как глаза
Жены моей голубые.

Глаза-фиалки моей жены,
За вас моя жизнь пропала;
И славлю бузинную чашу я,
Где ты моею стала».

11

РУСАЛКИ

На берег волна за волною бежит,
Взошла луна золотая.
На белой дюне рыцарь лежит
И смотрит в небо, мечтая.

Всплывают русалки из глуби морской,
Глядят на гостя тревожно,
И видят — уснул, и одна за другой
Подходят к нему осторожно.

Приблизилась первая, вся трепеща,
И пальцем трогает латы,

Другая коснулась робко меча,
Погладила шлем пернатый.

Смеется третья, в глазах огонек,
И рыцарский меч извлекает,
Стоит, опершись рукой на клинок,
И юношу взором ласкает.

Четвертая бродит в истоме любви
И говорит вздыхая:
«Возьми меня в жены, своей назови,
Цветок нездешнего края!»

Приникла пятая к руке
И молит и шепчет упреки.
Шестая робеет, но в страстной тоске
Целует губы, щеки.

А рыцарь хитер, не откроет он глаз,
Молениям красавиц внимая,
Пускай его хоть тысячу раз
Целует и молит любая.

12

БЕРТРАН ДЕ БОРН

Ему толпа была покорна,
Струился свет с его чела.
Певца певцов, Бертран де Борна,
Судьба над всеми вознесла.

Смирил он львят Плантагенета,
Едва лишь песню начал петь;
Была недаром песня спета, —
Попалась львица в ту же сеть.

Король, хоть звался он суровым,
И тот заплакать был готов, —
Так всех пленил сладчайшим словом
Бертран де Борн, певец певцов.

13

ВЕСНА

Прохладою веет от синей реки,
Как весело в мае влюбленным!
Пастушка сидит и вяжет венки,
Одна на склоне зеленом.

Цветет и поет и сияет весна,
Как весело в мае влюбленным!
«Кого же,—печально вздыхает она, —
Венком я украшу зеленым?»

Вот скачет всадник над рекой,
Кивает ей и смеется.
Пастушка вслед глядит с тоской,
А он уж далеко несется.

И в воду венки бросает она
И плачет на склоне зеленом.
Поет соловей, сияет весна, —
Как весело в мае влюбленным!

14

АЛИ-БЕЙ

Али-Бей, поборник веры,
В женских нежится объятьях;
На земле уж он Аллахом
Благ Эдема удостоен.

Одалиски, краше гурий,
Гибче серн, его ласкают;
Бородой одна играет,
Нежно гладит лоб другая.

Третья весело танцует
И поет под звуки лютни,
И целует прямо в сердце,
Где горит огонь блаженства.

Но внезапно — зов к оружию!
Звуки труб, мечей бряцанье,
И пальба, и весть приносят:
«Франки двинулись на приступ!»

На коня герой — и в битву!
Но летит, как в сновиденье;
Все ему еще сдается
Будто он в объятьях женских.

Франков головы срубая
Саблей острой по десяткам,
Улыбается он нежно,
Безмятежно, как влюбленный.

15

ПСИХЕЯ

В пальчиках — светильник малый,
В сердце — пламенный большой, —
Пробирается Психея
К другу спящему в покой.

В жар и в дрожь ее бросает, —
Всех живых прекрасней он.
Бог любви разоблаченный
Убегает, пробужден.

Восемнадцать столетий
Казнь бедняжке суждена.
Грех великий: обнаженным
Бога видела она!

16

НЕЗНАКОМКА

Златокудрую красотку
Ежедневно я встречаю.
Здесь, в аллее тюльпирьской,
Под каштанами гуляя.

С нею вместе там гуляют
Две прегадкие старухи:
Тетки ль это, иль драгуны,
Переряженные в юбки?

И никто не мог сказать мне,
Кто они? Друзей, знакомых —
Всех расспрашивал напрасно...
Заболел я от тревоги.

И, напуганный усами
Этих двух ее спутниц,
В страхе собственного сердца
Я, смущаясь, отступаю.

Никогда не смел со вздохом
Я промолвить ей словечко,
Никогда не смел я взором
Ей любовь мою поведать.

Только нынче и узнал я,
Что зовут ее Лаурой,
Как прелестную подругу
Знаменитого поэта.

Да, ее зовут Лаурой!
Мне придется, как Петрарке,
Воспевать свою красотку
В нежных песнях и сонетах.

О Лаура! Как Петрарка,
Платонически я брежу
Этим именем прекрасным:
Ведь и он пошел не дальше.

17

СМЕНА

Я с брюнетками покончил,
Вновь пришел на этот год
Русых кос, очей лазурных
Своевременный черед.

Мной любимая блондинка
Так чиста, кротка, нежна!
Дайте лилию ей в руки, —
Станет ангелом она.

Члены тонкие воздушны,
Пропасть чувства, тела нет,
Чистый дух любовью, верой
И надеждою согрет.

Утверждает, что не знает
По-немецки. Нет, дружок,
Я не верю: неужели
Не знаком тебе Клошток?

18

ФОРТУНА

Нет, Фортуна, как ни стой,
Верх возьму я над тобой;
Благосклонностью твоею
С бою, силой овладею.

Я тебя превозмогу,
Я в ярмо тебя впрягу;
Ты оружие положишь —
Для чего ж ты раны множишь?

Видишь, кровь моя течет,
Дух отважный улетает,
И, победу торжествуя,
Вместе с нею в гроб сойду я.

19

ЖАЛОБА

СТАРОНЕМЕЦКОГО ЮНОШИ

Кто добродетель потерял,
Плачь горькими слезами!
Несчастный, был я совращен
Порочными друзьями!

В картежный дом меня водили,
Кошель мой облегчали,
А девушки меня лукавой
Улыбкой утешали.

Несчастный юноша! Потом,
В разодранном кафтане,
Был, пьяный, выброшен за дверь
Я без гроша в кармане.

И как дивился утром я!
Испачкан мелом, сажей,
Несчастный юноша! сидел
Я в Касселе, под стражей!

20

ОСТАВЬ!

День светлый в ночь влюблен,
Весна — в холодную зиму,
Жизнь влюблена в небытие,
А ты, — ты любишь меня.

Ты любишь — охвачена ты
Пугающими тенями,
Увяло цветенье твое,
Душа исходит кровью.

Оставь меня — люби одних
Веселых мотылекчиков,
Что пляшут в солнечном луче!
Оставь меня — и несчастье!

21

ФРАУ МЕТТА

(С датского)

Герр Петер и Бендер пили вино.
Герр Бендер молвил с презреньем:
«Ты можешь пеньем весь мир покорить,
Но Метту не сломишь ты пеньем».

И Петер сказал: «Я ставлю коня,
Ты ставь твою гончую свору.
Я песней Метту в свой двор заманю
Сегодня в полночную пору».

И только полночь пробили часы,
Взял Петер лютию в руки.
Через поля, через реку и лес
Волшебные хлынули звуки.

И сразу река перестала шуметь,
Притихли, заслушавшись, ели,
На небе месяц побледнел
И звезды смущенно глядели.

И фрау Метта проснулась тотчас:
«Чья песня меня разбудила?»
Надела платье и вышла во двор, —
Ах, лучше б она не ходила!

Пошла через реку, через поля,
Пошла через бор дремучий.
Герр Петер в свой далекий двор
Манил ее песней могучей.

И утром домой воротилась она,
Герр Бендер стоял на пороге.
«Где ночью ты пропадала, жена,
Зачем в росе твои ноги?»

«К затону русалок я ночью пошла,
У них совета искала.
Играя, царица русалок в меня
Студеной водою плескала».

«К русалкам ты не ходила, жена,
Там берег сухой и песчаный.
А у тебя лицо в крови,
И на ногах твоих раны».

«Я ночью в лес пошла поглядеть,
Как эльфы плясали и пели.

Лицо и ноги ободрала
Я об кустарник и ели».

«Но эльфы лишь в теплую майскую ночь
Заводят круг хороводный,
А поздней осенью в голом лесу
Бушует ветер холодный».

«Я к Петеру Нильсену ночью пошла!
Он пел, и я шла через поле,
Я шла далеко через реку и лес,
Покорна таинственной воле!

Но песня его поражает, как смерть,
В ней темная страшная сила,
Звучащее пламя мне сердце сожгло,
И ждет меня, знаю, могила».

Гудят погребальные колокола,
И певчие в траур одеты.
Они оплакивают смерть
Несчастной фрау Метты.

Герр Бендер у черного гроба стоит
И плачет и горько смеется:
«Я потерял дорогую жену,
И гончих отдать придется».

22

ВСТРЕЧА

Сегодня под липами пенье да пляс,
Сегодня гулянье большое.
Меж парами — странная пара одна.
Откуда они, эти двое?

Танцуют — и сельский смущают народ
Невиданной повадкой.
То усмехнутся, то подмигнут,
И девушка шепчет украдкой:

«Мой юный красавец! На шляпе у вас
Цветок со дна морского, —
Здесь, на земле, анемон не растет,
Вы не из рода людского.

Вы — водяной, но по вкусу припились
Вам сельские красотки.
Я узнаю вас по щучьим зубам,
По вашей вертявой походке».

И пляшут они и смущают людей
Невиданной повадкой.
То усмехнутся, то подмигнут,
И юноша молвит украдкой:

«Прелестная девушка, ваша рука
Зачем холодна, точно льдина?
Зачем к вашей белой одежде, вон там,
Прилипла мокрая тина?

Я мигом узнал вас, как только вы мне
Изволили поклониться.
Какая ты женщина, — ты мне родня,
Ты, кумушка, — водяница!»

И скрипки умолкли, и танцам конец,
И оба выходят из круга.
Они знакомы слишком давно,
И скучно им видеть друг друга.

23

КОРОЛЬ ГАРАЛЬД ГАРФАГАР

Король Гаральд на дне морском
Сидит под лазурным сводом
С прекрасною феею своей;
А год проходит за годом.

Не разорвать таинственных чар,
И нет ни смерти ни жизни;
Минуло двести зим и лет
Его последней тризне.

На грудь красавицы склоняясь,
Король глядит ей в очи;
Дремотной негой он объят,
Проходят дни и ночи.

Златые кудри короля
Исеклись и побелели;
В морщинах желтое лицо,
И слабость в поблекшем теле.

Порой тревожат страстный сон
Волнение и грохот дальний;
То буря на море шумит,
Трясется дворец хрустальный.

Порою мнится, что ветер донес
Норманнский крик родимый.
Поднимет радостно руки он
И никнет, вновь недвижимый.

Порой до слуха долетит
Песня пловца над морем,
Что про Гаральда сложена, —
И сердце теснится горем.

Король застонет, и глаза
Наполнятся слезами;
И фея к устам его тогда
Веселыми льнет устами.

24

ПОДЗЕМНОЕ ЦАРСТВО

I

«Лучше было б не жениться!» —
Убивается Плутон.
И вздыхает горько он:
«Без жены ад не был адом,
В этом мог я убедиться.

Лучше было б не жениться!
Прозерпину в ад сведя,
Стал мечтать о смерти я,
Лая Цербера не слышу,
Если ссора разгорится.

Мира жажду, а обидам
Нет конца. Мне жить трудней,
Чем жалчайшей из теней.
Я завидую Сизифу
И прекрасным Данаидам».

II

На стуле из золота, высясь над адом,
Сидит Прозерпина рядом
С державным супругом,
Томится досугом,
Вздыхает, на мужа не глянет.

«Мне розы нужны, соловьев рокотанья,
Мне солища нужны лобзанья.
А тут с мертвецами
Я только да с вами,
Лемуры, — и муче конца нет!

Здесь к брачному игу меня приковали,
В проклятом крысином подвале.

В окно без стеснения
Глядят привиденья,
И Стикс свою песню тянет.

К обеду Харона звала я в гости.
Он лысый, он кожа да кости.
Не лучше и судьи!
И в этом безлюдьи
Душа моя сохнет и вянет».

III

И пока их вздохи прячет
В бездну мертвая страна,
Там, вверху, Церера плачет
И, безумная, она
Бегаёт полунагая,
Без платка, — в глазах темно, —
Причитанья выкликая
Вам знакомые давно:

«Не весна ли наступает?
И светла и молода
Зелень гор в лучах сверкает,
Рухнули оковы льда.
Зевс безоблачно смеется
В голубых зеркалах вод,
Чуть Зефир лица коснется,
И трава к себе зовет.
Песни вешние проснулись,
Ореада из ветвей
Шепчет: „Лилии вернулись, —
Только дочка нет твоей!“
Ах, как долго я искала
След ее среди полян!
Все лучи твои послала
Я на поиски, Титан.
Но известий о пропавшей
И лучам не принести.

Все находит день восставший,
А ее не мог найти.
Зевс — виновник похищенья?
Или, жадно восхищен,
В Орка черное течение
Ты стащил ее, Плутон?

Кто послом моих мучений
Станет там, у мрачных волн?
Перевозит только тени
Пристающий вечно челн.
Для блаженных глаз закрыта
Область ночи роковой,
По течению Коцита
Никогда не плыл живой.
В ночь — несметные ступени,
Ни одной — в сиянье дня.
Кто хоть слезы в царство тени
Отнесет ей от меня?»

IV

«Стой, довольно просьб и жалоб,
Теща милая! Я каюсь:
Сколько ты ни горевала б,
Знай, и я с женою маюсь.

Дочкой, так же как судьбою,
Мы ведь можем поделиться.
Пусть шесть лун она с тобою
В верхнем мире веселится.

Пусть она с тобой выносит
Зной, в работах помогая,
Из соломы шляпу носит,
Васильки в нее втыкая.

Пусть она грустит по-женски
В час, когда закат зажжется

И бездельник деревенский
Дует в дудку у колодца.

И на праздник урожая
В хороводе веселится,
Грету с Гансом поражая,
Посреди овечек — львица.

Сладкий отдых! Слава лету!
Отдышусь я на досуге,
Подливая в пунш мой Лету,
Чтоб не помнить о супруге».

V

И мнится мне, что затаилась
Страданья тень в глазах твоих.
Я знаю, знаю тайну их:
Разбилась жизнь, любовь разбилась.

Молчишь, лицо твое склонилось,
Твой день вернуть не в силах я.
Неизлечима боль твоя.
Любовь разбилась, жизнь разбилась.



OLLEA

1

ИШАЧЕСТВО

Отец твой был добряк-осел,
И это всем известно было;
Но мать была — высокий ум
И чистокровная кобыла.

Твое ишачество есть факт,
И с этим уж нельзя бороться;
Но утверждай всегда при всех,
Что ты потомок иноходца,

Что твой прапрадед — Буцефал,
Что предки в латах и пополах
К святому гробу шли в поход
Галопом, при честных знаменах.

И числишь ты в своей родне
Тот благородный отпрыск конский,
На коем гарцовал, войдя
В господень град, Готфрид Бульонский;

Что конь Баярд был твой отец,
Что есть и героиня тетя
Из кляч, прозваньем Россинант,
Служившая при Дон-Кихоте.

О Санхо-Пансовом осле
Ты умолчи, что он родитель.

И даже не признай того,
На коем шествовал Спаситель.

Не вздумай помещать осла
В свой герб и титул родословный.
Сам в этом деле стань судьей
И будешь — самый чистокровный.

2

СИМВОЛИКА БЕССМЫСЛИЦЫ

Нам хочется одно число
Воспеть в приличном тоне:
Три называется оно
И в наши дни в загоне.

Хоть от арабов, говорят,
Оно ведет начало,
Благочестивее его,
Однако, не бывало.

Оно краснело, словно рак,
Кричало о разврате,
Застав служанку и слугу
Лежащих на кровати.

Оно свой кофе в семь утра
Обычно пило летом,
Зимою — в девять, у него
Был лучший сон при этом.

Но скоро изменилось все,
Настали дни гоненья,
И цифра три должна теперь
Претерпевать мученья.

Один сапожник объявил:
«У цифры *три* головка
Есть только маленькое *семь*,
На лунный серп неловко

Посаженное кем-то. Семь —
Все мистики так странны! —
Считал священным Пифагор,
Луна же — знак Дианы.

Для вавилонского жреца
Три было шиболетом,
О троице почтенный миф
Рожден был в браке этом.

Затем сказал один скорняк:
«Три — это плод химеры;
Для наших предков только он
Служил предметом веры».

«Не существует трех, — смеясь,
Портной спешит заметить, —
Его возможно, господа,
Лишь на бумаге встретить».

Узнав про эти мнения, три
Забилось, словно утка,
И разревелось: — ряд обид
Подобных ведь не шутка.

«Старо, как лес, как море, я,
Как в небе звезды эти;
Народы, царства предо мной
Росли и гибли в свете.

У ткацкого станка времен
От века я стояло;
В натуры чрево, в час родов,
Я взором проникало.

Я смело встретило напор
Животной мрачной силы
И целомудрие свое
В том вихре сохранило.

К чему же добродетель мне?
Смеются надо мною
И мудрецы и дураки
Со злобою людскою.

Но все ж остались у меня
Любовь, надежда, вера,
А также кофе есть и ром!
Все прочее — химера!»

3

СПЕСЬ

Графиня Гудель фон Гудельфетт,
Тебя уважает за деньги свет.
Ты едешь с супругом цугом,
При дворе ты считаешься другом;
Карета тебя золотая
К замку везет качая;
Твой шлейф подобен пенё
На мраморной ступени.
А в зале в пестрой ливрее
Стоят и кричат лакеи:
«Madame la comtesse de Gudelfett!»

Горда, в пальцах веер,
Плывешь ты мимо лакеев,
Бриллианты свои обнаружив;
В море брюссельских кружев
Белая грудь твоя блещет,
Через край от радости плещет;
Кругом кивки и улыбки,
Поклоны и книксы гибки.
Сама герцогиня Pavia
Зовет тебя: сага mia.
От франтов нет отбою,
Танцуют все с тобою,
И наследник имперского герба
Кричит тебе вслед: «Superbe».
Поворачивает зад Гудельфетт!

Но если, бедняга, тебя разорят,
Тебе весь свет покажет зад.
Твой шлейф, снегов белее,
Заплюют лакеи.
Вместо кивков начальства
Встретит тебя нахальство.
Перекрестится тіа сага,
А кронпринц сморкнется яро:
«Чесноком отдает Гудельфетт».

4

СТРАНСТВУЙ!

Когда обманет тебя любовь,
Скорей опять влюбляйся,
Но лучше ранец приготовь
И странствовать вновь пускайся.

Найдешь плакучие ивы вдали,
Найдешь голубые воды,
Там выплачешь боль своей любви,
Свои смешные невзгоды.

В горах, пугаясь высоты,
Ты ахнешь, глядя в долины;
Но клекот орлиный услышишь ты,
Достигнув крутой вершины.

Почти орлом теперь ты стал,
И жизнь в душе заиграла,
И ты поймешь, что потерял
В долине очень мало.

5

ЗИМА

Мороз, как огонь на теле.
По городу человечки

Бегут среди метели,
Спешат, спасаются к печке.

Ох, эта злая стужа!
Носы у всех пылают.
А концертанты дружно
Нам уши всем терзают.

Нет, лучше летней порою!
Тогда я по лесу гуляю
Один с моей тоскою
И песни любви сочиняю.

6

У КАМИНА

На дворе метель и вьюга,
Окна снегом занесло;
Здесь же, в комнатке уютной,
Так спокойно и тепло.

Я сижу в широком кресле,
Предо мной камин трещит,
С закипающей водою
Чайник песенку жужжит.

На полу лежит котенок,
Греет лапки у огня.
Думы странные наводит
Яркий пламень на меня.

И забытые явления
Возникают чередой,
С потускневшим их сияньем,
С маскарадной пестротой.

Вижу я, в толпе кивают
Мне красавицы тайком,
И, кривляясь, арлекины
Скачут с хохотом кругом.

Вот глядят в раздумьи важном
Лики мраморных богов,
И дрожат при лунном свете
Листья сказочных цветов.

Вот плывет волшебный замок,
А потом моим глазам
Предстает блестящий поезд
Храбрых рыцарей и дам.

Все проносится так быстро,
Тенью легкою скользит.
Ах! вода вскипела, льется
На котенка — он пищит.

7

ГРЕЗЫ

Часто видишь, сном объятый,
Сказочных цветов пыланье;
И печалью и желаньем
Полнят грудь их ароматы.

Но, увы, их отдаляет
Тайна пропасти бездонной,
И тоской неутоленной
Сердце бьется и страдает.

Ах, мерцают, манят в гости!
Как попасть к ним через бездну?
Гномик с молотом, любезный,
Не сколотишь ли мне мостик?

8

ЕЛЕНА

Из гроба вызвал ты меня
Своей магической волей,
Но жара страсти, что сам зажег,
Тебе не утишить боле.

Прижми уста к моим устам,
Прекрасно людей дыханье!
Я выпью душу твою до дна,—
Безмерны мертвых желанья.

9

УМНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Небрежно цветы сминаешь ты,
Их много ложится по нивам;
Межой идешь и смерть несешь
И скромным и кичливым.

Спят жемчуга в морях века,
Но люди умеют добыть их;
Насквозь проткнут и впрягут в хомут,
В хомут из шелковых нитей.

А звезды умны, — глядят с вышины
Беспечно на землю чрез бездны;
Спокойны они, вселенной огни, —
Недостижимые звезды.

10

АНГЕЛЫ

Есть ли рай? Я сомневаюсь,
Маловерный, как Фома,
Хоть эдем сулит нам вечно
Церковь римская сама.

Но во мне без колебанья
Вера в ангелов сильна:
Эти светлые созданья
Бродят в мире издавна.

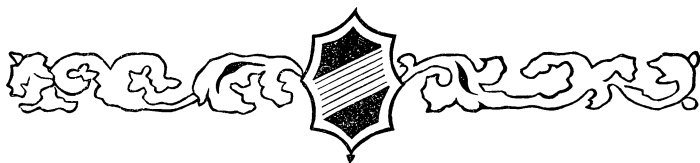
Но, сударыня, их крылья —
Миф, могу уверить вас,

Видеть ангелов без крыльев
Приводилось мне не раз.

Милым взглядом, белой ручкой,
Нежной ласкою они
Человека от несчастья
Охраняют в злые дни.

Ими всякий здесь утешен;
Всех же больше тот, кого
Нет несчастнее, — поэтом
Называем мы его.

**СОВРЕМЕННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**



1

ТЕОРИЯ

Бей в барабан и не бойся беды,
И маркитантку целуй вольней!
Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот тебе суть науки всей.

Людей барабаном от сна буди,
Зорю барабань в десять рук;
Маршем вперед, барабания, иди,
Вот тебе смысл всех наук.

Вот тебе Гегеля полный курс,
Вот тебе смысл наук прямой!
Я понял его, потому что умен,
Потому что я барабанщик лихой.

2

АДАМ ПЕРВЫЙ

Жандарма с огненным мечом
Послал ты в злобе ярой.
Ты выгнал меня из рая, как пса,
Грозя чудовищной карой.

И мы идем с женою в мир,
В бесплодный край изгнания,
Но ты не заставишь меня забыть
Чудесный плод познания.

Свершилось! Я узнал, что ты
Ничтожней жалкого гнома,
Хотя бы ты стократ пугал
Нас грохотаньем грома.

О бог! Как жалок ты с твоим
Consilium abeundi!
Вот так заправский властелин
Вселенной, Lumen Mundi!

Я даже вспомнить твой рай не могу
Без отвращения и гнева.
То был не настоящий рай —
Там были запретные древа.

Мне рай — лишь там, где свобода моя
Во всем неприкосновенна.
А рай, где есть хоть малейший запрет,—
Темница и геенна.

3

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ты печатаешь такое!
Милый друг мой, это гибель!
Ты веди себя пристойно,
Если хочешь жить в покое.

Никогда не дам совета
Говорить в подобном духе —
Говорить о папе, клире
И о всех владыках света!

Милый друг мой, я не в духе!
Все попы длинноязычны,
Долгоруки все владыки,
А народ ведь длинноухий.

4

БЫВШЕМУ ГЕТЕАНЦУ

(1832 г.)

С неосмысленным угаром
Кончил ты по доброй воле?
Не покорствуешь уж боле
Старца веймарского чарам?

Чувства больше не задеты
Чистой Гретхен, Клерхен? Где вы,
Зело нравственные девы
И Оттилии соблазны?

Ты отчизне служишь ныне,
И Миньона уж не в моде?
Рвешься к высшей ты свободе,
Не к распущенной Филине?

За народную стихию
Бьешься ты по-люнебургски,
Произвол смиряя прусский
И Союза деспотию!

Как отрадно знать, что друга
Превозносят патриоты,
Что слывешь за Мирабо ты
Люнебургского округа.

5

ТАЙНА

Ни вздоха, ни слезы единой.
Улыбка, даже смех порой;
Ни взгляд наш, ни одно движенье
Не выдаст тайны роковой.

Таясь в душе окровавленной,
Она безмолвной мукой жжет;

Кипит бунтующее сердце,
Но судорожно сомкнут рот.

Спроси младенца в колыбели,
Спроси в могиле мертвеца,
Пусть они тебе откроют,
О чем молчал я до конца.

6

НА ПРИВЫТИЕ НОЧНОГО СТОРОЖА
В ПАРИЖ

Как ты смущен! На ходулях прогресса
В Париж примчался ты, сторож ночной.
Ну, что мои немцы, как здравствует пресса,
Взошла ли свобода над нашей страной?

«Дела превосходны! По милости бога
У нас порядок, покой, тишина.
Германию пестуют мудро и строго,
Себя постепенно раскроет она.

Мы не хотим щеголять как французы
Пустым миражем внешних свобод.
Лишь в недрах духа свергнули узы
И стал свободным наш народ.

Близится Кельнский собор к завершенью —
За то Гогенцоллернам щедрым хвала.
Габсбург помог его украшенью,
От Виттельсбаха мы ждем стекла.

И конституцию нам и свободу
Король обещал четверть века назад.
А все, что король обещает народу,
Бесценно, как в Рейне таящийся клад.

Наш Рейн свободен, как в прежнее время,
Он Брут среди рек, он наш верный оплот,

Швейцарец ему наступает на темя,
Голландец для ног его цепи кует.

Флот получив изволением божьим,
Мы патриотам нашей страны
Место на прусских галерах предложим,
Тогда и тюрьмы не будут нужны.

Веселый май расцветает победно,
На вольном воздухе вольно дышать.
Даже цензура исчезнет бесследно,
Как только у нас запретят печать».

7

ТАМБУР-МАЖОР

Этот старик — тамбур-мажор,
Но как он опустился!
При императоре фавор
Знавал он и веселился.

Он балансировал жезлом
В самодовольстве веском,
Мундир с серебряным галуном
Сверкал на солнце блеском.

Когда барабаном оглушал
Он городки и столицы,
В нем зрели лучший идеал
Матроны и девицы.

Пришел, увидел и победил
Красавиц-иноземоков,
Он черный ус свой оросил
В слезах пригожих немок.

В любом государстве, — терпеть изволь! —
Где враг появлялся упрямый,
Императора жертва — король,
Тамбур-мажора — дамы.

Изнывали мы долго под ярмом
В немецком дубовом терпении,
Пока, наконец, высочайшим путем
На нас снизошло избавленье.

Как зубр, готовый ринуться в бой,
Мы гордо рога воздели,
Скинули франков гнет роковой
И Кернера песни запели.

Ужасные вирши. Как грозный укор,
К тиранам они доносились.
Император и тамбур-мажор
От нас наутек припустились.

Был каждый на жалкий конец обречен,
За грехи претерпели муки, —
Император Наполеон
Попал британцам в руки.

На острове Елены святой,
Замучен в пытках позорных,
От рака в желудке обрел он покой
После тревог упорных.

Тамбур-мажор был званья лишен,
Что и случилось на деле;
Чтоб с голоду не подохнуть, он —
Дворником при нашем отеле.

Он топит печь, он горшки скребет,
Таскает воду, дровишки...
И, головой тряся, снует
Весь день без передышки.

Когда к нам Фриц приходит в дом,
То любит позубоскалить
Над долговязым стариком,
Терзать его и жалить.

Брось эти шуточки, о Фриц!
Германцам не пристало
Над теми зло острить, кто ниц
Повергнут с пьедестала.

Ты должен теперь народ такой
Благословлять в дни наши:
Старик, быть может, родитель твой
Со стороны мамыши.

8

ВЫРОЖДЕНИЕ

Ужель грешит сама природа
Пороками людей в наш век?
Мне кажется, растенья, звери,
Все в мире лжет, как человек.

Ты скажешь, лилия невинна?
Взгляни на франта мотылька:
Прильнул он к ней, вспорхнул — и что же,
Где целомудрие цветка?

Забыли скромность и фиалки, —
Хотя их тонкий аромат
Так безыскусственно-кокетлив,
Мечты о славе их томят.

А соловей — утратил чувство,
Насквозь рутиной заражен,
И, право, только по привычке
И плачет и ликует он.

Нет правды на земле, и верность
Ушла в преданья старины,
Псы, как всегда, хвостом виляют,
Смердят — но тоже неверны.

9

ГЕНРИХ

Пред Каносским замком ночью,
И дождливой и холодной,
Ждет германский кесарь Генрих,
Босиком, во власянице.

Из оконца сверху смотрят
Две фигуры: в лунном свете
Плешь Григория седьмого
И Матильды грудь мерцают.

Генрих бледными губами
Кротко шепчет: «Pater noster»,
Но в душе озлоблен кесарь
И в душе другие речи:

«Далеко, в моих владеньях,
Вознеслись крутые горы,
И растет, от всех сокрыто,
В них железо для секиры.

Далеко, в моих владеньях,
Разрослись леса из дуба,
И растет в крепчайшем дубе
Рукоятка для секиры.

Ты, мой край родной и верный,
Ты родишь на свет и мужа,
И змею моих мучений
Уничтожит он секирой».

10

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Смех, шутки да песни! Лучи шаловливо
Сверкали, дурачились. Волны игриво
Качали лодку. Беспечно в ней
Сидел я средь милых моих друзей.

Но разлетелась лодка в щепки.
Друзья мои в плаваньи не были крепки:
На дне родном погибли друзья,
На берег Сены попал только я.

Я судно снарядил другое,
Товарищей новых собрал. Но покоя
Не знал я, скитаясь средь чуждых волн.
Отчизна, где ты? Я скорби полн!

И снова смех и снова пенье —
И ветра свист и снастей скрипенье...
Погасли звезды. Темны облака.
Отчизна! Мне грустно, а ты — далека!

11

НОВЫЙ ГОСПИТАЛЬ ДЛЯ СЫНОВ ИЗРАИЛЯ
В ГАМБУРГЕ

Вот госпиталь для бедняков евреев,
Которые больны и трижды жалки
От трех своих пороков постоянных —
Недугов, нищеты и юдаизма.

Из трех пороков самое дурное —
Последнее наследственное зло их,
У нильских вод захваченная язва,
Больная их египетская вера.

Недуг неизлечимый! Не избавят
Их от него ни паровые ванны,
Ни средства хирургии, ни лекарства,
В больнице предлагаемые хворым.

Смирит ли время, вечная богиня,
Когда-нибудь их вековые муки,
Отцом передаваемые сыну,
И будут ли счастливее их внуки?

Я этого не знаю. Но должны мы
Лишь прославлять то любящее сердце,
Готовое хоть временным бальзамом
Залечивать, насколько можно, раны.

Прекрасный человек! Приют построил
Он для больных, которым помогает
Искусство докторов (или могила!),
И обо всех удобствах их печется.

Он делает, что в силах, что возможно,
На склоне дней досуг свой посвящая
Страдающим и помощи просящим
И отдых находя в благодеяньях.

Щедра его рука, но изобильней
Порой из глаз его струились слезы, —
Прекраснейшие слезы о великом,
Неизлечимом ввек недуге братьев.

12

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

Все немцы были пьяны в дым,
А ты — ты верил тостам пьяным
И черно-красно-золотым
Кистям на чубуке с изъямом.

Но только вышел сладкий хмель,
Мой друг, как был ты ошарашен,
Как изумил тебя Михель,
Вина игрою не прикрашен.

Гнилые яблоки — венец,
От травли негде схорониться...
Конвой жандармский, наконец,
Тебя доставил до границы.

Был горек твой прощальный взгляд, —
Две пограничные колонны,

Как зебры пестрые, стоят, —
И ты промолвил, утомленный:

«Аранхуэс, как вздох огня,
Дни золотые отсверкали,
Когда король Филипп меня
Ласкал, и гранды с ним ласкали.

Он бурно мне рукоплескал
За роль мою маркиза Позы.
Стихом его я восхищал,
Не угодил ему я прозой».

13

ТЕНДЕНЦИЯ

Бард немецкий, пой достойно
Вольность нашу, чтоб она
Косность преодолевала,
Душу к делу вдохновляла
Марсельезы гимном стройным.

Нет, не Вертером усталым
Перед Лоттой у окна, —
Словно колокол, народу
Должен ты вещать свободу,
Быть мечом и быть кинжалом.

Но не пой ты мягче флейты,
Что идиллии полна,
Будь в стране своей тимпаном,
Пушкой, трубами, тараном,
Пой, труби, звени и бей ты!

Пой, труби, звеня тревожно,
Гнев к тирану пей до дна,
Лишь таким и стань поэтом,
А в стихах держись при этом
Общих мест — насколько можно!

14

РЕБЕНОК

Бог это праведным, любя,
Во сне дарует вмиг.
Но как, Германия, тебя
Такой удел постиг?

Ты девушка — и вдруг сынком
Обзавелась... Но — чур!
Он обещает быть стрелком
Не хуже, чем Амур.

Коль он стрелу метнет в орла,
Хотя б тот был двуглав, —
Настигнет хищника стрела,
И рухнет он стремглав.

Но как слепой язычник тот,
Пусть не рискует он
У нас ходить, как санкюлот,
Всегда без панталон.

Наш климат и морали глас
И полицейский взгляд —
Предписывают, чтоб у нас
Одет был стар и млад.

15

ОБЕЩАНИЕ

Ты не будешь беспризорной,
О немецкая свобода,
И в плохое время года
Без сапог ходить зазорно.

Чтоб не ежилась ты зябко
От зимы, мороза злого,
Для тебя уже готова
И с наушниками шапка.

Всё к тебе так благосклонно,
Ты получишь пищи много,
Но держись лишь, ради бога,
Рамок старого закона.

Забывай обиды быстро,
Уважать учись сызмальства
Всевозможное начальство,
Начиная с бургомистра.

16

ОБОРОТЕНЬ

Дитя с башкою, как арбуз,
Коса седая, рыжий ус,
С паучье длинной, но цепкой ручонкой,
С огромным желудком, с кишкою тонкой;
Подкидыш, которого некий капрал
Подбросил нам, когда украл
Наше дитя из колыбели;
Ублюдок, что для гнусной цели,
С борзой любимой, говорят,
Был содомитом старым зачат.
Нет нужды мне назвать вам гада, —
Но утопить иль сжечь его надо!

17

КИТАЙСКИЙ БОГДЫХАН

Отец мой трезвый был чудак
И пьянства не любитель;
А я усердно пью коньяк,
И мощный я властитель.

Питье волшебное! Моя
Душа распознала это:
Чуть только вдоволь напился я, —
Китай стал чудом света.

Цветет срединное царство; весна
Кругом благоухает;
Я сам — почти мужчина; жена
Ребенка зачинает.

Болезням настает конец;
Богато все и счастливо;
Конфуций, первый мой лейб-мудрец,
Вещает мысли на диво.

Сухарь солдатский на войне
Становится слаще конфеты;
И нищие в моей стране
Все в бархат и шелк одеты.

У мандаринов, у моей
Команды инвалидной,
Дух полон жара юных дней
И свежести завидной.

А пагода, веры надежный щит,
Достроена. В ней евреи
Крестятся: — это им сулит
Дракона орден на шеи.

Развеялся дух мятежей, как дым,
И громко кричат манчжуры:
«Мы конституции не хотим,
Хотим бамбуков для шкуры!»

Чтоб начисто страсть убить к питью,
Врачи дают мне лекарства;
Я их не слушаю — и пью
Для блага государства.

За чаркою чарка! Веселит
И вкусно, точно манна!
Народ мой, сам как пьяный, кричит
Восторженно: «Осанна!»

18

ЦЕРКОВНЫЙ СОВЕТНИК ПРОМЕТЕЙ

Рыцарь Павел, вор почтенный,
Берегись! Угрюмы, строги,
Сдвинув брови, из-за тучи
На тебя взирают боги.

Совершил ты на Олимпе
Кражу... Дерзкая затея!
Бойся сыщиков Зевеса,
Бойся доли Прометея.

Он, как вор, конечно, хуже:
Просвещения лишь ради
Он похитил с неба пламя,
Ты же — Шеллинга тетради.

Свет и Шеллинг — два контраста:
Мрак похитить ты решился,
Мрак такой же, что когда-то
На Египет опустил.

19

К НОЧНОМУ СТОРОЖУ

(По погоду недавнего случая)

Не сдали бы только сердце и слог,
Любую б карьеру ты сделать мог;
Но все ж я признаю тебя, мой светик,
Хотя б лишь надворный ты был советник.

Все подняли вдруг отчаянный крик
В связи с твоим назначеньем, старик.
На Сене я, на Эльбе ль буду, —
Слышу одно и то же повсюду:

«Вперед он, видно, итти устал, —
На швабских раках гарцуя, он стал

Строить наложницам княжеским глазки...»
Скажи мне ты сам, это правда иль сказки?

Скажи, ты устал? Не соснуть ли тебе?
Всю ночь так браво на трубе
Играл ты. Теперь пусть потрубит усердней,
Кто хочет, во славу немецкой черни.

Но лишь ты приляжешь и лишь сомкнешь
Глаза — и опять под окном галдеж,
Опять ехидный смех горлодеров:
«Брут, ты уснул? Ведь утро скоро!»

Ах, крикунам-то и невдомек,
Как доблестный сторож немим стать мог.
Поймет хоть один ли горластый рыцарь,
Зачем человеку молчанье дарится?

Ты хочешь знать, что слышно у нас?
Тут полный штиль царит сейчас,
И все флюгера в большом смущении:
Какое выбрать им направленье?

20

УСПОКОЕНИЕ

Мы спим, как Брут, — мы любим всхрапнуть.
Но Брут очнулся и Цезарю в грудь
Вонзил кинжал, от сна воспрянув.
Рим пожирал своих тиранов.

Не римляне мы, — мы курим табак.
Иной народ — иной и флаг!
И всяк своим велик и славен.
Кто Швабии по клеткам равен?

Мы немцы, мы чтим тишину и закон.
Здоров и глубок наш растительный сон.
Проснемся, — и жажда уж просит стакана.
Мы жаждем, — но только не крови тирана.

Как липа и дуб, мы верны и горды.
Мы тем и горды, что дубово тверды.
В стране дубов и лип едва ли
Потомков Брута вы встречали.

А если б — о чудо! — родился наш Брут,
Так Цезаря для него не найдут.
И где нам Цезаря взять? Откуда?
Зато наш салат — превосходное блюдо!

В Германии тридцать шесть владык
(Неправда ль, счет не столь велик!).
Звездой нагрудной каждый украшен,
Им воздух мартовских ид не страшен.

Зовем их отцами, отчизной зовем
Страну, в которой мы живем,
Хоть ею князья владеют всецело.
Варить колбасы — вот наше дело!

Когда наш отец на прогулку идет,
Мы шляпы снимаем: — владыке почет!
Немца покорности учат с пеленок,
Это тебе не римский подонок!

21

МИР НАВЫВОРОТ

Да это ж мир стал на дыбы,
Мы ходим вверх ногами!
В лесах подстреливает дичь
Охотников стадами.

Телята жарят поваров,
И доят баб коровы;
В бой за свободу науки и свет
Идут христианские совы.

Геринг стал уже санкюлот,
Правду пишет Беттина,

И кот в сапогах представление дает
Софокла на сцене Берлина.

Шимпанзе строит пантеон
Героям и поэтам.
А Масман причесался на-днях,
Если верить газетам.

Германский медведь атеистом стал,
Не хочет больше молиться,
Тогда как французский попугай—
Христианская ныне птица.

А укермаркский Монитор
Более всех был колок:
Мертвый живому там написал
Ехидный самый некролог.

Против течения не стоит плыть,
Братья! Право, довольно ж!
Давайте пойдете на Темпловский
Холм
Кричать: «Живи, король наш!»

22

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Михель милый! Неужели
С глаз повязка не снята?
Ведь похлебку в самом деле
Отнимают ото рта.

Вместо пищи — славословят
Счастье райского венца,
Там, где ангелы готовят
Нам блаженство без мяса.

Михель, вера ль ослабеет,
Иль окрепнет аппетит,
Будь героем, и скорее
Кубок жизни зазвенит.

Ты желудок без стеснения
Сытной пищей начини,
А в гробу пищевареньем
Ты своим заполнишь дни.

23

ТОЛЬКО ПОДОЖДИТЕ

Сверкать я молнией умею,
Так вы решили: я — не гром.
Как вы ошиблись! Я владею
И громовержца языком.

И только нужный день настанет —
Я должен вас предостеречь:
Раскатом грома голос грянет,
Ударом грозным станет речь.

В часы великой непогоды
Дубы, как щепки, полетят,
И рухнут башенные своды
Старинных храмов и палат.

24

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Как вспомню к ночи край родной,
Покоя нет душе больной:
И сном забыться нету мочи,
И горько-горько плачут очи.

Проходят годы чередой.
С тех пор, как матери родной
Не видел я, прошло их много!
И все растет во мне тревога.

И грусть растет день ото дня.
Околдовала мать меня:
Все б думал о старушке милой—
Господь, храни ее и милуй!

Как любо ей ее дитя!
Пришлет письмо, — и вижу я:
Рука дрожала, как писала,
А сердце ныло и страдало.

Забыть родную силы нет!
Прошло двенадцать долгих лет, —
Двенадцать лет уж миновало,
Как мать меня не обнимала.

Крешка родная сторона,
Вовек не сломится она,
И будут в ней, как в оны годы,
Шуметь леса, катиться воды.

По ней не стал бы тосковать;
Но там живет старушка-мать;
Меня не родина тревожит,
А то, что мать скончаться может.

Как из родной ушел земли,
В могилу многие легли,
Кого любил я. Числить стану —
И бережу за раной рану.

Когда начну усопшим счет,
Ко мне на грудь, как тяжкий гнет,
За трупом новый труп ложится...
Болит душа и ум мутится.

Но — слава богу! — в щель окна
Пробился свет. Моя жена,
Ясна, как день, глядит мне в очи
И гонит прочь тревоги ночи.

25

ГИМН

Я — меч, я — пламя!

Я вам светил во мраке
И, когда начался бой,
Я впереди сражался,
В первом ряду.

Вокруг меня лежат
Моих товарищей трупы,
Но — победили мы.
Мы победили,
Но лежат вокруг
Моих товарищей трупы.
В ликующей песне победы
Слышен хорал
Погребального торжества.
Но у нас времени нет
Ни для радости
Ни для скорби:
Вновь звучат барабаны,
Начинается новый бой.

Я — меч, я — пламя!

26

КРИК СЕРДЦА

Нет, в безверьи толку мало:
Если бога вдруг не стало,
Где ж проклятья мы возьмем, —
Разрази вас божий гром!

Без молитвы жить — несложно,
Без проклятий — невозможно!
Как тогда нам быть с врагом, —
Разрази вас божий гром!

28

ГЕОРГУ ГЕРВЕГУ

(Зима 1841 г.)

Железный жаворонок, Гервег,
Взвиваешься весело ты в вышину,
И звонко поешь в лазури!
Иль зимние кончились бури?
Иль впрямь ты в Германии чуешь весну?

Железный жаворонок, Гервег,
Ты так высоко залетел в небеса,
Что нашей земной не видишь хмури.
И только в твоей стихотворной дури
Весна уже творит чудеса!

29

В моей любезной отчизне
Растет там дерево жизни;
Но манит вишенье людей,
А птичье пугало им страшной.

И мы давай, как галки,
Бежать от чортовой палки;
Цвети и смейся, вишня, здесь,—
А мы поем отречения песнь.

У вишни сверху красный вид,
Но в косточке там смерть торчит;
Лишь в небе, где всевышний,
Без косточек все вишни.

Бог отче, бог сыне, бог дух святой,
Которые чтимы нашей душой,—
К вам из скудельной рухляди
Немецкий бедный дух лети.

Лишь там, где ангел летает, —
Блаженство созревает;
А здесь наш мир во всем иной:
Здесь вишни все с оскоминой.

30

К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОЭТУ

Поешь, как некогда Тиртей
Пел своего героя.
Но плохо выбрал публику,
И время не такое.

Усердно слушают тебя
И хвалят дружным хором,
Как благородна мысль твоя,
Какой ты мастер форм.

И за твое здоровье пить
Вошло уже в обычай,
И боевую песнь твою
Подтягивать мурлыча.

Раб о свободе любит петь
Под вечер в заведении.
От этого питье вкусней,
Живей пищеваренье.

31

ПЕСНИ ХВАЛЕБНЫЕ КОРОЛЮ ЛЮДВИГУ

I

Вот это сир Людвиг баварской земли,
Таких у нас немного;
Баварский народ в нем чтит короля
По высшей милости бога.

Он любит искусство, чтоб с лучших дам
Портреты рисовали;
Как евнух искусства гуляет он
В своем расписном серале.

У Регенсбурга он воздвиг
Из чистого мрамора клетки,
И высочайше для всех голов
Он пишет там этикетки.

«Валгалльское братство» — прекрасная вещь,
Означены здесь пространно
Заслуги, характер, поступки всех,
От Теута до Шиндерханна.

И только упрямца Лютера нет, —
У них он не в почете;
Вот так в музее, в отделе рыб,
Кита вы не найдете.

Сир Людвиг — это великий поэт,
Раздастся в этих Валгаллах
Песня его, — и вскричит Аполлон:
«Молчи! Не то я пропал — ах!»

Сир Людвиг — это храбрый герой,
Герой и сынишка Оттончик:
У этого был в Афинах понос,
Слегка замаран трончик.

И сира Людвига к лику святых
Причтет по смерти папа,
И венчик тоже пойдет ему,
Как нашей кошке шляпа.

Когда христианство примут у нас
И кенгуру с гиббоном,
Тогда, конечно, святой Людовик
Будет у них патроном.

II

Сир Людовик баварских земель
Сказал, одиноко вздыхая:
«Уходит лето, идет зима,
Листва уж совсем сухая.

И Шеллинг, и этот Корнелиус
Пускай уходят разом;
Погасла фантазия у одного,
А у другого разум.

Но вот, что украдена из венца
Одна из светлейших жемчужин, —
Похитили Массмана у меня,
Гимнаста, который мне нужен, —

Вот это сломило, согнуло меня:
Какой человек украден!
Ведь этот муж в искусстве своем
До высших долез перекладин!

О, где же короткие ножки его?
У носа бородавки?
Как пудель, он быстро, бодро, свежо
Кувыркался на травке.

Лишь старонемецкий он знал, патриот,
Лишь Цейнский, лишь Яково-Гриммский;
Чуждался он иностранных слов,
Особенно греческих, римских.

И желудовое кофе одно
Исконно потреблял он,
Французов он грыз и лимбургский сыр,
Последним также вонял он.

О шурин! Отдай мне его назад!
Потому что личность эта
Так же похожа на всех людей,
Как я похож на поэта.

О шурин! Шеллинг пускай за тобой,
Корнелиус, хоть и не дурен, —
Бери его (Рюкерт не нужен мне), —
Отдай мне Массмана, шурин!

О шурин! довольствуйся тем, что меня
Ты нынче затмил собою;
В Германии был я первым всегда,
А нынче вторым, за тобою»...

III

В придворной мюнхенской церкви стоит
Прелестная Мадонна;
Исусик спит на руках у нее,
Небес и земли оборона.

Когда Людовик баварских земель
Увидит святую икону,
В восторге клонится он перед ней,
Лепечет, молит Мадонну:

«Мария, о ты, королева небес,
Принцесса, чище лилеи!
Свита твоя состоит из святых,
Из ангелов — лакеи.

Пажы крылатые служат тебе,
Вплетают веночки в пряди
Волос золотых и шлейфы одежд
Несут за тобою сзади.

Мария, чистая звезда,
Лилея без пятен и тени,
Ты столько уже явила чудес
И благодетных откровений, —

О, пусть от источника благ твоих
Мне капля прольется худая!
Яви мне знак своих щедрот,
Высокоприсносвятая».

И видно: задвигался ротик в ответ,
Приходят в движение ножки,
И богоматерь трясет головой,
Обращаясь к спящему крошке:

«Как хорошо, что не в брюхе ты,
А на руках, Иисусе,
И счастье, что страхов и разных примет
Я больше не боюсь.

Когда б посмотрела беременной я
На этого идиота,
Тогда бы наверное я родила
Не бога, — обормота».

32

СИЛЕЗСКИЕ ТКАЧИ

Без слез их взор, печальный и грубый,
Сидят у станка и скалят зубы:
«Германия, ткем мы саван твой,
Проклятье трехцветной ведем каймой, —
Мы ткем, мы ткем!

Проклятье богу, кому сквозь голод
Молились мы, — сквозь голод и холод;
Напрасно мы ждали за часом час:
Он обманул, одурачил нас, —
Мы ткем, мы ткем!

Проклятье королю, злому владыке,
Кого не тронули наши крики,
Кто выжал из нас последний грош
И дал, как скот, повести под нож, —
Мы ткем, мы ткем!

Проклятье отечеству, родине лживой,
Где лишь позор и низость счастливы,
Где рано растоптан каждый цветок,
Где плесень точит любой росток, —
Мы ткем, мы ткем!

Станок скрипит, челноку не лень!
Мы ткем неустанно ночь и день,
Германия старая, ткем саван твой,
Тройное проклятие ведем каймой, —
Мы ткем, мы ткем!

33

НОВЫЙ АЛЕКСАНДР

I

Есть в Фуле король. От шампанского он
Пускает слезу неизменно.
Лишь только выпьет шампанского он —
И море ему по колено.

И, рыцарский созвав синклит —
Пред всей исторической школой,
Тяжелым языком бубнит
Властитель развеселый:

«Когда Александр, Македонский герой,
С немногочудной ратью
До Индии прошел войной,
Он пить созвал всю братью.

Так жажда мучила его
В походах от боя до боя,
Что запил он, празднуя торжество,
И помер от запоя.

Вот я — мужчина покрепче, друзья,
И дело продумал до точки:
Чем кончил он, тем начал я —
Я начал с винной бочки.

Когда хлебнешь, к боевому венцу
Быстрее находишь дорогу:
За чаркой — чарка, и, смотришь, к концу
Весь мир покорен понемногу».

II

Сидит наш второй Александр и врет
Среди одурелого клира;
Герой продумал наперед
План покоренья мира:

«Эльзас-лотарингцы нам свояки,
Зачем тащить их силой?
Ведь сами идут за коровой телки,
И жеребец за кобылой.

Шампань! Вот эта страна мне милей —
Отчизна винограда!
Чуть выпьешь, — в голове светлей
И на душе отрада.

Там ратный дух мой пробудится вновь —
Я в битвах смел и пылок:
И хлопнут пробки, и белая кровь
Польется из бутылок.

И мощь моя брызнет пеной до звезд,
Но высшую цель я вижу:
Хватаю славу я за хвост,
И — полным ходом к Парижу!

Там будет отдых — решено!
Ведь на заставе, у арки,
Без пошлины пропускают вино
Какой угодно марки».

III

«Наставник мой, Аристотель мой,
Был попик, но не в Париже,
А в дальней колонии. Он носил
На курточке белые брыжжи.

Он, как философ, являл собой
Всех антитез сочетанье
И по своей же системе, увы!
Он дал мне воспитанье.

Ни рыба ни мясо, двуполым я стал —
Ни женщина ни мужчина;
Из диких крайностей наших дней —
Дурацкая мешанина.

Я не хорош, но я и не плох,
Ни глуп ни умен, понятно,
И если сделал шаг вперед,
Тотчас иду обратно.

Я просвещенный обскурант,
Ни жеребец ни кобыла,
В любви к Софоклу и кнуту
Равно исполнен пыла.

Господь Иисус мой надежный оплот,
И Вакх у меня не в загоне.
Так два антитезные божества
Слились в единой персоне».

34

РОМАНСКАЯ САГА

Средь скульптур дворца в Берлине
Конь и женщина стоят,
Что друг с другом и поныне
Содомитский грех творят.

По преданью, эта дама —
Венценосцев наших мать,

И следы бывшего срама
В них не трудно отыскать.

Человеческого мало
У породы этой всей:
Что-то конское попало
В жилы прусских королей.

Еле теплится сознание
В тусклом взоре. Нрав жесток.
Речь напоминает ржанье:
Звери с головы до ног.

Отличался с малолетства
Ты один, в роду меньшей.
Человек — не жеребец ты
И христианин душой.

35

НАШ ФЛОТ

(Навигационные стихи)

Когда-то нам пригрелся флот.
Мы весело выплыли в море.
Попутный ветер надул паруса,
И мы понеслись на просторе.

Фрегатам дали мы имена,
Увенчанные славой.
Гоффман фон Фаллерслебен и Прутц
Возглавили строй величавый.

Поодаль бежал люгерок Фрейлиграт.
Над ним, как месяц пригожий,
Сиял царя мавританского бюст
(Тот месяц был чернокожий).

И Майер, и Пффицер, и Кёлле, и Шваб
Поплыли грузно и гордо.

На каждом, с дубовой лирой своей,
Торчала швабская морда.

За ними шхуна Бирх-Пфейфер плыла,
Краса морского семейства.
На ней черно-красный с золотом флаг
Германского адмиралтейства.

На реи мы лазали, на бушприт,
Карабкались по тросам.
Мы были в куртках, в широких штанах
Подобны заправским матросам.

Иной любитель домашних чаев
И семьянин по призванию
Стал ром тянуть, жевал табак
И сыпал отборной бранью.

У всех началась морская болезнь.
На Фаллерслебене вскоре —
На старом брандере — каждый блевал:
Уж так полагается в море.

Как дивно мы грезили! Целый бой
Во сне провели мы победно.
Но утром, чуть солнце взошло,
наш флот,
Как сон, растаял бесследно.

Мы, растянувшись, лежали опять
В отечественной постели,
Зевали и протирали глаза
И хором загалдели:

«Земля кругла, какого рожна
Мутить спокойные воды!
Объехав мир, к началу пути
Приходят всегда мореходы».

36

ТОРЖЕСТВЕННАЯ КАНТАТА

Беер-Меер! Кто кричит?
Меер-Беер! Где горит?
Неужели это роды?
Чудеса! Игра природы!
Он рождает, спору нет!
Се — Мессия к нам грядет!
Просчиталась вражья свора, —
После долгого запора
Наш Мессия, наш кумир
Шлет «Пророка» в бренный мир.

Да, и это вам не шутки,
Не писак журнальных утки, —
Искус долгий завершился,
Мощный гений разрешился.
Потом творческим покрыт,
Славный роженик лежит
И умильно бога славит.
Гуэн герою грелки ставит
На живот, обвисший вдруг,
Словно выпитый бурдюк.

Пуст и тих родильный дом.
Но внезапно — трубный гром,
Гул литавр и дробь трещеток,
И в двенадцать тысяч глоток
(Кое-кто оплачен здесь)
Возопил Израиль днесь:
«Слава, наш великий гений,
Кончен срок твоих мучений,
Драгоценный Беер-Мер!
Несравненный Меер-Бер!
Ты, намучившись жестоко,
Произвел на свет «Пророка».

Хор пропел, и тут один
Выступает господин,

Некий Брандус по прозванию,
Он издатель по призванию,
С виду скромнен, прям и прост
(Хоть ему один прохвост,
Крысолов небезызвестный,
Преподал в игре совместной
Весь издательский устав),
И, пред гением представ,
Словно Мíриам в день победы
(Это помнят наши деды)
В бубен бьет он и поет:

«Вдохновенья горький пот
Мы упорно, бережливо,
Многотрудно, терпеливо,
Год за годом, день за днем
Собирали в водоем,
И теперь — открыты шлюзы,
Час настал, — ликуйте, музы!
Полноводен и широк,
Мощный ринулся поток,
По значенью и по рангу
Равный Тигру или Гангу,
Где под пальмой в час заката
Резво плещутся слонята, —
Бурный, словно Рейн кипучий
Под шафгаузенскою кручей,
Где, глаза, мочит брюки
Студиозус, жрец науки, —
Равный Висле, где под ивой,
Песней тешась горделивой,
Вшей поляк надменно давит
И геройство Польши славит.
Да, твои глубоки воды,
Словно хлябь, где в оны годы
Потопил Всевышний тьмы
Египтян, меж тем как мы
Бодро шли по дну сухие.
О величие стихии!
Где найдется в целом мире

Водный оупс глубже, шире?
Он прекрасен, поэтичен,
Патетичен, титаничен,
Как природа, как Создатель!
Я — ура! — его издатель!»

ЭПИЛОГ

торжественной кантаты
в честь celebrissimo maestro Fiascomo

Я слышал от негров, что если на льва
Хандра нападет, — заболит голова, —
Чтоб избежать обостренья припадка,
Он должен мартышку сожрать без остатка.

Я, правда, не лев, не помазан на царство,
Но я в негритянское верю лекарство.
Я написал эти несколько строф
И, видите, снова и бодр и здоров.

37

МИХЕЛЬ ПОСЛЕ МАРТА

Немецкий Михель был с давних пор
Байбак, не склонный к проказам.
Но март и в нем разжег задор:
Он стал выказывать разум.

Каких он чувств явил порыв,
Наш белокурый приятель!
Кричал, приличия забыв,
Что каждый князь — предатель!

И музыку волшебных саг
Уже я слышал всюду.
Я, как глупец, попал впросак,
Почти поверив чуду.

Но ожил старый сброд, а с ним
И старонемецкие флаги.

Пред черно-красно-золотым
Умолкли волшебные саги.

Я знал эти краски, я видел не раз
Предвестья подобного рода.
Я угадал твой смертный час,
Немецкая свобода.

Я видел героев минувших лет,
Арндта и дядю Яна.
Они из могил выходили на свет,
Чтоб драться за кайзера рьяно.

Я увидал всех буршей вновь,
Безусых любителей рома,
Готовых, чтоб кайзер узнал их любовь,
Пойти на все, до погрома.

Попы, дипломаты (всякий хлам),
Адепты римского права, —
Творила единенья храм
Преступная орава.

А Михель пустил и свист и храп
И скоро, с блаженной харей,
Опять проснулся, как преданный раб
Тридцати четырех государей.



ДОПОЛНЕНИЯ К ЦИКЛАМ
ИЗ СБОРНИКА
«НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

АНЖЕЛИКА

1

О, как быстро возникают
Из мгновенных ощущений
Нити связей неразрывных,
Безграничных увлечений!

Этой дамой ежедневно
Я все больше увлекаюсь
И, что я в нее влюбился,
Уж почти не сомневаюсь.

Что душа ее прекрасна, —
Это лишь предположение;
Но насчет красот телесных
Я в глубоком убежденье.

Эти бедра! эти губы
С их чарующей улыбкой!
Этот лоб и нос! И прелесть
Этой талии, столь гибкой!

2

Как прекрасна ты, всю душу
Предо мною открывая
И возвышенные чувства
В сладкой речи изливая!

Повествуя мне, что душу
В чистоте всегда хранила,
Что громаднейшие жертвы
Чести сердца приносила,
Что тебя и за миллионы б,
Как все женщины ни слабы,
Не купил никто на свете —
Что скорей ты умерла бы!
Я стою перед тобою
И впиваю эти звуки,
И, немой статуей веры,
Набожно скрестил я руки.

3

Не пугайся, дорогая!
Не похитят нас теперь!
Твой покой оберегая,
На замок я запер дверь.
Как бы вихрь ни злился яро,
Стен ему не сокрушить,
А чтоб не было пожара,
Лучше лампу затушить.
Ах, позволь, я крепче шею
Обовью всей силой рук,
Шали нет, — так я согрею
И без шали, милый друг!

КЛАРИССА

1

Раненый, больной, страдая
Летом в лучшую погоду,
Человека избегая,
В лес несу свою невзгоду.

Птички близ меня в долинах
Сострадательно смолкают,
Липы в сумрачных вершинах
Мне сочувственно вздыхают.

На зеленый дерн, в печали,
Отдохнуть я сел немножко;
С гор слова мне прозвучали:
Кошка, дорогая кошка!

Кошка, дорогая кошка,
Злы твои, коварны игры;
Ты за что мне, злая крошка,
Сердце рвешь, как рвали б тигры!

Уж давно закрыто было
Это сердце для отрады;
Но любовь заговорила,
Чуть твои я встретил взгляды.

После ты мяукать стала;
«Я тебе страшна немножко?
Верь мне, верь!» И повторяла:
«Я правдивейшая кошка»...

2

Соловьи поют свободно,
Как подскажет им желанье;
А тебе, мой друг, угодно
Канареек щебетанье.

Этих кротких желтых птичек
Кормишь в клетке ты; смотрю я,
Как они тебя в мизинчик
Щиплют, сахар в ручке чуют.

Что за милая картина!
Небесам на услажденье!
Даже сам я, хоть мужчина,
Слезы лью в святом волнении.

3

Идет весна с дарами к венцу,
Ликуя, шествует с пеньем;
Приходит к новобрачным она
С приветом и поздравленьем.

Жасмин и розы, фиалки у ней
И зелень душистая вместе;
Приносит в дар жениху сельдерей
И спаржу милой невесте.

4

Храни вас гóспода забота
От слишком злых сердцебиений,
От слишком пахнущего пота
И от желудкозасорений.

Под игом брака оставаясь,
Как в первый день его живите,
Всегда любовью наслаждаясь,
И щедро деточек плодите.

5

С полным правом, ангел мой,
Можешь ты сказать: «Довольно,
Он действительно плохой,
Даже мне он сделал больно.

Даже мне, кто никогда
В зле его не упрекала.
И от клеветы всегда
Горячо так защищала.

Мне, решившей полюбить,
Полюбить его сердечно,
Если б мог он не чудить
И не куралесить вечно»,

6

Ты презрительно смеешься,
Недотрогой быть желаешь;
Даже вовсе не любя, ты
Все же ревность ощущаешь!

Розан увидав душистый,
Не прильнешь к цветку невольно,
Нет, лицом в шипы уткнешься
И наколешь нос свой больно.

ИОЛАНТА И МАРИЯ

На груди букет трехцветный;
Это знак, что ты вольна,
Для свободы беззаветной,
Не для рабства рождена.

Ты, четвертая Мария,
В сердце властвуя моем,
Знай, что сам не раб любви я, —
Свергнул многих со стыдом.

НА ЧУЖБИНЕ

Прелестная девушка снилась мне,
Коса.— золотою короной!
Мы в теплую летнюю ночь при луне
Сидели под липой зеленой.

Смеялись не раз, целовались не раз,
О жизни, о счастье болтали,
И желтые звезды, глядя на нас,
Завистливо вздыхали.

Но сон мой улетел. Кругом
Чернеет ночь глухая,
И девушки нет, и звезды мне вслед
Глядят, равнодушно мерцая.

КИТТИ

1

Весь день я в усадях небесных провел,
Весь вечер вкушал я блаженство.
Вино было крепко, душа весела,
Но Китти была — совершенство!

Горячие губы впивались в меня
Так бурно, так сладострастно!
Глаза, потемнев, заклинали меня
Так нежно, так робко, так властно!

Обманом бежал я. Покуда, смеясь,
Она играла со мною,
Я руки прекрасные Китти связал
Ее расплетенной косою.

2

В платонических влечениях
Наши души всеконечно
Скреплены духовной связью
Неразрывно и навечно;

Даже в случаях разлуки
Им не надобны усилья,
Так как души все имеют
Быстромчащиеся крылья.

Сверх того, они бессмертны;
Ну, а вечность ведь — громада,

И кому искать есть время,
Тот находит то, что надо.

Но телам, телам несчастным
Крайне пагубна разлука;
Крыльев нет и ног лишь пара,
И при этом смерти мука.

Обсуди все это, Китти,
И зимуй пока в Париже;
А зимой поедем в Лондон.
Хорошенько обсуди же.

3

Умчалось счастье, что меня
Еще вчера лобзало.
Ах, сердце искренней любви
На долгий срок не знало.

Из любопытства не одна
Объятыя мне открыла,
Но, в сердце заглянув мое,
Ушла и позабыла.

Одна бледнела уходя,
Другая улыбалась,
И только Китти плакала,
Когда со мной прощалась.

4

СОН О СЧАСТЬИ

Расцветала пышно роза,
Пел на ветке соловей,
Ты меня, целуя нежно,
Обняла рукой своей.

Осень розу обнажила
И спугнула соловья,

От меня ты улетела,
И один остался я.

Холодны и длинны ночи...
Долго ли тебя мне ждать?
Или мне былым блаженством
Лишь во сне дано дышать!

5

Письмо, что она написала,
Было весьма сердечно:
Любить она будет вечно,
Вечно, как обещала.

Она от тоски томится,
И грудь ее тяжко ноет: —
«Спеши, чтоб быть со мною,
В Англию возвратиться».

6

Бежит все дальше барка,
Подобно серне шустрой.
Вот скоро Темзы устье,
Вот мы у Риджентс-Парка.

Живет моя там Китти,
Всех женушек в мире милее;
И тела ее белее
В Вест-Энде нет и в Сити.

Меня она ждет неустанно.
Водой котелок наполняет
И кресло к огню придвигает, —
Я чай горячий застану.

7

Смерть пришла! Бедняжка Китти
Все бледнее и бледнее,
Но еще перед кончиной
Должен я расстаться с нею.

Смерть пришла! Земле холодной
Ей отдать придется тело,
Но заботами о близких
Занята она всецело.

И чулки из теплой шерсти
Для меня она связала, —
Должен их носить зимою
Я, во что бы то ни стало.

8

УХОДЯЩЕЕ ЛЕТО

Дрожит листва, желтея,
И листья летят весь день, —
Ах, все, что сердцу так мило,
Сойдет в могильную сень.

Вершины далекого леса
Вечерний ласкает свет, —
Ах, то поцелуи лета,
Его последний привет.

Казалось, из самого сердца
Польются слезы сейчас;
Все это я вспомнил снова
В тяжелый разлуки час.

Я знал — мы должны расстаться,
Кончаешь ты путь земной...
Я был уходящее лето,
Ты — лес безнадежно больной.

9

Те глаза, что позабыл я,
Западнею мне грозят,
Вот я снова околдован,
А виною — нежный взгляд.

Вновь она меня целует,
Как в былые времена, —
В те, когда был день безумным,
Ночь — блаженству отдана.

10

Тщеславье молвит: «ты любим!»
Но разум шепчет глухо:
«Нет, ею движет не любовь,
Но благородство духа, —

Желанье ободрить того,
Кто всеми был обижен,
Творить добро тому, кто был
Осмеян и унижен!»

Тебя зову, тобой живу,
Твое ловлю дыханье!
Как музыка твои слова,
В них роз благоуханье!

Ты мне сияешь, как звезда,
Как дивное светило,
Что, озарив земную тьму,
Мне горечь усладило.

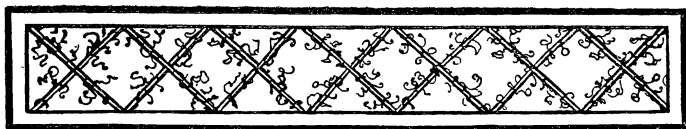
11

Ярко горит заходящее солнце,
Но ярче сияет глаз твоих свет,

Заря и глаза печалят сердце
И скорбный в нем оставляют след.

Закат приносит мне разлуку,
А сердцу — горе и туман,
И вот меж сердцем и глазами
Уже разлился океан.

СТИХОТВОРЕНИЯ
(1828—1850)



1828

1

Сердца людские рвутся,
А звездам смешно бесстрастным;
Лепечут и смеются
Они на небе ясном:

«Да, всей душой друг друга
Несчастные люди любят,
Томятся от недуга
И жизнь любовью губят.

Мы вечно знать не будем
Томительной истомы,
Несущей гибель людям, —
Со смертью мы незнакомы».

2

К ДЕВИЧНИКУ

1

Все понимая, большими глазами
Взглянула ты, и я прочел,
Что нету общего меж нами:
Ты так добра, а я так зол.

Да, я так зол, что вот бездушно
Насмешку в дар несу со зла

Той, что мила так и радушна
И даже искренна была.

II

Знаешь повара и кухню,
Дырки, норки уследишь,
И, куда б с тобой ни шли мы,
Ты всегда опередишь.

Вот невесту отбиваешь,
Милый друг, — ведь это смех,
Но смешней, что я же должен
Поздравлять тебя при всех.

III

Счастье нам любовь дарует
И богатство заодно! —
В песнях громко так толкует
Вся империя давно.

Песни смысл ты понимаешь,
Сердце у тебя поет,
И, ликуя, ожидаешь,
Что великий день придет.

Краснощекую невесту
Взять за ручку он сулит,
И папаша, очень к месту,
Кошелем благословит.

И кошель тот не пустует:
Деньги, платье — все дано, —
Счастье нам любовь дарует
И богатство заодно.

IV

Нагую почву уж покрывает
Покров цветочный, зеленый лес.
Победный свод он воздвигает,
И марш триумфальный звучит с небес.

Верхом въезжает апрель чудесный;
Глаза блистают, играет кровь.
На нашей свадьбе он гость уместный:
Побыть приятно, где есть любовь.

3

В разных формах возникаю
Близ тебя я ежечасно,
Но всегда притом страдаю, —
Ты казнишь меня ужасно.

Если ты меж грядок летом
Мотылька сомнешь, гуляя, —
Слышишь ли, как я при этом
Тихо жалуюсь, вздыхая?

Если рвешь ты розан красный
И смеешься, обрывая
Лепестки цветка бесстрастно, —
Слышишь ли, как я вздыхаю?

И когда смелеет роза,
В руку больно шип вонзая,
И ты чувствуешь занозу, —
Слышишь ли, как я вздыхаю?

Слышишь, как печальным звуком
В голос твой я проникаю? —
Ночью я от тяжелой муки
Из души твоей вздыхаю.

4

БЕРТА

Она была дивно добра,
Цветка не умела обидеть,
Так нежно писала ко мне, —
Привык в ней я ангела видеть!

Сбирались мы свадьбу сыграть, —
Узнали родные. Короток
Был ум у овечки моей, —
Не смела послушаться теток.

И клятв не сдержала она,
Но ей мое сердце простило, —
Она бы в супружестве мне
И жизнь, и любовь отравила.

При мысли о лживых сердцах
Я Берту свою вспоминаю,
И только теперь одного —
Счастливых родов ей желаю.

1829

ИЗМЕНИЦА ЛУИЗА

Изменница Луиза
Пришла; нежны ее речи.
Сидит бедняга Ульрих,
Чуть светятся тусклые свечи.

И ластится и шутит,
Развеселить желая:
«Мой бог, как ты изменился,
Где смех твой, не понимаю!»

И ластится и шутит,
Присела возле постели:
«Мой бог, как эти руки
Замерзлы и похудели!»

И ластится и шутит,
И вдруг поднялась в печали:
«Мой бог, смотри-ка, — кудри
Твои как пепел стали!»

Сидит бедняга Ульрих,
В нем сердце порваться готово,
Целует злую Луизу,
Не говоря ни слова.

1850

1

Я много творю песнопений,
Пою их милой давно,
Они, звеня опереньем,
Влетают к тебе в окно.

А мальчики — дар супруга,
Храпящего рядом с тобой, —
Они прибегают с луга,
Из рощи к тебе домой.

И люди охотно внемяют
Созвучьям песен моих;
Но уши они затыкают
От воя мальчишек твоих.

Кто песнь эту пел беззаботно,
Тот ночь одиноко провел;
Он вместо бы песен охотно
Мальчишек на свет произвел.

2

ХОЛОДНЫЕ СЕРДЦА

Как тебя в картонном царстве
В блеске зрительного зала
Я увидел, ты Джессику,
Дочь Шейлока, представляла.

Чист был голос твой холодный,
Лоб такой холодный, чистый,

Ты сияла, точно глетчер,
В красоте своей лучистой.

И еврей лишился дочки,
Ты нашла в крещеном мужа...
Бедный Шейлок! А Лоренцо —
За него я плачу вчуже!

Повстречались мы вторично;
Вспыхнув страстию великой,
Стал твоим я дон Лоренцо,
Стала ты моей Джессикой.

Как меня вино пьянило,
Так тебя — любви проказы,
И лобзал твои я очи,
Эти хладные алмазы.

Тут я начал бредить браком,
Точно вдруг рехнулся разом,
Или близость донны Клары
Заморозила мне разум?

После свадьбы очутился
Я в Сибири. Что же это?
Холоднее снежной степи
Ложе брачное поэта.

Я лежал так одиноко
В этих льдах, я мерз все хуже,
И мои продрогли песни
В честь любви — от страшной стужи.

К пылкой груди прижимаю
Я подушку — с снегом льдину:
Купидон стучит зубами,
А жена воротит спину.

Будут в свет теперь рождаться,
Отморозив нос, малютки —

Мною сложенные песни,
Все мои остроты, шутки.

Получивши насморк, муза
(Музы — нежные творенья)
Молвит: «Я уйду, мой Генрих,
От мороза нет терпенья».

О, из льда Киприды храмы
С освещением грошовым!
Что ж меня магнитом тянет
В холод, к тем сердцам суровым?

3

Что за роскошь, соразмерность
Членов гибких, форм упругих!
И головку-чаровницу
Шейка стройная колеблет!

В умилительно задорном,
Дивном личике смешались
Нега женщины во взоре
С детской кротостью в улыбке.

И когда б, местами только,
Не налег на эти плечи
Прах земной густою тенью, —
Я б сравнил тебя с Венерой,

С Афродитой, богиней,
Из волны морской восставшей,
Излучающей сиянье,
Да и вымытой отлично...

4

«Очи, смертные светила!» —
Было песенки начало,
Что когда-то мне в Тоскане
Возле моря прозвучала.

Пела песенку девчонка,
Сеть у моря починяя,
И смотрела так, что начал
Целовать ее в уста я.

Песенку и сеть у моря
Вспомнил я, когда, тоскуя,
Увидал тебя впервые,—
Дай же рот для поцелуя!

5

Зазвенело в песне звонкой
Все, что я в душе таил, —
Бог любви свою ручонку
Здесь, конечно, приложил.

Он маэстро в театре сердца
Моего, — и каждый миг
Превращает в звуки скерцо
Дум и чувств моих язык.

6

В чем значение желтой розы?
То любовь, что злобе мстит,
Злоба, что любовь мутит, —
Так и любить сквозь злости слезы!

7

Печально и вместе забавно,
Когда наблюдаем мы,
Что любят сердца друг друга,
Но верить не могут умы.

«Ты слышишь, крошка, какою
Любовью трепещет грудь?» —
«Бог весть, — она отвечает, —
К кому она хочет прильнуть!»

8

Человек от этого счастлив,
Человек от этого слег:
Имеешь трех милых любовниц
И только пару ног.

К одной бегу я утром,
К другой в вечерний час,
А третья после обеда
Сама приходит как раз.

Прощайте, трое любовниц: —
Две ноги у меня;
Я лучше поеду в деревню
Созерцать красоту бытия.

9

От глупых девушек трудно мне,
Я думал, толку добиться,
А к умным пришел, — и вот вдвойне
Мне с ними трудней сговориться.

Уж слишком умницы те умны,
Вопросы их невыносимы,
Когда же сами ответить должны,
Смеются, проходят мимо.

10

В СОБОРЕ

Дочь обер-кистера ввела
Меня через дверь портала;
Ростом мала и лицом светла,
Косынка с шейки упала.

Смотрел я, отдав за зрелище грош,
Лампады, кресты, гробницы
В соборе; и вдруг меня бросило в дрожь
При взгляде в лицо девицы.

Я снова смотрел туда, сюда, —
На все, чем наполнены храмы,
На окна, где в юбках — аллилуйя! —
Танцуя, носятся дамы.

Дочь обер-кистера как раз
Со мною стояла рядом;
У ней прозрачная парочка глаз, —
Я в них проник своим взглядом.

Дочь обер-кистера через портал
Обратно меня провожала;
Красна была шейка и ротик мал,
Косынка с груди упала.

11

Если ты связан интимно с дамой, —
Мой друг, скрывай ее имя упрямо!
Ради нее, если дама дворянка,
Ради себя, если дама мещанка.

12

На небе полная луна,
И тихо шепчет море;
Опять душа моя грустна,
И в сердце тяжесть горя.

Я вспомнил песни старины
О городах забытых,
На дне морском, средь глубины,
Водой навеки скрытых.

Молитвы там, на дне, и звон,
Но это не поможет:
Кто был однажды погребен,
Восстать уже не может.

13

БЕГСТВО

На волнах месяц кроткий
Горит то там, то тут.
В качающейся лодке
Любовники мерно гребут.

«О, как бледна ты стала,
Возлюбленная моя!» —
«Любимый, я плеск услышала,
Нас догоняет ладья».

«Попробуем вплавь, дорогая,
Возлюбленная моя!» —
«Любимый, отец, проклиная,
Догонит, чувствую я».

«Держи лишь голову выше,
Возлюбленная моя!» —
«Любимый, о горе, ты слышишь,
Мне залила уши струя».

«Сковал нас холод ужасный,
Возлюбленная моя!» —
«Любимый, и смерть прекрасна,
Когда с тобою я».

1855

1

ПРОЩАЙ

Как пеликан, тебя питал
Я кровью собственной охотно,
Ты ж в благодарность поднесла
Полынь и желчь мне беззаботно.

И вовсе без желанья зла:
Минутной прихоти послушна,

К несчастью ты была всегда
Беспамятна и равнодушна.

Прощай! Не замечаешь ты
Что плачу я, что в сердце злоба...
Ах, дурочка! Дай бог тебе
Жить ветрено, шутя, до гроба.

2

ЖЕННИ

Тебе пятнадцать лет минуло,
Мне тридцать пять, и я влюблен...
О, Женни, на тебя гляжу я,
Припоминая старый сон!

Я встретил девушку когда-то
Прелестную, ее черты
С твоими схожи, и она-то
Носила волосы, как ты.

Готовясь к университету,
На время бросил я ее,
И мне тогда она сказала:
«В тебе все счастье мое!»

Уже три года, как Пандекты
Я изучал, но в мае вдруг
Услышал в Геттингене новость,
Что обручен давно мой друг.

То было в мае... Птицы пели,
Весна смеялась на полях,
И солнцу радовался каждый
Червяк на травках и цветах.

А я, болезненный и бледный,
Бродил в отчаянии, без сил...
Один господь про то лишь знает,
Что в эту ночь я пережил.

Но все прошло. Мое здоровье
Окрепло. Вновь я исцелен.
О, Женни, на тебя гляжу я,
Припоминая старый сон!

1853

1

УТРОМ

Милая моя хозяйка,
Добрая моя супруга,
Приготовила мне завтрак —
Теплый кофе, белых сливок.

И сама мне наливает
С шуткой, лаской, милым смехом;
Ни одни уста на свете
Не смеются так прелестно!

Голосок такой свирельный
Лишь у ангелов найдется,
На земле же — разве только
У соловушек отборных.

2

ГДЕ?

Где последний час покоя
Рок усталому пошлет?
Там, на юге, в пальмах, в зное
Иль средь лип, у рейнских вод?

Буду ль я зарыт в пустыне
Равнодушною рукой
Иль у скал, где море сине,
Опущусь в песок сырой?

Все равно! Везде отрадой
Будет свод небесный мне
И надгробною лампадой —
Эти звезды в вышине.

1838

ЭДУАРДУ Г.

Тебе даны и сан, и орден алый,
Наследный герб, чины и много прав,
Но для меня ты просто бедный малый,
Хотя бы стал ты герцог или граф.

Меня не взять приобретенным в свете
Дешевым лоском, благородством фраз, —
Не так ли на филистерском жилете
Блестит в булавке дорогой алмаз?

Я знаю, в этом пышном одеянии
Бессмысленно влачит свой грустный век
Больная тварь, несчастное создание,
Разбитый хворью жалкий человек.

Как все, ты раб врачебного искусства,
Кладешь примочки, бегаешь в клозет,
Так не болтай про выпренные чувства, —
Не верю в твой высокопарный бред.

1841

Причудам дерзостно и смело
Я жизнью жертвовал всегда.
Я проиграл, но не беда, —
Не ты ли, сердце, так хотело!

Как говорят: «Блаженны люди,
Когда куют судьбу свою».

Я жизнь растратил, признаю,
Но я не изменял причуде.

Хоть кратко счастье достижения,
Хоть быстротечен был обман, —
Тому ли, кто блаженством пьян,
Считать прекрасные мгновенья!

Ведь счастье вечности равно:
Что время там и что пространство,
Где всех огней непостоянство
Слило в один пожар оно!

1842

ЦЕЛИМЕНЕ

Не по глупости терплю я
Чортов нрав твой неприличный,
И не думай, — не господь я,
К всепрощению привычный.

И притворство и коварство
Я сносил всегда без злобы,
На моем бы месте каждый
Придушил тебя давно бы.

Тяжкий крест! Его влачу я,
Полный крепкого терпенья, —
Знай: моей к тебе любовью
Искуплю я прегрешенья.

Ты чистилицем мне служишь;
От твоей ужасной скверны
Буду я навек избавлен
Божьей милостью безмерной.

1844

1

Руки лилии белей!
И как нежно оттеняет
Локон розовость лица!
Красота ее в расцвете.

Но мне нынче показалось
(Отчего-то), будто талья
Уж не так стройна, как прежде,
Тоньше быть могла б она!

2

К ДОЧЕРИ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Тобой любясь, вижу вновь —
Цвел розы куст, волнуя кровь, —
Его аромат меня дурманил
И голову мою туманил.
Воспоминаний встает чреда —
Ах! Глуп и молод я был тогда!
Я стар и все же глуп, — и зренья
Мое ослабло. — Стихотворенье
Я должен писать, — но мощь не та,
Душа полна, голова пуста!

Росточек родственный ты мой!
В душе моей, когда я с тобой,
В ее глубинах, потайных, скрытых,
Встает толпа видений забытых.
Сирены прекрасные, тени былого,
Мне рукоплеща, улыбаются снова:
На ту, чьи всех прекраснее черты,
Как волос на волос, похожа ты.

Я прежнюю свою любовь, —
Тобой любясь, — вижу вновь!
И взгляд и повадки милой сирены,
И голосочек такой же бесценный.

Звенел колдовски ее голосок, —
И кто же ему противиться мог!
А искорки лести в зеленом взоре
Напоминали дельфинов в море.
Пожалуй, брови были редки,
Но так изогнуты и высоки,
Как триумфальные арки взлетали,
И милые ямочки украшали
У самых глаз эти розы-щечки.
Однако, ни люди ни ангелочки
Не безупречны вполне. И часто бывали
Пороки у лучших. Мы об этом читали
В старинных сказках. Господин
Лузиньян —
Он страстью к русалке был обуян —
Не раз, играя с своей ундиной,
Нащупывал хвост у нее змеиный.

3

ВЕДЬМА

«Друг сосед, прошу прощенья;
Ведь у ведьмы есть уменье
Превращать себя в зверей,
Чтобы мучить тем людей.

Ваша кошка — мне жена,
Знаю это точно я;
Пахнет, скачет, мордой тычет,
Лалки моет и мурлычет».

Сосед с соседкою в ответ:
«Бери ее, нам дела нет», —
Дворовый пес: «Вау, вау!»
Мяучит кошка: «Мяу».

1845

1

Ручки чмокать, шаркать ловко,
Гнуть колена со сноровкой —
Гаерства ничтожный бред;
Верь, дитя, здесь сердца нет.

2

Жил чорт, и чорт — из важных,
А не какой-нибудь,
Но раз мартышка стала
Его за хвост тянуть.

Тянула и тащила,
Мой чорт был сам не свой,
Он был — и от восторга
Ей бросил золотой.

3

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Да, тело женское — стихи,
И их в своем альбоме
Изволил начертать сам бог
В неслыханном подъеме.

Ему порядком повезло:
Исполнен сил и чувства,
Из косной глыбы вещества
Он создал перл искусства.

Да, тело женщины — стихи,
Да, это песня песней,
И члены гибкие его
Прекрасных строф чудесней,

Какой идеей осенен
Высокий стебель шеи,
Венчанный тонкой головой,
Где вьются кудри-змеи.

Бутоны розовых грудей
Волнуют эпиграммой,
И разделяет их разрез
Цезурою упрямой.

Пластичность автора видна
И в бедрах тверже стали,
И скобки с фиговым листком —
Нелишние детали.

Нет, не абстрактна эта песнь,
Она от плоти с кровью,
Смеясь целуют губки нас,
Рифмуются с любовью.

Вот здесь поэзии угар,
И счастье и блаженство.
Венчает песня гордый лоб
Печатью совершенства.

Хвала тебе, поэт небес,
За дивные работы:
Мы все во прахе пред тобой,
Земные рифмоплёты.

Твоей поэмы красоту
Мы изучаем сами,
Внедряюсь в каждую деталь
Я днями и ночами.

О да! Я день и ночь стремлюсь
Познать твои творенья;
И сохнут ноги у меня
От этого ученья.

1850

1

ОТВЕТ

Да, путь, что ты избрал, конечно, правый,
Но не спеши создать себе кумира;
Не ароматом мускуса и мирры
Мне веет чрез германскую заставу.

Повременим трубить победы славу,
Пока при сабле ходят наши сбирь,
Боюсь: змея поет любовь на лире,
Свободу — волк с ослом поют гнусаво.

2

Идет к концу — излишен спор тут —
Любовный пыл, идет он к чорту!
Блажен, кто с ним расстаться мог,
Вкусив, как лучших дней залог,
Семейственности холодок.
Обласкан щедро светом он,
Что льнет к богатству испокон,
Всегда он сладко ест и пьет
И лба бессонного не трет
Во тьме ночей, а видит сны
В объятьях дорогой жены.

3

Земные страсти, что горят нетленно,
Куда идут, когда в земле мы сгнили?
Они идут туда, где раньше были,
Где ждет их, окаянных, жар геенны.

4

Ты преступник, друг! Расстался
Со своей ты жирной Анной
И с поджарою связался,
Жесткой, тощей Марианной!
Кто прельстился мясом в даме,
Жди себе прощенья смело;
Но любовный блуд с костями —
Святотатственное дело!
Чорт вогнал тебя в проруху,
Он глушит нам разум крепко:
Покидаем мы толстуху
И берем в замену щепку!

5

ПО ТУ И ПО ЭТУ СТОРОНУ РЕЙНА
Резвость мягкая и живость,
Грациозная болтливость,
Смех, чарующая ложь,
Лихорадки страстной дрожь
И любви живой порывы —
Вот, французы, чем сильны вы!

Немцы — как того не видеть? —
Мастера лишь ненавидеть.
Эту ненависть излить
Нужно им во что б ни стало,
И чтоб яд ее вместить —
Гейдельбергской бочки мало.

6

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ТОЛКОВАНИЕ

Не питали, а служили
Пищей для Ильи вороны, —
Так без чуда разъяснили
Мы себе сей факт мудреный.

Да! Пророк вкусил в пустыне
Не голубку, а ворону, —
Как намедни мы в Берлине,
По библейскому закону.

7

ИЗБАВИТЕЛЬ

Ликуешь! — ты думаешь, Плантагенет,
У нас ни малейшей надежды нет!
А все потому, что нашлась могила,
Где имя «Артур» написано было!

Артур не умер, не скрыла земля
Холодным саваном труп короля.
Вчера следил я, глазам не веря,
Как он, живехонек, поднял зверя.

На нем зеленый парчевый наряд;
Смеются губы, глаза горят;
На гордых конях, по тропам дубровы,
За ним летели друзья звероловы.

Его рога заглушают гром:
Трара! трара! — рокошет кругом.
Чудесные гулы, волшебные громы
Сынам Корнуэля милы и знакомы.

Они говорят: «Не пришла пора,
Но она придет — трара! трара!
И король Артур своему народу,
Прогнав норманнов, вернет свободу».

ПОЭМЫ



АТТА ТРОЛЬ

Раскрыв свой мерцающий белый шатер,
Царь мавров выходит на бранный спор.
Так месяц, мерцая сквозь облачный флёр,
Выходит из мглы на широкий простор.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Атта Троль появился на свет поздней осенью 1841 г. Отрывки из этой поэмы я тогда же напечатал в «Elegante Welt», редактором которого снова стал мой друг Лаубе. Содержание и строй поэмы пришлось подчинить ручному направлению этого журнала. Я написал сначала только те главы, которые могли быть напечатаны, но и они претерпели множество изменений. Я рассчитывал закончить свою поэму и вскоре опубликовать ее полностью, но так и остался при этом похвальном намерении. С Атта Тролем случилось то же, что со всеми великими творениями немцев, с Кельнским собором, с богом Шеллинга, с прусской конституцией, — он не был закончен. В этом незаконченном виде, кое-где подчистив и внешне округлив свою поэму, я отдаю ее на суд публики, послушный требованиям отнюдь не внутреннего порядка.

Атта Троль, как я уже сказал, появился на свет поздней осенью 1841 г., когда великий бунт, поднятый против меня разношерстными врагами, еще не совсем отбушевал. То был поистине великий бунт! Я никогда не думал, что Германия производит столько гнилых яблок, сколько их тогда летело в мою голову. Наше отечество — благословенная страна! Правда, здесь не растут ни лимоны, ни апельсины, а немощные лавры

только с большим трудом пробиваются на немецкой почве, но зато гнилые яблоки она производит в таком удивительном изобилии, что все наши великие поэты слагали песни на этот сюжет. Несмотря на бунт, поднятый в надежде отнять у меня и корону и голову, я не потерял ни той ни другой, и нелепые обвинения, имевшие целью натравить на меня чернь, распались прахом, даже не заставив меня унизиться до ответа. Время взяло на себя мое оправдание, и уважаемые немецкие правительства — я с благодарностью должен это признать — также не мало потрудились в мою пользу. Приказы об аресте нетерпеливо ожидают возвращения поэта на каждой станции, начиная от немецкой границы, и ежегодно в святочные дни, когда на елках мерцают уютные свечки, эти приказы возобновляются. Такая ненадежность дорог отбивает у меня всякую охоту ехать в Германию, — я праздную каждое рождество на чужбине, и на чужбине, в изгнании, окончу свои дни. А между тем храбрые палладины истины и света, обвинявшие меня в непостоянстве и раболепстве, уверенно шагают по отечественной земле. Теперь это откормленные чиновники, или сословные вельможи, или завсегдатаи клуба; они по вечерам патриотически освежаются виноградным соком, этим благодатным даром папаши Рейна, и пахнущими морем шлезвиг-гольштейнскими устрицами.

Я с определенным умыслом рассказал вам, в какой период появился на свет Атта Троль. Это было в ту пору, когда процветала так называемая политическая поэзия. Оппозиция, как сказал Руге, продала свою шкуру и стала поэзией. Музам строго приказали прекратить легкомысленное празднество и заняться служением отечеству — в качестве не то маркитанток свободы, не то прачек христианско-германской национальности. В роще немецких бардов закрутился бесплодный и смутный пафос, бесполезный туман энтузиазма, с полным презрением к смерти низвергавшийся в море банальности и всегда напоминавший мне пресловутого американского матроса, который так самозабвенно восхищался генералом Джексонем, что прыг-

нул однажды с верхушки мачты в море, крикнув при этом: «Я умираю за генерала Джексона!» Да, мы, немцы, еще не имели флота, но среди нас уже было множество матросов, которые в стихах и в прозе умирали за генерала Джексона. В те времена талант был весьма сомнительным даром, так как он вызывал подозрение в бесхарактерности. Завистливая бездарность после тысячелетних усилий нашла, наконец, могучее оружие против дерзости гения: она открыла антитезу таланта и характера. Каждый обыватель чувствовал себя польщенным, когда толпе преподносились такие истины: все порядочные люди, как правило, плохие музыканты, зато хорошие музыканты это менее всего порядочные люди, а ведь главное в мире не музыка, а порядочность. Пустая голова получила право ссылаться на переполненное сердце, и благонравие стало козырной картой. Я вспоминаю одного писателя тех времен, считавшего своей особой заслугой то, что он не умеет писать. За свой дубовый стиль он получил почетный серебряный кубок.

Клянусь вечными богами! То было время, когда приходилось отстаивать неотъемлемые права духа, конечно, и в области поэзии. О борьбе за эти права — об этой главной задаче моей жизни — я не забыл и в предлагаемой поэме. Как содержание, так и самый тон ее были протестом против плебисцита современных трибунов. И действительно, уже первые напечатанные отрывки из Атта Троля вызвали разлитие желчи у моих героев постоянства, у этих римлян, обвинявших меня не только в литературной, но и в общественной реакции и даже в глумлении над самыми святыми идеями человечества. Что касается эстетической ценности моей поэмы, скажу только одно: тогда, как и теперь, я мало заботился о ней. Я написал эти стихи в причудливом стиле той романтической школы, которой я отдал лучшие годы юности, хотя и кончил тем, что высек моего учителя. Возможно, что в этом отношении моя поэма заслуживает порицания.

Но ты лжешь, Брут, ты лжешь, Кассий, и ты, Азиниус, лжешь, утверждая, что моя насмешка направлена про-

тив идей, являющихся драгоценным завоеванием человечества, идей, за которые сам я столько боролся и страдал. Нет, именно потому, что эти идеи так величаво, с таким великолепием и ясностью сияют перед взором поэта, на него нападает неудержимый смех, когда он видит, как пошло, неуклюже и грубо воспринимаются эти идеи его ограниченными современниками. И поэт начинает издеваться над медвежьей шкурой, в которую они облеклись. Бывают зеркала настолько кривые, что сам Аполлон отражается в них в карикатурном виде и вызывает у нас веселый смех. Но мы ведь смеемся над кривым отражением, а не над богом.

Еще одно слово! Нужно ли предупреждать, что пародия на фрейлигратовское стихотворение, которая здесь и там озорно проглядывает в строфах Атта Троля и образует комический подтекст поэмы, отнюдь не направлена на осмеяние этого поэта? Я высоко ценю Фрейлиграта, особенно теперь, — я причисляю его к самым значительным из поэтов, выступивших в Германии после июльской революции. С первым сборником его стихов я познакомился с запозданием, именно в ту пору, когда писался Атта Троль. Быть может, моим тогдашним настроением объясняется то, что мавританский царь заставил меня развеселиться. Этот продукт фрейлигратовского творчества славится как наиболее удачный. Для читателей, не знающих упомянутого произведение, — а такие могут найтись и в Китае, и в Японии, и даже на Нигере и в Сенегалии, — замечу, что у мавританского царя, который в начале стихотворения появляется из своего белого шатра, изображая собой лунное затмение, имеется черная возлюбленная, над смуглым лицом которой колышутся белые страусовые перья. Исполненный бранного пыла, царь покидает ее и под грохот барабана, увешанного черепами, кидается в негритянскую битву. — Увы! там находит он свое черное Ватерлоо, и победители продают его белым. Последние тащат благородного африканца в Европу, и здесь мы встречаем его на службе в какой-то бродячей цирковой труппе, где ему поручено бить во время представления в турецкий барабан. И вот стоит он

перед нами, серьезный и мрачный, у входа в балаган, и барабанит и в то же время думает о своем былом величии, о том, что когда-то был он абсолютным монархом на далеком, далеком Нигере, где он охотился на львов и тигров.

Его глаза застелил туман.

Ударил! — и лопнул, гремя, барабан!

Париж, декабрь 1846 г.

Генрих Гейне



АТТА ТРОЛЬ

1

Убаюканный в долине
Песней бурных водопадов,
Среди гор лежит веселый,
Элегантный Котэре.

Все дома нарядно-белы,
Все с балконами большими,
А с балконов смотрят дамы
И смеются звонким смехом.

И, смеясь, глядят на площадь,
Запруженную народом,
Где медведица с медведем
Лихо пляшут под волюнку.

Те танцоры — знаменитый
Атта Троль с его супругой
Черной Муммой, и ликуют,
Восхищаясь ими, баски.

Величав, степенно-важен,
Пляшет славный Атта Троль.
У косматой половины
Нет достоинства, нет меры.

Да, мне чудится, что Мумма
Канканирует порою!

Так бесстыдно крутит задом, —
Право, вспомнишь Grande Chaumière!

И достойный медвежатник,
На цепи водящий Мумму,
Сам, как видно, понимает
Аморальность этой пляски,

И подчас он так усердно
Угощает Мумму плетью,
Что от воя черной дамы
Стон стоит меж гор окружающих.

Этот храбрый медвежатник
Носит шесть мадони на шляпе,
Чтобы голову вернее
Уберечь от пуль и вшей.

На плечо покров алтарный
Он накинул живописно,
Будто плащ. Под ним он прячет
Острый нож и пистолет.

Был он в юности монахом,
А потом он стал бандитом.
Оба дела позже слил он
У дон Карлоса на службе.

А когда бежал дон Карлос
Со своей застольной кликой,
И пришлось за честный труд
Взяться прежним паладинам

(Пан Шнаппанский стал поэтом), —
Тут наш славный рыцарь веры
В медвежатники пошел.
Взял он Мумму, Атта Троля

И по всей стране их водит
Напоказ базарной черни, —

В Котэре на рынке пляшет
Злополучный Атта Троль.

Атта Троль — когда-то гордый
Царь лесов и гор свободных! —
Он теперь в долине пляшет
Пред людской вульгарной чернью.

И притом — какой позор! —
Пляшет ради гнусных денег —
Он, любивший грозным рыком
Наводить на смертных ужас!

Вспомнит он былые годы,
Вспомнит мощь и власть былую, —
И глухие стоны рвутся
Из души смятенной Троля.

Он угрюм и хмур, как черный
Фрейлигратовский царь мавров: —
Царь так плохо барабанил,
А медведь так плохо пляшет!

Но лишь смех, не состраданье
Будит он. Сама Джульетта
Насмехается с балкона
Над прыжками лютой скорби.

У француженки Джульетты
Нет сердечности немецкой,
Вся — во внешности. Но внешность
Восхитительна, волшебна.

Взор ее лучистой сетью
Ловит нас, — и наше сердце,
Точно пойманная рыбка,
Бьется и трепещет нежно.

2

Черный царь у Фрейлиграта
Так жестоко барабанил,
Так лупил, что барабан
Застонал и с треском лопнул, —

Вот где пафос барабанный,
Вот где барабанный ужас!
Но представьте вид медведя,
Если он с цепи сорвался.

Сразу музыка и пенье
Смолкли. Люди с громким воем
Кинулись, давя друг друга.
Дамы в страхе побледнели.

Да, из рабьих уз на волю
Атта вырвался, прыжками
Полетел вдоль узких улиц
(Каждый был настолько вежлив,

Что поспешно сторонился) —
И, вскарабкавшись на скалы,
Вниз презрительно взглянул он,
Рявкнул — и пропал в горах.

Так без публики остался
Медвежатник с черной Муммой!
Бешено сорвал он шляпу,
Растоптал ее — ногами

Всех мадонн попрал — и вдруг,
Сбросив плащ рукой бесстыдной,
В мерзкой наготе явился, —
И как стал честить медвежью

Черную неблагодарность!
Ибо он всегда, как с другом,
Обращался с Атта Тролем,
Обучил медведя танцам.

Всем ему медведь обязан,
Даже жизнью! Ведь недавно
Сотню талеров давали
За его дрянную шкуру.

И на Мумму, на бедняжку,
Что, на задних лапах стоя,
Тихой грусти воплощеньем
На державный гнев глядела,

Пал державный гнев: — владыка
Бьет ее и обзывает
Королевою Христиной,
Доньей Муньос, проституткой.

Эта драма разыгралась
В чудный теплый день, в июле.
И была великолепна
Ночь, пришедшая на смену.

Половину этой ночи
Простоял я на балконе,
Где стояла и Джульетта,
Созерцая звезды в небе.

И она вздохнула: «Звезды!
Как горят они в Париже,
Отражаясь ночью зимней
В черной уличной грязи!»

3

Летней ночи сон! Беспельна
Эта пѣснь и фантастична —
Как любовь, как жизнь беспельна,
Как творец и мирозданье!

Повинуясь лишь капризу,
То галопом, то на крыльях,

Мчится в сказочное царство
Мой возлюбленный Пегас.

Это — не битюг мещанства,
Добродетельно полезный,
И не конь партийной страсти,
Ржущий с пафосом трибуна.

Конь мой, белый и крылатый,
Чистым золотом подкован,
Нити жемчуга — поводья.
Мчись, куда захочешь, конь!

В горы мчись тропой воздушной,
На хребты, где воплем страха
Водопад остерегает
От паденья в бездну вздора!

Мчись в укромные долины,
В тихий сумрак чащ дубовых,
Где источник древних былей
Звонко плещет меж корнями!

Дай испытать его и влагой
Омочить глаза — я жажду
Струй живой воды, дарящей
Нам познание и прозренье.

Я прозрел! Я вижу дно
Глубочайшей в мире бездны —
То берлога Атта Троля.
Я медвежью речь постиг!

Что за чудеса! Как странно
Мне знаком язык медвежий!
Узнаю: я эти звуки
Слышал в дорогой отчизне.

4

Ронсеваль! Долина славы!
Лишь твое услышу имя,
В сердце вновь, благоухая,
Голубой цветок трепещет.

Предо мной встает, сияя,
Мир сказаний отзвеневших,
Смотрят призраки в глаза мне,
Сердцу сладостно и жутко.

Что за гром и звон! То франки
Бьются с полчищем неверных.
Будто кровью истекая,
Трубят скорбно рог Роланда.

Там, в ущельи Ронсевальском,
У зазубрины Роланда,
Получившей это имя
Оттого, что в гнев яром

Рыцарь, добрым Дюрандалем
Прорубая франкам путь,
Так ударил по утесу,
Что в граните шрам остался, —

Там, в расселине глубокой,
Меж кустов и диких елей,
В вековой угрюмой чаще
Скрыл берлогу Атта Троль.

Там, в родном семейном лоне,
Он обрел желанный отдых
От своих трудов, спектаклей,
Путешествий и побега.

Что за счастье! Всех детей
Он нашел в родной берлоге,
Где воспитывал их с Муммой: —
Четырех сынов, двух дочек.

Косолапые красотки
Белокуры и дородны,
Словно пасторские дочки;
Три юнца — шатены. Младший —

Одноухий и брюнет.
Это Мумма у любимца
Из любви отгрызла ухо,
Из любви и сожрала.

Мальчик просто гениален!
Он в гимнастике — маэстро.
Стойку делает не хуже,
Чем великий клоун Масман.

Цвет отечественной школы,
Лишь родной язык он любит,
Не обучен он жаргону
Древних греков или римлян.

Свеж и бодр, и быстр, и кроток,
Ненавидит мыться мылом,
Презирает эту роскошь,
Как великий клоун Масман.

В чем он гений высшей марки —
Это в лазаньи по соснам,
Что растут из темной бездны
Вдоль гранитных ребер скал,

Достигая той вершины,
Где обычно все семейство,
Вкруг отца усевшись дружно,
Коротает ночь в беседах.

А старик не прочь о людях
Поболтать в ночной прохладе,
Вспомнить земли и народы,
Все, что видел, претерпел он.

С благородным Лаэртидом
Лишь в одном старик не сходен:
В том, что странствовал с супругой,
С этой черной Пенелопой.

Повествует Атта Троль,
Как завоевал он славу,
Как своим искусством танца
Приводил людей в восторг.

Он клянется, что на рынках
Стар и млад им восхищались,
Глядя, как он ловко скачет
В такт волынке сладкозвучной.

И в особенности дамы,
Эти жрицы Терпсихоры,
Бешено рукоплескали,
И сулил их взор награду.

О, тщеславие артиста!
Старый танц-медведь с улыбкой
Вспоминал, как восторгалась
Публика его талантом.

Восхищенный сам собою,
Доказать желая детям,
Что великий он танцор,
А не жалкий хвастунишка,

Вдруг он вскакивает бодро
И на задних лапах пляшет —
Пляшет свой коронный номер,
Свой прославленный гавот.

Молча смотрят медвежата,
Рты раскрыв от изумленья,
Как отец их странно скачет,
Освещенный лунным светом.

5

Атта Троль, скорбя душою,
Меж детей лежит в берлоге
И сосет в раздумьи лапу
И задумчиво бормочет:

«Мумма, Мумма, черный перл!
Я тебя в житейском море
Выловил — и вновь навеки
Потерял в житейском море.

И с тобой не встречусь больше,
Разве там — за дверью гроба,
Где, стряхнув земную скверну,
Обретает свет душа.

Ах! еще разок лизнуть бы
Дорогую морду Муммы,
Эта морда так сладка —
Будто вымазана медом.

Ах, еще разок вдохнуть бы
Этот запах несравненный,
Запах милой черной Муммы,
Сладостный, как запах роз.

Но, увы, бедняжка Мумма!
Ты в плену у гнусной твари,
Что зовется человеком,
Мнит себя венцом творенья.

Ад и смерть! На нас, животных,
Эти горе-венценосцы,
Эти короли-горохи
Нагло смотрят сверху вниз,

Жен, детей у нас воруют,
Бьют нас и сажают на цепь,
Убивают, чтоб присвоить
Наши шкуры и тела.

И себя считают вправе
Так преступно издеваться
Над медведем: — называют
Это правом человека.

Кто им дал такое право?
Естество природы, что ли?
Это было бы противно
Всем законам естества!

Что за кодекс привилегий?
Кто их выдумал, — рассудок?
Но тогда он безрассудно
Сам себе противоречил!

Люди, чем вы лучше нас?
Тем, что вы едите мясо
Жареным или вареным?
Правда, мы едим сырое,

Но ведь результат — такой же!
Благородство не в еде!
Благороден тот, чьи мысли
И поступки благородны.

Люди, чем вы лучше нас?
Тем, что с детских лет вас учат
Всем искусствам и наукам?
Но и мы не остолопы!

Разве нет собак ученых,
Лошадей, искусных в счете,
Как банкиры, или зайцев,
Барабнящих отлично?

А бобры — не мастера ли
Гидростатики? Иль аист?
Не ему ли мир обязан
Изобретением клистира!

А ослы ль не критикуют?
Не актрисы ль обезьяны?
Есть ли лучшие мимистки,
Чем Батавия, мартышка?

Соловей — не песнопевец?
Фрейлиграт — не стихотворец?
Кто бы льва воспел прекрасней,
Чем его земляк-верблюды?

Как танцор — я сам не хуже,
Чем ваш Раумер как историк.
Разве Раумер пишет лучше,
Чем танцую я, медведь?

Люди, чем вы лучше нас?
Тем, что держите вы кверху
Вашу голову? Но низко
Пресмыкаются в ней мысли.

Или ваше превосходство —
В вашей гладкой, скользкой коже?
Но ведь этот самый признак
Отличает и змею.

О, двуногих змей порода!
Вот на что нужны вам брюки:
Чтоб прикрыть чужою шерстью
Мерзость наготы змеиной!

Дети, дети! Берегитесь
Безволосых гнусных тварей!
Дочь моя! Не доверяй
Этим подлым змеям в брюках!»

Я не стану сообщать вам,
Как еще медведь-философ
В жажде равенства безумной
Клеветал на человека.

Я ведь сам, в конце концов,
Человек, и не к лицу мне
Повторять пустые бредни,
Наглые, в конце концов.

Да, я человек, я тоже
Лучше прочих позвоночных
И сословных интересов
Предавать не собираюсь.

И в борьбе с другим зверьем
Свято защищать я буду
Человечество — святые,
Вечные права людей.

6

Впрочем, людям, этим высшим
Представителям скотины,
Может быть, не бесполезно
Знать, о чем в низах толкуют —

Средь четвероногой братии,
Средь плебеев — в низших сферах
Общества, где обитают
Гордость, нищета и гнев.

Все, что нам дала природа,
Что внесли тысячелетья,
Все, что освятил обычай, —
Оскверняют дерзким рылом.

От отцов к сынам и внукам
Переходит злая ересь,
Угрожающая смертью
Гуманизму и культуре.

«Дети! — воеет Троль, катаясь
И ворочаясь на ложе,
Не украшенном коврами, —
Дети! будущее — наше!

Если б каждый из медведей,
Каждый зверь судил, как я,
Мы объединили б силы
И низвергли бы тирана.

Стал бы конь лесному вепрю
Сотрапезником и другом,
Слон по-братски обвивал бы
Вкруг рогов быка свой хобот.

Волк плечо к плечу с медведем,
И козел и обезьяна,
Даже заяц — все совместно
Устремились бы к победе.

Единенье! Единенье —
Наша главная потребность!
В одиночку мы рабы,
Вместе мы сильней владыки.

Единенье! Единенье!
Свергнем власть монополиста,
Установим в мире царство
Справедливости звериной.

Основным его законом
Будет равенство и братство
Божьих тварей, без различья
Веры, запаха и шкуры.

Равенство во всем! Министром
Может быть любой осел.
Лев на мельницу с мешками
Скромно затрусит в упряжке.

Что касается собаки —
Чем в ней вызвано лакейство?
Тем, что люди с ней веками
Обращались, как с собакой.

Но она в свободном царстве,
Где вернут ей все бывшие,
Все исконные права,
Снова станет благородной.

Даже нехристям евреям
Мы дадим права гражданства
И с любым другим животным
Уравним их пред законом.

Только танцы на базарах
Запретим еврейской расе, —
Но уж в этом я считаюсь
С интересами искусства.

Ибо нет у этой расы
Строгой пластики движений,
Чувства стиля, — их манеры
Публике испортят вкус».

7

Так ворчит в кругу семейном
Мрачный враг двуногой твари,
И скрежещет он зубами
И рычит на всю берлогу:

«Люди! Хитрые каналы!
Смейтесь, — от улыбки вашей
И от вашей тирании
Нас великий день избавит.

Мне всего обидней в мире
Кисло-сладкая гримаса

Вкруг их пасти, — не терплю я
Человеческой улыбки.

Чуть, бывало, я замечу
Рожу белую с улыбкой,
У меня кишки от гнева
Выворачивает в брюхе.

Ведь еще наглей, чем в слове
Раскрывается в улыбке
Глубочайшая преступность
Человеческого сердца.

Вечно скалят зубы! Даже
Там, где требует приличье,
Чтобы каждый был серьезен: —
В миг торжественный любви.

Вечно скалят зубы, вечно!
Даже пляшут улыбаясь!
Оскверняют то искусство,
Что должно б остаться культом.

Ведь в былое время танец
Был религиозным актом.
Принося бессмертным жертву,
Хор жрецов кружился в пляске.

Даже царь Давид плясал
Перед скинией завета,
И творца он славил пляской
И молился он ногами.

Так и я считал свой танец
Истинным служеньем богу
В дни, когда плясал на рынках
Пред народом восхищенным.

Признаюсь, восторг народа
Был душе моей приятен.

Даже и врага заставить
Восхищаться — кто ж не рад!

Но в пылу энтузиазма
Люди также скалят зубы: —
Им исправить нрав бессильно
И балетное искусство».

8

Добродетельнейший бюргер
Часто пахнет счень плохо,
А иной холуй баронский
Умашен душистой амброй,

Целомудрие нередко
Отдает зеленым мылом,
А порок благоухает
Маслом розовым подчас.

Посему — не морщи носа,
Друг-читатель, коль в берлоге
Атта Троля не учуешь
Аравийских благовоний.

И пребудь со мною в смраде,
В спертom воздухе, где ныне
Наш герой меньшому сыну
Как из облака вещает:

«Сын мой, сын! Отцовских чресел
Младший отпрыск, чутким ухом
К морде отчей ты приникни
И внимай моим словам.

Образ мыслей человека
Гибелен душе и телу, —
Средь людей на белом свете
Нет порядочных людей.

Даже лучшие — германцы,
Правнуки Туискиона,
Наши родственники в прошлом,
Тоже вырождаками стали.

В них иссякла вера в бога,
Превратились в атеистов,
Сын мой, сын мой, берегись
Бауэра и Фейербаха.

Не прельщайся атеизмом:
Ведь медведь без веры в бога —
Не медведь! Должны мы помнить,
Что господь — творец вселенной.

В небесах луна и звезды,
Миллионы звезд хвостатых
(И безхвостых в равной мере) —
Только отблеск божьей силы.

Твердь небес, вода и суша —
Только эхо божьей славы,
Славят все земные твари
Всемогущество творца.

Даже крохотная вошка
В бороде у пилигрима,
С ним юдольный путь свершая,
Восхваляет мудрость божью.

Там, на золотом престоле,
В небе звездном восседает
Колоссальный, снежнобелый,
Миром правящий медведь.

Незаятно блестящий
Мех на нем. Венец алмазный
На его челе сияет,
Наполняя светом небо.

В мудром взоре мир и кротость
И печать высоких мыслей;
Только скипетром взмахнет он, —
Зазвенят, играя, сферы.

Вкруг творца благочестивый
Сонм угодников медведей,
Претерпевших в мире дольном.
Каждый — с пальмой страстотерпца.

И на каждого нисходит
Дух святой поочередно,
И, вскочив, угодник пляшет
Вдохновенный танец танцев,

Танец милостью господней, —
Для него талант не нужен,
Но душа, возликовав,
Хочет выпрыгнуть из шкуры.

Буду ль, недостойный Троль,
Удостоен благодати?
Из глухой земной юдоли
Воспарю ль в страну блаженства?

Буду ль в райском упоеньи
Наверху, под сенью звездной,
В нимбе славы, с пальмой в лапах
Танцевать пред божьим троном?»

9

Черный царь у Фрейлиграта
Свой язык пурпурно-красный
Высунул в угрюмой злобе
Из глумящегося рта, —

Так багряный месяц вылез,
Как язык, из черной тучи.

Водопад бессонный ропщет,
Злобным гулом будит ночь.

Атта Троль стоит над бездной
На своем родном утесе,
Одинок и свирепый,
Бьет в пропасть, в бурю, в ночь.

«Да, я тот медведь, тот самый
Косолап, Мохнач, Топтыгин,
Изегрим и, чорт вас знает,
Как вы там меня зовете.

Я — медведь, одетый в шкуру
Неубитого медведя,
Я — Михайло неуклюжий,
Над которым вы глумитесь.

Я — мишень острот, насмешек.
Я — чудовище, которым
Вы страшаете ночами
Невоспитанных детей.

Я — предмет издевки грубой
Ваших басен, ваших сказок,
Ныне вам кричу я громко
В ваш людской проклятый мир:

Знайте, знайте, я — медведь!
Не стыжусь происхождения,
Им я горд, как если б дедом
Был мне Мозес Мендельсон».

10

Две мохнатые фигуры
Вида страшного и злого
В тьме ночной, на четвереньках,
Ломятся сквозь дикий ельник.

То отец и сын любимый,
Атта Троль и Одноухий.
Там, где бор светлеет, оба
Стали подле камня крови.

«Этот камень, — молвит Атта, —
Алтарем был у друидов,
Здесь когда-то приносились
Человеческие жертвы.

О, жестокое злодейство:
Лили кровь во славу божью!
Только вспомню эту мерзость,
Дыбом шерсть на мне встает.

Ныне стали просвещенней
Эти твари. Их к убийству
Побуждает не усердье
Ради интересов неба —

Нет, не бред благочестивый,
Не безумство фанатизма, —
В наши дни корысть и алчность
Их толкают на убийство.

Все стремятся вперегонки
Захватить мирские блага,
И свирепо, в вечной драке,
Каждый рвет себе кусок.

Да! Имущество народа
Похищает одиночка
И про собственность толкует, —
Убежден в правах владенья.

Собственность! Права владенья!
О, лжецы! злодеи! воры!
Так нелепо и коварно
Может лгать лишь человек.

Посуди, ну кто же видел
Собственников от рожденья?
Ведь на свет мы все выходим
Даже без кармана в шкуре.

Разве на своей обертке
Кто-нибудь из нас имеет
Этакий мешок особый
Для украденных вещей!

Только людям, голым тварям,
Что в чужую шерсть рядятся,
Выдумать пришлось нарочно
Этот воровской карман.

Их карман — да он природе
Так же, как права владенья
И как собственность, противен!
Человек — карманный вор!

Сын! тебе я завещаю
Ненависть мою святую.
Здесь на алтаре кланись мне
В вечной ненависти к людям!

Будь врагом непримиримым
Угнетателей проклятых, —
Лютым их врагом до гроба!
Клятву, клятву дай, мой сын!»

И поклялся карнаухий
Ганнибал. Луна струила
Желтый свет на камень крови,
На мохнатых мизантропов.

Как исполнил медвежонок
Клятву, — позже сообщу я.
Будет он в другой поэме
Нашей лирою прославлен.

Ну, а что до Атта Троля,
Мы пока его оставим,
Чтобы скоро тем надежней
Поразить злодея пулей.

Ты, крамольник, посягнувший
На величье человека!
Протокол мой я закончил, —
Жди облавы завтра днем.

11

Как под утро баядерки,
Зябко ежась, дремлют горы.
Как рубашки свежий ветер
Зыблет белые туманы.

Но, срывая сумрак чуждый,
Светлый бог красавиц будит,
Озаряет изумленный
Их нагую красоту.

До зари с Ласкаро встал я
На охоту за медведем.
Долго шли и ровно в полдень
Вышли мы на Pont d'Espagne —

Мост, из Франции ведущий
В землю варваров, на запад,
В землю варваров-испанцев,
Лет на тысячу отставших,

Лет на тысячу отставших
От Европы современной.
Немцы, варвары востока,
Лишь на сотню лет отстали.

Робко медлил я покинуть
Землю Франции святую,

Эту родину свободы
И любимых мною женщин,

На мосту сидел испанец,
Музыкант в плаще дырявом;
Нищета гнездилась в дырах,
Нищета из глаз глядела.

Струны старой мандолины
Он щипал костлявым пальцем.
Эхо в пропасти, дурачась,
Передразнивало звуки.

Часто вниз он наклонялся
И, смеясь, глядел он в пропасть,
И бренчал еще задорней,
И такую пел он песню:

«У меня ли в сердце — столик
Золотой есть, хитрый столик.
Чистым золотом сверкают
Золотых четыре стула.

И сидят четыре дамы, —
Золотой убор на каждой.
И играют дамы в карты.
Всех обыгрывает Клара.

Обыграет — и смеется.
Ах, в моем ты сердце, Клара,
Вечно в выигрыше будешь:
Все ты козыри взяла».

Я прошел, подумав: «Странно!
Мост, связующий французов
И испанцев, — и сидит
И поет на нем безумье!

Иль оно для наций символ
Их идейного общения,

Иль бессмысленный заглавный
Лист народа своего?»

Только к ночи добрались мы
До гостиницы убогой,
Где, дымясь, в кастрюле грязной
Грелась *Ollea potrida*.

Там вкусил я и гарбанцос,
Тяжких, твердых, словно пули,
Несваримых и для немца,
Что на грузных клетках вскормлен.

Но кровать затмила кухню:
Вся наперчена клопами!
Меж врагами человека
Злейший враг — ничтожный клоп.

Лучше бешеная ярость
Тысячи слонов, чем злоба
Одного клопа дрянного,
Ползающего в постели.

Не ропща ему отдался
На съеденье — очень тяжко.
Раздавить его — от вони
Не уснешь потом всю ночь.

Да, страшней всего на свете
Битва с неприметным гадом,
Для которого оружием
Служит вонь, — дуэль с клопом!

12

Все поэты — фантазеры,
Даже те, что сердцем робки.
Восклицают: «О, природа,
Ты — творца великий храм!

Храм, чья пышность и богатство —
Слабый отблеск божьей славы.
Солнце и луна и звезды —
Лампы тусклые под сводом».

Люди добрые, согласен!
Но признайтесь, в этом храме
Лестницы — весьма плохие;
Худших лестниц я не видел.

Вверх и вниз! Все время скачешь
То с горы, то в гору снова.
И моя душа и ноги,
Наконец, устали прыгать.

Рядом шел со мной Ласкаро,
Длинный, бледный, точно свечка.
Все молчит, не улыбнется
Этот мертвый отпрыск ведьмы.

Да, по слухам, он мертвец,
Помер он давно, но в тело
Мать Урака ворожбою
Жизни видимость вселила.

Ну и храм! Да будь он проклят
Вместе с лестницами! Право,
До сих пор не понимаю,
Как не сверзился я в пропасть.

Водопады грохотали.
Сосны выли, так хлестал их
Ветер с ливнем в перемежку.
В общем, гнусная погода!

Лишь на озере de Gaube
В тесной хижине рыбацкой
Мы нашли приют желанный
И форелей превосходных.

У огня лежал там в кресле
Старый хворый перевозчик.
За больным ходили нежно
Две племянницы-красотки.

Обе ангелам подобны,
Толстым ангелам — фламандским,
Будто Рубенс написал их
Златокудых, синеглазых.

В ямочках на щечках алых
Смех лукавый притаился.
Роскошь сильных тел будила
Тайный страх и сладострастье.

Эти добрые созданья
Восхитительно болтали,
Споря, как больному дяде
Угодить питьем лечебным.

Та совала пациенту
Чашку с липовым отваром,
Та с бузиною настойкой
Наступала на беднягу.

«Не хочу я ваших зелий! —
Вскрикнул он нетерпеливо, —
Дайте мне вина — с гостями
Разопьем по доброй чарке».

Может быть, и впрямь напиток,
Поднесенный мне радушно,
Был вином, но в Брауншвейге
Я б решил, что это — Мумме.

Был из лучшей козьей шкуры
Черный мех; смердел отменно.
Но старик развеселился,
Пил — и радовался жизни.

Говорил он о бандитах,
Промышляющих свободно
Грабежом и контрабандой
В чащах вольных Пиренеев.

Много знал он старых сказок,
Местных былей, между прочим
Рассказал о древних битвах
Исполинов и медведей.

Исполины и медведи
До прихода человека
Воевали за господство
Над землей, над краем здешним.

Но когда явились люди,
Исполины растерялись
И бежали: мало мозгу
В столь объемистой башке.

Говорят, что дуралеи,
Моря вольного достигнув
И увидев свод небесный,
Отраженный в синей глуби,

Море приняли за небо
И, доверив душу богу,
В воду прыгнули с разбега, —
Так, гуртом, и утонули.

Что касается медведей,
Человек их истребляет
Постепенно, и в предгорьях
С каждым годом их все меньше.

«Так на свете, — молвил старый, —
Свой черед всему приходит, —
После царства человека
Царство карликов настанет,

Царство гномов, умных крошек,
Что гнездятся в недрах горных,
Вечно роясь и копаясь
В шахтах золотых богатства.

При луне их часто видишь:
Высунут из нор головки
И, приюхиваясь, смотрят.
Страшно будущее наше!

Да, богаты карапузы!
Внуки, внуки! Не пришлось бы
Вам, как глупым исполинам,
Прыгнуть в небо водяное!»

13

В темной горной котловине
Дремлет озеро недвижно.
С тихой грустью смотрят звезды
В черный омут. Сон и полночь...

Полночь. Сон. Удары весел.
Словно плещущая тайна,
Челн плывет. Легко и быстро,
Вместо лодочника-дяди,

Правят девушки. Во мраке
Синие глаза сияют,
Искрясь влажными звездами,
Голые белеют руки.

Как всегда, безмолвный, бледный
Близ меня сидит Ласкаро.
Дрожь берет меня при мысли,
Что и вправду он — покойник.

Может быть, и сам я — мертвый,
И плыву по влаге темной

С бестелесными тенями
В царство призраков холодных.

Это озеро — не Стикс ли?
Не рабыни ль Прозерпины
За отсутствием Харона
К ней везут меня насильно?

Нет, пока еще не мертв я,
Не погас и в сердце блещет,
И ликует, и смеется
Лучезарный пламень жизни!

В этих девушках, чьи весла
Благой весело играют,
Плещут на меня и брызжут,
В этих свежих крепких девках,

И смешливых и лукавых,
Ничего нет от коварных
Инфернальных камер-кошек,
От прислужниц Прозерпины.

Чтоб совсем не сомневаться
В плотской их, земной природе,
Чтоб на деле убедиться
В том, что сам я полон жизни, —

Я прижал проворно губы
К нежным ямочкам на щечках
И сейчас же сделал вывод:
Я целую — значит, жив.

К берегу пристав, еще раз
Я расцеловал резвухек:
Никакой другой монеты
За провоз они не взяли.

14

В блеске солнца золотого
Горы синие смеются.
Дерзким гнездышком к обрыву
Прилепилась деревушка,

К ней вскарабкавшись, увидел
Я, что взрослые в отлете.
Лишь птенцы остались дома —
Смутлолицые мальчонки,

Черноглазые девчушки
В белых шапочках и в красных,
Закрывавших лоб до глаз.
Я застал их всех на рынке: —

Детвора играла в свадьбу.
Принц мышиный, млея страстью,
На коленях, патетично,
Речь держал к принцессе-кошке.

Бедный принц! Возьмет красотку,
А красотка злобно фыркнет,
Цап-царап! и съест беднягу: —
Кошке смех, а мышке — грех.

Целый день с детьми провел я,
Мы доверчиво болтали.
Детвора узнать хотела,
Кто я, чем я занимаюсь.

«Детки милые, — сказал я, —
Я — охотник на медведей,
Ибо я германец родом,
Родился в медвежьем царстве.

Уж со многих снял я шкуру
Через их медвежьи уши,
И не раз медвежьей лапой
Был изрядно поцарапан.

Наконец, осточертело
Мне в отечестве любезном
Каждый день сражаться насмерть
С неотесанным болваном.

И направился я в горы
Поискать получше дичи, —
Испытать хочу я силу
На великом Атта Троле.

Вот герой, меня достойный!
Ах, в Германии случалось
Биться мне с такою дрянью,
Что стыдился я победы».

Наконец, я стал прощаться.
Обступив меня, малютки
В пляс пустились и запели:
«Жирофлино, Жирофлетте!»

А потом из круга смело
Вышла самая меньшая,
Раз и два и три присела
И пропела мне одна:

«Если короля я встречу,
Перед ним я раз присяду,
Если встречу королеву,
То присяду раз и два.

А когда мне чорт рогатый
На дороге попадется,
Раз и два и три присяду,
Жирофлино, Жирофлетте!»

«Жирофлино, Жирофлетте» —
Подхватил весь хор дразнилку,
И, как вихорь, завертелся
Хоровод у ног моих.

*

И пока я шел в долину,
Затихая вслед звенело,
Как веселый щебет птичий:
«Жирофлино, Жирофлетте!»

15

Крючась, корчась безобразно,
Неприступных скал громады
Взглядом чудищ допотопных
На меня глядят свирепо.

В небесах седые тучи,
Двойники утесов мрачных,
Буйно мчатся, повторяя
Формы каменных чудовищ.

Водопад вдали бушует,
В темных елях воет ветер;
Этот гул — неумолимый,
Роковой, как безнадежность.

Страшно в дебрях запустелых!
Вкруг вершин угрюмых сосен
Кружат галки черной тучей,
То садятся, то взлетают.

Вслед за мной идет Ласкаро,
Бледен, хмур, и, верно, сам я
Схож с безумьем, за которым
Скорбный спутник, смерть, шагает.

Что за дикая пустыня!
Иль на ней лежит проклятье?
Кажется, я вижу кровь
На корнях той чахлой ели.

Вон стоит под ней лачуга,
От стыда зарылась в землю,

И соломенная крыша
Робко молит подаянья.

В хижине живут каготы,
Полувывершее племя,
Чья растоптанная жизнь
В непроглядной тьме влачится.

Баск таит в душе доньне
Отвращение к каготу, —
Это мрачный пережиток
Черной эры фанатизма.

Видел я собор в Баньере,
Там решетчатая дверца,
Как сказал мне старый кистер, —
Вход отдельный для каготов.

Им законом запрещалось
Проходить в другие двери.
Сторонясь людей, украдкой,
В божий дом входил кагот.

Там, на низенькой скамейке,
Мог он сесть и помолиться,
Одинок, как прокаженный,
Всею паствою отвержен.

Но святой веселый факел
Просвещения светит ясно,
Разгоняет ярким блеском
Черный мрак средневековья.

Не хотел войти Ласкаро
Вслед за мною в дом кагота;
Я вошел один и брату
Подав руку дружелюбно,

И поцеловал младенца,
Что сосал, впевившись жадно,
Грудь каготки, — был похож он
На больного паучка.

16

Если ты глядишь на горы
Издали, — они сияют,
Щедрым солнцем разодеты
В золото и в гордый пурпур.

Но вблизи наряд их меркнет, —
Так всегда бывает в мире:
Блеск величия земного
Только световой эффект.

Смотришь, золото и пурпур, —
Ах, ведь это снег тщеславный!
А тщеславный снег так жалко
В одиночестве томится.

Вдруг я слышу: надо мною
Скрипнул снег, и застонал он,
О своей, о белой грусти
Плачась ветру ледяному.

«О, как медленно, — вздохнул он, —
Тянутся часы в пустыне!
Каждый час тут бесконечен,
Как замерзнувшая вечность.

О, я белый снег! О, если б
Не на мерзлой горной круче,
А в долине я лежал бы,
В расцветающей долине!

Я б ручьем тогда растаял,
И в моей волне прозрачной
Умывались бы, плескались
Деревенские красотки.

И, быть может, я до моря б
Докатился, стал бы перлом,
И, быть может, я б украсил
Королевскую корону».

Все прослушав, так сказал я:
«Милый снег, я сомневаюсь,
Чтоб такой блестящий жребий
Ожидал тебя в долине.

Но утешься. Лишь немногим
Выйти в перлы удастся.
Ты бы мог попасть и в лужу,
Стать обычной вязкой грязью».

И пока я в этом стиле
Говорил с печальным снегом,
Грянул выстрел, и на землю
Камнем пал убитый коршун.

То охотничьей забавой
Позабавился Ласкаро,
Ствол его ружья дымился,
Но безжизненно глядел он.

Молча вырвал он перо
Из хвоста могучей птицы,
Насадил его на шляпу
И пошел угрюмо дальше.

Я смотрел в невольном страхе,
Как, черна и непомерна,
Тень его с пером огромным
Быстро двигалась по снегу!

17

Точно улица — долина,
Имя ей «Дорога духов»,
По бокам до неба встали
Стены сумрачных утесов.

Там, с неимоверной кручи,
Словно страж, глядит в долину

Дом Ураки. К старой ведьме
Я пошел с Ласкаро вместе.

Языком волшебных знаков
Он держал совет с мамашей:
Как верней загнать в ловушку
И убить нам Атта Троля.

Ибо след его нашли мы!
Атта Троль, от нашей мести
Ты теперь не увернешься,
Сочтены твои часы!

Вправду ль старая Урака —
Выдающаяся ведьма,
Как с почтением и страхом
Молвят люди в Пиренеях, —

Я решать не собираюсь,
Лишь скажу, что вид у ведьмы
Подозрительный, что мерзко
Красные глаза слезятся,

Взгляд — пронзительный и злой.
Говорят, от взгляда ведьмы
У коров в окрестных селах
Пропадало молоко.

Говорят, что свиньи дохли
И быки околевали,
Если ведьма прикасалась
К ним своей рукой костлявой.

За такие преступления
Уж не раз ее водили
К мировому. Но судья здесь
Закошнелый вольтерьянец,

Легкомысленный безбожник
И поборник новых взглядов.
Всех истцов гоня нещадно,
Этот скептик лишь глумился.

Для властей, официально,
Занимается Урака
Честным ремеслом — продажей
Горных трав и чучел птичьих.

Сплошь полна была лачуга
Разных велей. Душный запах
Шел от дольника, дурмана,
Белены и мандрагоры.

Был подбор великолепный
Разных коршунов на стенах:
Крылья хищно распростерты,
Клювы мощны и горбаты.

Видно, душный запах зелий
Так мне в голову ударил,
Что при виде этих чучел
Стало странно мне и страшно.

Может быть, в несчастных птицах,
Выпотрошенных колдуньей,
Силой магии томятся
Заколдованные люди?

Взгляд их, скорбный и недвижный,
Полон горьким нетерпением,
Иногда они на ведьму
В тихом ужасе косятся.

Та на корточках, пригнувшись,
У огня сидит с Ласкаро
И свинец бесовский плавит,
Заговаривает пули.

Отливает пулю смерти,
Пулю в сердце Атта Троля.
На ее лице багровый
Отблеск пламени трепещет,

И беззвучно шевелятся
Бледные сухие губы.
Не заклатьем ли волшебным
Освящает ведьма пули?

То мигнет, то улыбнется
Сыну. Но еще недвижней
И еще мрачней Ласкаро,
Ибо он готовит смерть.

Одурманенный кошмаром,
Встал я и пошел к окошку,
Чтоб вдохнуть прохладный воздух,
И взглянул я вниз, в ущелье.

И увиденное мною
Между полночью и часом
Я правдиво и красиво
Опишу в ближайших главах.

18

Это было в полнолуние
В ночь святого Иоанна,
В час, когда своим ущельем
Духи мчатся на охоту.

Из окна Ураки старой,
Из гнезда коварной ведьмы
Наблюдать я мог отлично
Скачку призраков полночных.

Как в театре, в лучших креслах,
Мог следить я за спектаклем,
Видел ясно, как ликует
Смерть, восставшая из гроба.

Свист бичей и рев и крики,
Лай собак и ржанье коней,

Вой рогов и звонкий хохот
И веселый отклик эха.

Вслед за крупной красной дичью,
Убегавшей от погони,
Вслед за стадом серн и вепрей
Мчалась алчущая свора.

А за нею звероловы
Разных стран, эпох и наций:—
Так, с Нимвродом Ассирийским
Рядом неся Карл Десятый.

На конях они промчались,
А за ними пешим ходом
Поспевали копыеносцы,
Слуги с факелами, челядь.

Не один охотник дикий
Мне знакомым показался.
Рыцарь в золотых доспехах
Не был ли король Артур?

Или тот храбрец в зеленой
Переливчатой кольчуге,
Схож с огромною лягушкой,—
Не был ли Ожье-Датчанин?

И мыслители там были
И поэты: — был наш Вольфганг.
Я узнал его по блеску
Жизнерадостного взора.

Проклят темным Генгстенбергом,
Он в гробу лежать не может
И с язычниками снова
Правит буйный праздник жизни.

По приветливой улыбке
Мною узнан был и Вильям,

Тот, на ком лежит проклятье
Пуритан, — и этот грешник

Осужден с воздушным сонмом
На коне скакать ночами.
А вдогонку трясся кто-то
На осле — святое небо! —

В колпаке ночном, в халате,
С богомольно постной миной,
Благочестие во взорах: —
Это старый друг Франц Горн!

Лишь за то, что бедный малый
Комментировал Шекспира,
Должен он и мертвый мчаться
Вслед за ним в глухую полночь.

Тихий Франц! — он должен мчаться,
Тот, кто шаг ступить боялся,
Лишь для сплетен и молитвы
Приходил порой в движенье.

Старых дев, что услаждали
Мир его души смиренной,
Не повергнет ли в смятенье
Весть о том, что Франц — охотник!

Чуть осел прибавит шагу,
Смотрит вниз великий Вильям —
И смеется над испугом
Комментатора бедняги.

Бледный, к обмороку близкий,
За сѣдло держась от страха,
Он и мертвый, как при жизни,
Верен своему поэту.

В небывалой кавалькаде
Я и дам немало видел,

Видел нимф, красавиц юных,
Буйно мчавшихся верхом.

Все мифологично голы, —
Только волосы густые,
Золотым плащом спадая,
Наготу их прикрывали.

Гордо выпрямившись в седлах,
Глядя смело и надменно,
Все в венках из винограда,
Девы тирсами махали.

Дальше, сидя в дамских седлах,
Мчались рыцарские дамы,
В платьях наглухо закрытых,
С соколами на руках.

Вслед за ними пародийно
На одрах, на тощих клячах,
Ехал сброд из разных женщин,
Балаганно расфранченных.

Лица были очень милы,
Но, клянусь, довольно наглы, —
Похотливо зазывали
Разрумяненные щеки.

О, как все здесь ликовало: —
Вой рогов и звонкий хохот,
Свист бичей и рев и крики,
Лай собак и ржанье коней!

Но в середине кавалькады
Три красавицы летели, —
Я вовеки не забуду
Тот трилистник красоты.

И одну узнал я сразу:
Лунный серп венчал ей кудри,
Мчалась гордым изваяньем
Величавая богиня.

Чуть прикрытые, белели,
Точно мрамор, грудь и бедра.
Их лаская сладострастно,
Лунный свет играл на теле.

В блеске факелов, как мрамор,
Бледен был и лик богини.
Ужасала неподвижность
Благородно-строгих черт.

Лишь в глазах пылал как в горнах
Пламень сладостный и страшный,
Полыхал, сердца ввергая
В ослепление и в гибель.

Как Диана изменилась, —
Та, кто псами затравила
Актеона в исступленьи
Целомудренного гнева!

В этом обществе галантном,
Искупая грех старинный,
Ныне призраком полночным
Мчится дочь земной юдоли.

Поздно, но и тем страшнее
В ней проснулось сладострастье,
И в глазах ее пылает
Ненасытный адский пламень.

Жаль ей, что теряла время: —
Пол мужской был встарь красивей,
И количеством богиня
Хочет качество восполнить.

Рядом с ней другая мчалась,
Но не строгостью античной —
Кельтской прелестью сияла
Красота ее лица.

То была — узнал я сразу —
Фея Севера, Абунда: —
Та же нежная улыбка,
Тот же смех, веселый, звонкий.

Щеки розовы и свежи,
Будто мастер Грёз писал их,
Рот — сердечком, чуть открытый,
Ослепительные зубы.

Ветерок, ночной повеса,
Голубой играл сорочкой.
Плеч подобных не видал я
Даже в лучших сновиденьях.

Я в окно готов был прыгнуть,
Чтоб расцеловать красотку, —
Правда, мне пришлось бы плохо,
Ибо я сломал бы шею.

Ах, она б лишь рассмеялась,
Если б в пропасть, обезумев,
Я у ног ее свалился,
Ах, я знаю этот смех!

Ну, а третья, пред которой
Трепет кровь твою наполнил, —
Как другие две, быть может,
И она была чертовка?

Ангел, чорт ли — я не знаю,
Но ведь именно у женщин
Никогда не знаешь толком,
Где в них ангел, где в них чорт.

Был в глазах бездумных, знойных
Весь волшебный блеск Востока,
Был на ней убор бесценный,
Точно в сказках Шахразады.

Губы — нежные гранаты,
Нос лилейный, чуть с горбинкой.
Тело стройно и прохладно,
Точно пальма в жар полдневный.

Белый конь играл под нею.
Два высоких черных мавра
Шли с боков, держа царице
Золоченые поводья.

Да, она была царица,
Королева Иудеи,
Та, чью страсть насытил Ирод
Головою Иоанна.

И за это преступленье
Казнь она несет за гробом:
В сонме призраков ей мчатся
Вплоть до страшного суда.

И в руках она донине
Держит блюдо с головою
Иоанна и безумно
Эту голову целует.

Ведь она его любила.
Библия молчит об этом,
Но хранит народ преданье
О ее любви кровавой.

Да и как понять иначе
Злую прихоть этой дамы?
Женщина — лишь если любит,
Снимет голову с мужчины.

Рассердилась отчего-то,
Вот и голову срубила,
Но едва лишь увидала
Эту голову на блюде, —

Помешалась и от горя
Умерла в безумьи страсти
(Плеоназм: безумье страсти!
Страсть уже сама — безумье).

И она, держа, как прежде,
Блюдо с головой кровавой,
Ночью скачет на охоту,
Забавляясь тем, что в воздух

Эту голову бросает
И, как мяч, проворно ловит,
И смеется детским смехом
Женски-дикому капризу.

Мимо мчась, она глядела
Мне в глаза и вдруг кивнула
Так кокетливо и томно,
Что пронзила боль мне сердце.

Трижды, как волна колеблясь,
Мчалась мимо кавалькада,
Трижды, мимо пролетая,
Мне кивал прекрасный призрак.

И хотя давно виденье
Отзвучало и поблекло,
Долго мне привет царицы
Жег взволнованное сердце.

И потом всю ночь, до света
Я ворочался усталый
На соломе: — в доме ведьмы
Не было перин пуховых.

Все я думал: почему ты
Так загадочно кивала?
Почему так странно нежен
Был твой взор, Иродиада?

20

Солнце в белый мрак тумана
Мечет стрелы золотые,
И туман багрится кровью,
Тая в блеске и в сияньи.

Лучезарный триумфатор,
Яркий день восходит в небо,
Наступив пятой на темя
Побежденных светом гор.

Зазвенели, засвистали
Птицы в гнездах потаенных,
И концертом ароматов
Мир наполнили растения.

Утром, с первыми лучами,
Мы сошли с горы в долину,
И, пока Ласкаро молча
Изучал следы медведя,

Я убить старался время
Размышленьями, но скоро
Утомлен был вихрем мыслей,
И невольно мне взгрустнулось.

И под ясенем зеленым,
Где журчал ручей прозрачный,
Лег я грустный и усталый
На траву, глазами к небу.

И ручья волшебным плеском
Зачарованный волшебю,

Перестал грустить и думать
В забытии бездумной лени.

Но в душе росло желанье,
Словно жажда сна и смерти,
Все мучительней сиял мне
Образ трех ночных красавиц.

О, прекрасное виденье,
Сон, развеянный зарею,
О, скажи, куда ты скрылся,
Где ты светлым днем таишься?

Под развалинами храмов,
Уцелевшими в Романье,
Днем скрывается Диана
От дневной христовой власти.

Лишь во тьме, в глухую полночь
Выходить она дерзает,
Чтоб развлечься травлей зверя
В обществе подруг-язычниц.

А прелестная Абунда
Так боится назарейца,
Что дневной досуг проводит
В неприступном Авалуне.

Этот остров затерялся
В тихом море романтизма.
Только конь волшебной сказки
Долетит к нему на крыльях.

Там печаль не бросит якорь,
Пароход там не причалит,
Не появится филистер
С вечной трубкою в зубах.

Сонной одури и скуки
Не нагонит звон церковный, —

Этот, феям ненавистный,
Мрачный гул колоколов.

Там и царствует в весельи,
Вечной юностью сияя,
Жизнерадостная фея,
Светлокудрая Абунда.

Там в прогулках и в беседах,
Средь подсолнухов гуляя,
Дни проводит королева
Мир забывших паладинов.

Да, но ты, Иродиада,
Где же ты, скажи? — Я знаю,
Ты мертва, лежишь в могиле
Там, где град Ерушалаим.

Днем — недвижимый труп — лежишь ты
В величавом саркофаге.
В полночь ты встаешь, слышав
Свист бичей и звонкий хохот.

И летишь за буйным сонмом,
За Дианой и Абундой,
Средь охотников веселых,
Не влюбивших крест и муку.

Что за общество! О, если б
Сам я мог скакать ночами
По лесам! С тобою рядом
Я б летел, Иродиада.

Ибо ты мне всех милее.
Больше греческой богини,
Больше феи ты мила мне,
Ты, о мертвая еврейка!

Я люблю тебя. Ты видишь,
Как душа моя трепещет!

Будь моей! Отдай мне сердце,
Мой кумир, Иродиада!

Будь моей, отдай мне сердце!
Выкинь в мусор это блюдо
С головой глушца кровавой, —
Лучшим блюдом насладись.

Посмотри, я словно создан
Для тебя! Мне горя мало —
Проклял бог тебя, мертва ль ты, —
Я плюю на предрассудки.

И с моим блаженством вечным
Обстоит весьма неясно,
И живой я или мертвый,
Я и сам подчас не знаю.

Лишь позволь — и точно рыцарь,
Точно cavalier-servente,
Буду я носить твой плащ
И терпеть твои капризы.

По ночам с тобою рядом
Буду мчаться в диком сонме,
Говорить с тобой, смеяться
Над своей безумной речью.

Коротать с тобою буду
Ночи долгие, но днем
Буду грустный, одинокий
Плакать на твоей могиле;

День за днем сидеть и плакать
Там, где прах царей великих,
Там, где гроб моей любимой,
Там, где град Ерушолаим.

И старик, еврей бездомный,
Проходя, вздохнет и скажет:
«Плачет он, что храм разрушен,
Что погиб Ерушолаим».

21

Аргонавтами без Арго
Мы в горах пешком блуждали,
Не руно, не золотое —
Шкура снилась нам медвежья.

Ах, мы, горе-аргонавты,
Следопыты новой кройки!
Никакой великий классик
Наших странствий не прославит.

А уж мы ль не настрадались!
И каким жестоким ливнем
Угостило нас на круче,
Где ни деревца ни дрозжек.

Грыжа ль прорвалась у туч?
(Мог бандаж набрюшный лопнуть)
Но такого ливня с градом
Не видал Язон в Колхиде.

«Зонтик! Тридцать шесть монархов
За один единый зонтик
Отдаю гуртом!» — кричал я,
А с меня лилась вода.

Утомленные смертельно,
Раздраженные и злые,
С видом мокрых псов пришли мы
Поздно ночью в дом Ураки.

Ведьма, сидя у огня,
Мопса толстого чесала,
Но как только мы явились,
Псу дана была отставка.

Занялась Урака нами:
Приготовила мне ложе,
Развязала эспадрилы —
Неудобнейшую обувь,

Помогла стянуть мне куртку
И прилипнувшие брюки
(Так болван иной прилипнет
Со своей дурацкой дружбой).

«Шлафрок! Тридцать шесть монархов
За сухой и теплый шлафрок!» —
Закричал я. Пар валил
От моей рубашки мокрой.

Весь дрожа, стуча зубами,
Постоял я перед жаром
И, в тепле размякнув сразу,
Опустился на солому.

Сон не шел. Глядел я жмурясь,
Как раздела ведьма сына,
Села с ним к огню и молча
Полуголого к себе

Положила на колени.
Мопс пред ней на задних лапах
Встал, — в передних очень ловко
Он держал горшочек с зельем.

Из горшка взяла Урака
Красный жир и стала жиром
Сыну мазать грудь и ребра,
Мазать быстро и поспешно.

Терла, мазала и пела,
Убаюкивала сына,
И, потрескивая странно,
В очаге гудело пламя.

Словно труп, костлявый, желтый,
К лону матери приникнув,
Сын лежал и скорбным взором
Пред собой глядел недвижно.

Неужель он вправду мертвый —
Материнскою любовью,
Силой зелья колдовского
Оживленный, бледный призрак?

Странный полусон горячки:
Тело как свинцом налито,
Ты лежишь пластом, но чувства
Напряглись невыносимо.

Этот душный запах зелий!
Я мучительно старался
Вспомнить, где его я слышал,
Но припомнить был не в силах.

Этот вой и скрежет ветра
В очаге, как будто стоны
Душ измученных, — казалось,
Голоса их узнавал я.

А потом, какого страха
Натерпелся я от чучел,
В ряд расставленных на полке
Над моею головою!

Хищно, медленно и страшно
Птицы расправляли крылья,
Мне в лицо уставив клювы —
Длинные носы людские.

Где носы такие мог я
Видеть раньше... В Дюссельдорфе?
В Гамбурге? С каким мученьем
Я ловил воспоминанье!

Наконец, меня осилив,
Сон пришел на смену яви,
Вместо бреда наяву —
Крепкий и здоровый сон.

И приснилось мне: — лачуга
Стала пышным балльным залом,
Залом с белой колоннадой,
С ярким светом жирандолей.

Исполнял оркестр незримый
Танцы из Robert le Diable —
Нечестивый пляс монахинь;
Но гулял я там — один.

Наконец, раскрылись двери,
И входить попарно стали,
Медленным и важным строем,
Удивительные гости:

Привиденья и медведи.
Каждый кавалер мохнатый
Вел, идя на задних лапах,
Призрак в саване могильном.

И по всем законам бала
Пары в вальсе закружились,
То-то был курьезный номер,
Страх и смех, представьте сами!

Косолапым кавалерам
Приходилось очень туго:
Да и как не сбиться с такта
В вальсе с призраком бесплотным!

Словно вихрь неумолимый,
Вальс кружил зверей несчастных,
Их сопенье заглушало
Даже мощный контрабас.

Часто пары спотыкались,
И медведь рычал на призрак
И его по заду шлепал,
Чтобы неуч не толкался.

А порою в вихре танца
С головы своей подруги
Саван стаскивал медведь, —
И на свет являлся череп.

Но внезапно загремели
Барабаны и литавры,
Подхватили звонко трубы, —
И во-всю пошел галоп.

Эта часть мне не доснилась,
Ибо вдруг один топтыгин
Наступил мне на мозоли: —
Я завыл и пробудился.

22

Хлещет Феб коней ретивых,
Гонит весело квадригу,
Он уже почти полнеба
В дрожках солнечных объехал.

Только в полдень перестал я
Грезить о медвежьем вальсе,
Вырвался из плена странных,
Фантастичных сновидений.

Осмотревшись, я увидел
Что в лачуге я один.
Мать Урака и Ласкаро
Рано вышли на охоту.

В хижине остался только
Толстый мопс; у очага
Он стоял на задних лапах,
В котелке мешая ложкой.

Повар был он, видно, знатный,
Увидав, что суп вскипает,

Стал он дуть, мешая чаще,
Чтобы снять густую накипь.

Что за чорт! Я спятил, что ли,
Или это лихорадка?
Я ушам своим не верю:
Толстый мопс заговорил!

Да — и очень задушевно
Речь повел на чисто швабском;
Говорил и словно грезил, —
Как возвышенный мечтатель.

«О, поэт я бедный швабский!
На чужбине суждено мне,
Заколдованному мопсу,
Кипятить настои ведьме.

Как позорно и преступно
Ведьмовство! И как трагичен
Жребий мой: в собачьей шкуре
Чувствовать, как человек!

Лучше б мне остаться дома
Средь моих друзей по школе.
Ах, они людей не могут
Зачаровывать, как ведьмы!

Лучше б мне остаться дома
С Карлом Майером, сладчайшим
Соловьем моей отчизны,
При супах благочестивых!

Где ты, мой родимый Штуккерт?
Как твои увидеть трубы,
Сизый дым от них и печи,
Где хозяйки варят клецки?»

Я глубоко был растроган
Этой речью; спрыгнув с ложа,

Подбежал и сел к камину
И промолвил с состраданием:

«О певец, о благородный,
Как попал ты в лапы ведьмы?
Ах, за что — какая гнусность! —
Превращен ты ведьмой в мопса?»

И в восторге тот воскликнул:
«Как? Вы значит не француз!
Значит, немец вы, и был вам
Весь мой монолог понятен!

Ах, земляк, какое горе,
Что всегда советник Кёлле —
Если мы с ним заходили
В погребок распить по кружке —

Уверял меня за трубкой:
Всем своим образованием
Он обязан лишь поездкам,
Пребыванию за границей.

Чтобы с ног своих коросту
Ободрать пробежкой легкой,
Чтобы светскую шлифовку
Получить, как этот Кёлле,

Я с отчизной распростился,
Стал бродить по всей Европе
И, попав на Пиренеи,
Прибыл в хижину Ураки.

К ней мне дал Юстинус Кернер
Личное письмо; к несчастью,
Я не знал тогда, что друг мой
Водит с ведьмами знакомство.

И Уракой был я принят
Дружелюбно, но, к несчастью,

Дружба ведьмы все росла,
Превращаясь в пламя страсти.

Да, в груди увядшей вспыхнул
Нечестивый, гнусный пламень,
И порочная блудница
Соблазнить меня решила.

Я взмолился: «Ах, простите!
Ах, мадам, я не фривольный
Гетеанец, я невинный
Представитель швабской школы.

Нравственность — вот наша муза!
Спит в кальсонах из крепчайшей
Толстой кожи, — ах, не троньте
Добродетели моей!

Есть поэты чувства, мысли,
Есть мечтатели, фантасты,
Но лишь мы, поэты швабы,
Добродетель воспеваем.

Это все мое богатство —
Добродетель и смиренье.
Ах, мадам, не отнимайте
Ветхий плащ у наготы!»

Так молил я, но с улыбкой,
С иронической улыбкой,
Ведьма веткою омелы
Головы моей коснулась.

И на теле ощутил я
Странный и противный холод,
Будто весь гусиной кожей
Начал быстро покрываться.

На поверку оказалось —
То была собачья шкура.

С той минуты злополучной
Я, как видите, стал мопсом».

Бедный парень! От рыданий
У него пресекся голос.
Он рыдал неудержимо,
Чуть не изшел слезами.

«Слушайте, — сказал я грустно, —
Может, я могу помочь вам
Шкуру сбросить и вернуть вас
Человечеству и музам?»

Но с отчаяньем во взоре
Безутешно поднял лапы
Бедный мопс и с горьким вздохом,
С горьким стоном мне ответил:

«Вплоть до страшного суда мне
Пребывать в собачьей шкуре,
Если я спасен не буду
Некой девственницей чистой.

Лишь не зная мужины
Целомудренная дева
Может снять с меня заклятье, —
Правда, при одном условии:

В ночь под новый год должна
Эта дева в одиночку
Прочитать стихи Густава
Пфифцера и не заснуть.

Не заснет она над чтеньем,
Не сомкнет очей невинных, —
Вмиг я в люди расколдуюсь
И размопситься смогу».

«Ах, тогда, мой друг, — сказал я, —
Вам помочь я не способен.

Я, во-первых, не могу быть
К лику девственников причислен.

Но еще трудней второе:
Мне совсем уж невозможно
Прочитать стихи Густава
Пфицера — и не заснуть».

23

Мир фантастики покинув,
Мы спускаемся в долину;
Снова почву под ногами
Обретаем в позитивном.

Прочь, безумье, бред горячки,
Грезы, призраки, виденья!
Мы серьезно и разумно
Вновь займемся Атта Тролем.

Меж детей в своей берлоге
Наш старик лежит и спит
И, как праведник, храпит он;
Вот проснулся — и зевает.

Рядом с Тролем — Одноухий,
Как поэт, что ищет рифму,
Лапой голову скребет он
И скандирует он лапой.

Тут же, рядом с папой, дочки
На спине лежат, мечтая, —
Непорочны и невинны
Сны четвероногих лилий.

Что за томные виденья,
Как цветы, трепещут нежно
В душах девственников медвежьих?
Их глаза блестят слезами.

И особенно меньшая
Вся полна волнением тайным,
Ибо тайно чувствует в сердце
Зуд блаженный Купидона.

Ах, стрела малютки бога
Сразу шкуру ей пронзила,
С первой встречи. Но, всевышний!
Тот, кто мил ей — человек!

Да, его зовут Шнаппанский,
Он в великом отступлении,
По горам спасаясь бегством,
На рассвете ей явился.

Девам люб герой в несчастье,
А в глазах сего героя
Тихой грустью, мрачной скорбью
Клокотал карманный кризис.

Всей казной его походной —
Двадцатью двумя грошами,
Что в Испанию привез он, —
Завладел дон Эспартеро.

Даже и часов не спас он, —
Он оставил их в ломбарде,
В Пампелуне — распрощался
С драгоценностью фамильной.

И бежал он что есть мочи, —
Но, и сам того не зная,
В бегстве выиграл он нечто
Лучше всякой битвы — сердце!

Да, смертельный враг, он мил ей,
Мил медведице несчастной.
Знай отец про тайну дочки, —
Как ревел бы он свирепо!

Словно старый Одоардо,
Что Эмилию Галотти
В мрачной гордости мещанской
Заколел, и Атта Троль бы

Растерзал скорее дочку,
Лапой собственной убил бы,
Чем позволить недостойной
Кинуться в объятия принца.

Да, но в данную минуту
Он лирически настроен,
Он срывать не станет розу,
Не потрепанную бурей.

В тихой грусти возлежит он
Меж детьми в своей берлоге,
Как предчувствием, томимый
Думой о загробном мире.

«Дети! — так вздыхает Атта,
И в глазах медведя — слезы, —
Дети! Кончен путь мой дальний,
Близок час разлуки нашей.

Нынче в полдень задремал я,
И во сне, как бы предвестьем,
Дух мой был охвачен сладким
Предвкушеньем скорой смерти.

Право, я не суеверен,
Не болтун, но есть под небом
Вещи, в коих и мыслитель
Разобраться не способен.

В размышлениях о мире
Раззевался и заснул я,
И приснилось мне: лежу я
Под высоким странным древом.

С веток древа капал белый
Чистый мед и попадал мне
Прямо в рот, и, насыщаясь,
Плавал я в блаженстве сладком.

Я глядел, блаженно жмурясь,
Вверх и вдруг узрел на древе
Семь малюток-медвежаток,
Быстро ползавших по веткам.

Семь пленительных созданий
С розовато-рыжим мехом, —
Точно крылышки из шелка,
За плечами он вился.

Да, у розовых малюток
Были шелковые крылья,
И малютки нежно пели
Неземными голосками.

Эта песня леденила
Кожу мне, но вдруг сквозь кожу
Вырвалась душа, как пламень, —
Вознеслась, сияя, в небо».

Так прохрюкал умиленно
Атта Троль, потом минуту
Помолчал он, пригорюнясь.
Но внезапно оба уха,

Странно дрогнув, наострились,
И вскочил он бурно с ложа
И, ликуя, громко рявкнул:
«Дети, чей я слышу голос?

То не голос ли прелестный
Вашей мамы? О, я знаю
Нежное ворчанье Муммы.
Мумма! Сладостная Мумма!»

И помчался из берлоги
Атта Троль, как полоумный,
Ах, к засаде он помчался,
Устремился прямо в смерть.

24

Там, в ущельи Ронсевальском,
И на том же самом месте,
Где племянник славный Карла
В битве отдал душу богу, —

Пал и Троль, сражен коварством,
Как Роланд, кого преступно
Предал рыцарский Иуда,
Подлый Ганелон из Майнца.

Ах! Супружеское чувство,
Лучшее, что есть в медведе,
По совету хитрой ведьмы,
Послужило здесь приманкой.

И, ворчанью черной Муммы
Бесподобно подражая,
Ведьма выманила Троля
Из берлоги безопасной.

На крылах любви летел он
По скалам — порой, замедлясь,
Вожделенно нюхал воздух —
Думал, где-то близко Мумма.

Ах! там спрятался Ласкаро,
Он стоял с ружьем — и пулей
Грянул в радостное сердце: —
Хлынул ток багряной крови,

Помотал медведь сраженный
Головой и сразу рухнул

С тяжким судорожным стоном.
«Мумма!» — был последний вздох.

Так скончался наш герой,
Так погиб. Но для бессмертья
Он воскреснет ныне в песне
Восхищенного поэта.

Он воскреснет, величавый,
В нимбе славы непомерной
И пойдет шагать по свету
На классических троях.

И потом ему поставят
Гордый памятник в Валгалле,
И на памятнике будет
Надпись в лапидарном стиле:

«Троль. Медведь тенденциозный,
Пылок, нравственен, смиренен, —
Развращенный духом века,
Стал пещерным санкюлотом.

Плохо танцевал, но доблесть
Гордо нес в груди косматой.
Иногда зело вонял он, —
Не талант, зато характер».

25

Тридцать три седых старухи
В яркокрасных капюшонах,
В праздничном уборе басков,
У околицы стояли.

И одна, как встарь Дебора,
Била в бубен и плясала,
Славя песнею и пляской
Победителя Ласкаро.

Четверо мужчин с триумфом
Мертвого несли медведя;
Он сидел в широком кресле,
Как ревматик на курорте.

За покойным, как родные,
Шли Урака и Ласкаро.
Ведьма, явно чуть конфузясь,
Отвечала на поклоны.

А когда кортеж достигнул
Ратуши, — с надгробной речью
Выступил помощник мэра
И сказал об очень многом.

Например, о росте флота,
О проблеме свекловицы,
О печати и о гидре
Нетерпимости партийной.

Описав весьма подробно
Ряд заслуг Луи-Филиппа,
Обратился он к медведю
И к бесстрашному Ласкаро.

«Ты, Ласкаро, — так воскликнул
Наш оратор, отирая
Пот со лба трехцветным шарфом: —
Ты, Ласкаро, ты, Ласкаро,

Ты, сразивший Атта Троля, —
Бич испанцев и французов,
Ты — герой обеих наций,
Пиренейский Лафайет!»

Получив официально
Аттестацию героя,
В тихой радости Ласкаро
Покраснел и улыбнулся.

И потом весьма бессвязно,
Как-то странно заикаясь,
Пробурчал он благодарность
За оказанную честь.

С тайным страхом все глядели
На неслыханное диво,
И в смятении бормотали
Изумленные старухи:

«Как, Ласкаро улыбнулся!
Как, Ласкаро покраснел!
Как, заговорил Ласкаро,
Этот мертвый сын колдуньи!»

А медведя ободрали,
С молотка пустили шкуру;
За нее скорняк какой-то
Отсчитал пять сотен франков,

Превосходно обработал,
Красным бархатом подбил
И немедленно кому-то
Продал за двойную цену.

И затем Джульеттой куплен
Из четвертых рук в Париже,
Пред ее постелью в спальне
Лег медвежий мех ковром.

Часто голыми ногами
Я в ночи стоял на бренной
Оболочке Атта Троля,
На его земной одежде.

И, глубокой грусти полный,
Строки Шиллера читал я:
«Чтобы стать бессмертным в песне,
Надо в жизни умереть».

Ну, а Мумма? Ах, ведь Мумма —
Женщина. И вероломство
Имя ей. Ах, женский пол,
Как фарфор китайский, ломок!

Разлученная судьбою
С благородным, славным мужем,
Не погибла от печали,
Не сошла с ума от горя, —

Нет, напротив, продолжала
Жить в весельи, в вечных танцах
И в погоне за успехом
Перед публикой ломаться.

Наконец, — в Париже Мумма
Обрела в Jardin des plantes
Положение и место
И пожизненную ренту.

И когда в воскресный полдень
Я пошел туда с Джульеттой
Показать ей все причуды
Чуждой фауны и флоры, —

Дромадера и жирафа,
Баобаб и кедр ливанский,
Золотых фазанов, зебру, —
И когда, болтая нежно,

Мы остановились с нею
Пред обширным рвом — сезонной
Резиденцией медведей, —
Боже, что мы увидали!

Исполин медведь-отшельник
Из Сибири, белоснежный,
Там с медведицею черной
Предавался пылким играм.

То была — о небо! — Мумма,
Да, супруга Атта Троля.
Я узнал ее по блеску
Влажных и влюбленных глаз.

Ах, она, красotka Мумма,
Юга черное создание,
Вдруг сошлась с каким-то русским,
С варваром пустынь полярных.

Близ меня стоявший негр
Мне сказал, сверкнув зубами:
«Есть ли зрелище прекрасней,
Чем утехы двух влюбленных?»

Я ответил: «С кем, простите,
Честь имею говорить?»
Он воскликнул удивленно:
«Как? Меня вы не узнали?»

Я ведь мавр из Фрейлиграта,
Потерявший в битве царство.
В те года жилось мне плохо,
Был я одинок средь немцев.

Но теперь я сторож в парке,
Предо мною все растенья
Тропиков моих любезных,
Предо мною львы и тигры,

И гораздо здесь приятней,
Чем на ярмарках немецких,
Где за скверный харч гоняют
Ежеднёвно барабанишь.

Я женился на блондинке,
Поварихе из Эльзаса,
Мне тепло в ее объятьях,
Как в отечестве любезном.

Ножки миленькой малютки
Мне слонов напоминают,
А ее французский щебет —
Черный мой родной язык.

Брань ее напоминает,
Как трещал мой барабан,
Перевитый черепами
И пугавший льва и кобру.

При луне малютка плачет
Наподобье крокодила,
Что прохладой ночи дышит,
Глядя ввысь из волн прогретых.

И она отлично кормит.
Что ни даст, я пожираю —
Как на Нигере — с могучим
Африканским аппетитом.

Вот я и животик круглый
Нагулял. Из-под рубашки
Он глядит, как черный месяц
Из-за легкой белой тучки».

27

АВГУСТУ ФАРНГАГЕНУ ФОН ЭНЗЕ

«Где на милость, мастер Людвиг,
Столько дьявольщины разной
Вы набрали?» — так с улыбкой
Молвил кардинал фон Эсте,

О неистовствах Роланда
Прочитав у Ариосто,
Преподнесшего поэму
В дар его пресвященству.

Да, Фарнгаген, старый друг,
На твоих устах дрожит

Та же тонкая улыбка,
И слова почти что те же.

То смеешься ты, читая,
То морщина тихой грусти
Бороздит твой лоб высокий —
Ты оваян смутно прошлым.

Не звенят ли в этой песне
Грезы майских полнолуний,
Сочетавших юной дружбой
Нас, Брентано и Шамиссо?

Или звон Лесной Капеллы,
Тихий звон, давно забытый?
Иль бубенчики дурацких
Колпаков отчизны милой?

В соловьиный хор угрозой
Бас врывается медвежий,
И его сменяет странный
Шопот призраков загробных.

Бред нелепый — с умной миной,
Мудрость — в облике безумства.
Стон предсмертный — и внезапно
Все покрывший громкий хохот.

Да, мой друг, ты слышал эхо
Отзвеневших грез былого;
Лишь порой на старом фоне
Балаганит современность.

И сквозь дерзость чуть заметно
Вдруг проскальзывает робость.
Я на суд твой благосклонный
Отдаю свою поэму.

Ах, она последний отзвук
Вольных песен романтизма,

В шуме битвы современной
Отзвонит она печально.

Век другой, другие птицы,
А у птиц другие песни.
Вот гогочут — точно гуси,
Что спасали Капитолий!

Воробей с грошовой свечкой
В коготках пищит, дерется, —
Гордо мнит, что у Зевеса
Он орел-молниедержец.

Горлицы любовью сыты,
Жаждают крови — и воркуют,
Чтоб впрягли их в колесницу
Не Венеры, а Беллоны.

Вестники весны народов,
Майские жуки-гиганты,
Так жужжат, что мир трясется, —
Вот берсеркерская ярость!

Век другой, другие птицы,
А у птиц — другие песни!
Я б их, может быть, любил,
Если б мне другие уши!



АТТА ТРОЛЬ

Варианты

ГЛАВА 2

В «Zeitung» вместо строф 12, 13 и 14 читаем следующее:

Здесь, читатель, мы покинем
Медвежатника-злодея
И наказанную Мумму
И пойдем за Атта Тролем.
Проследим, как благородный
Refugiè¹ домой спасался,
И медвежьему хозяйству
Посвятим подробный очерк.
После выйдем на охоту,
Будем лазать, прыгать, ползать,
Грезит в обществе Ласкаро,
Что прикончил Атта Троля.
Летней ночи сон! Бесцельна
Эта песнь и фантастична,
Как любовь, как жизнь бесцельна!
Не ищите в ней тенденций. . .
Атта Троль не представитель
Толстошкурой, всегерманской
Почвенной, народной силы.
Соткан не из аллегорий —
Не немецкий он медведь,
Мой герой. Медведь немецкий,

¹ Беглец.

Говорят, не хочет больше
Ии плясать, ни скинуть цепи.

В «Letzte Gedichte» имеется еще следующий вариант:

Летней ночи сон! Бесцельна
Эта песнь и фантастична,
Как любовь, как жизнь бесцельна!
Нуждам нынешним не служит.
В ней высоких интересов
Родины я не касался.
И за них мы будем драться,
Но не здесь, а в доброй прозе.
Да, мы в доброй прозе будем
Разбивать оковы рабства;
А в стихах, а в песне вольной
Уж цветет у нас свобода.
Тут поэзии владенья,
Тут не место ярим битвам, —
Так поднимем тирс волшебный,
Розами увьем чело!

ГЛАВА 4

В «Zeitung» вместо строфы 13:

Презирует также мыло —
Гвоздь новейших омовений.
И в любой вонючей луже
Моет голову свою.

ГЛАВА 5

В «Zeitung» вместо строф 10 и 11:

Право! Кто вручил им это
Право? — Естество? Но разве
Неестественно оно?
— Разум? Что ж он — неразумен?

ГЛАВА 6

Вероятно, сюда относится строфа, которую Штротдманн в «*Letzte Gedichte*» опубликовал как вариант «Атта Троля»:

Ведь в большом хлеву господнем,
Называемом землею,
Всякой твари есть кормушка,
А в кормушке — добрый корм!

ГЛАВА 7

В «*Zeitung*» вместо строфы 3:

Но иронией зовется.
Ах, клянусь, улыбка эта,
Кисло-сладкая гримаса
На лице, невыносима!

ГЛАВА 10

В «*Zeitung*» вместо второй половины 17-й строфы и строфы 18:

Он в Германию пустился,
Стал — медведь тенденциозный.

Там он, к ужасу людей,
А в особенности — муз,
Воеет и ревет, беснуясь,
И грозит нас всех сожрать.

ГЛАВА 13

Сюда, вероятно, относятся следующие стихи, опубликованные Штротдманном в «*Letzte Gedichte*» как варианты к «Атта Тролю»:

Ночь, горящая звездами,
На горах лежит, как плащ:
Черный горноста́й, расшитый
Хвостиками золотыми.

Ясно: был скорняк безумен,
Сделав черный горноста́й
И украсив золотыми,
А не черными хвостами.

Вешайся, мой Фрейлиграт!
Ведь не ты придумал образ:
Черный горноста́й, расшитый
Хвостиками золотыми.

ГЛАВА 15

В «*Zeitung*» вместо строфы 9:

Ах, доныне баск питает
Отвращение к каготу,
Ключ подобного несчастья —
Неразгаданная тайна.

ГЛАВА 17

В «*Zeitung*» вместо второй половины строфы 16:

Я уж думал, что внезапно
Все они раскроют клювы
И людскими голосами
Станут, душу изливая,
У меня молить спасенья
Из когтей проклятой ведьмы.

ГЛАВА 21

В «*Zeitung*» вместо строфы 5:

«Тридцать шесть корон я дал бы
За один единый зонтик!» —
Скорбно крикнул я. Как слезы,
С тела капала вода.

В «*Zeitung*» вместо второй половины строфы 24 и первой половины строфы 25:

Средь бессвязной мешанины
(Явь под соусом из бреда)
Крепкий сон ко мне явился,
С твердой почвой, основаньем;

Контур — точен, тверд, пластичен;
Так всегда стараюсь грезить.
Из лачуги старой ведьмы
В бальный зал я перенесся.

ГЛАВА 22

Так у очага мечтая,
Я сидел в лачуге ведьмы.
Рядом с котелком возился
Добродетельнейший мопс.

Движим голодом, а может,
Любопытством, взял я ложку
У него из лап и в жиже
Выловил кусочек мяса.

То большое сердце было —
Вкусно, сварено наславу;
Но его лишь надкусил я,
Как раздался некий голос:

«Ах, обжора ты немецкий!
Пожираешь сердце вора,
Что повешен был в Толозе,
Вот прожорливая дрянь!»

Так одно из птичьих чучел
Мне сказала — то был коршун —
И другие повторили:
«Ах, обжора ты немецкий».

Видно, съевший сердце вора
Начинает понимать
Птичий свист и щебетанье;
Оказалась правдой сказка.

С той поры я в совершенстве
Понимаю речь пернатых,
Понимаю даже мертвых, —
Старых чучел диалекты.

Вдруг в окошко постучали,
Я открыл его поспешно;
В хижину влетели с шумом
Девять воронов огромных.

Подскочив к огню, согрели
Когти и, встопорщив перья,
Стали каркать, изрыгая
Всевозможные проклятья.

Тут особенно досталось
Мендицабелю, еврею,
Что прикрыл монастыри —
Их насиженные гнезда.

Спрашивали: «Где дорога
В град Monacho Monachorum?» —
«Влево за угол,—сказал я, —
Патер Иозефу привет мой».

Стая черных эмигрантов
У огня недолго грелась
И, покаркав, улетела
Сквозь открытое окошко.

Птичий сброд любого сорта
Стал влетать и уноситься.
Дом похож был на харчевню
Для пернатых проходимцев,

Журавли, порою — лебедь,
Даже совы: эти ныли,
Злясь на скверную погоду,
Яркий день и атеизм.

В обществе дородных няnek —
Двух гусынь, ему усердно
Помогавших при полете,
Прибыл хворый пеликан.

Раненую грудь погрел он,
С негодующим презреньем
Поглядел на клан совиный
И опять в окно умчался.

А потом к огню, воркуя,
Пара голубков подседа,
Посмеялись, освежились
И умчались в путь-дорогу.

Наконец, угод явился —
Длинноног, короткокрыл;
Глянув, крикнул мне со смехом:
«Друг! Не узнаешь Хут-Хута?»

Я невольно засмеялся:
Это впрямь мой друг Хут-Хут.
Тридцать пять веков назад он
Числился курьером царским.

И с депешой неотложной
Срочно Соломоном Мудрым
Послан был к царице Савской,
К знаменитой Балкайзе.

Царь в красавицу влюбился
По хвалебным описаньям;
Ей же грезились лишь Мудрый,
Чью весь мир прославил мудрость.

И загадки предлагали
Царь с царицею друг другу,
И бежал,нося записки,
Мой Хут-Хут песком-пустыней.

И, устав от всех загадок,
Прибыла в Ерушалаим,
И в объятья Соломона
Кинулась она, краснея.

Царь сказал, обняв царицу:
«Величайшая загадка,
Милое дитя — любовь,
Но над ней не стоит думать».

Да, Хут-Хут, угод мой старый,
Прежним другом мне явился
В колдовском воздушном царстве,
В дымной хижине Ураки.

Стар угод! Но он такой же,
Как когда-то. Очень важен:
Как тупей, он на макушке
Носит гребешок из перьев.

Он скрестил свои ходули,
По привычке разболтался
И дворцовых происшествий
Выложил мне целый короб.

Рассказал на новый лад
То, что мне поэт арабский
Рассказал: как ангел смерти
Побежден был Соломоном.

Царь остался жить — бессмертный
Обитает в Джиннистане;
Там он демонами правит,
Как монарх самодержавный.

«И царица Балкаиза, —
Говорил Хут-Хут, — жива,
Дар возлюбленного, дивный
Талисман, ей дал бессмертье.

Проживая в лунных землях,
В горном царстве эфиопов,
С Соломоном и доныне
Сохранила связь царица.

Оба, правда, постарели
И остыли, но друг другу,
Как и прежде, часто пишут
И, как прежде, шлют загадки.

И по-детски Балкаиза
Радуетя, если Мудрый,
Понапрасну потрудившись,
Не решил ее загадку.

И лукаво утверждает,
Что с годами поглупел он,
И, дразня, зовет его
То Ночной колпак, то Шеллинг.

Царь ей год назад в отместку
Твердый преподнес орешек;
Он своей подруге верной
Переслал со мной загадку:

«Кто подлец наипервейший
Средь германских подлецов,
Среди всех, кто населяет
Тридцать шесть держав германских?»

Сто имен ему с тех пор
Уж царица отослала —
Царь в ответ упорно пишет:
«Нет, голубка, он не первый».

И царица чуть не плачет:
Хоть ее посланцы рыщут
Вдоль по всей земле германской,
Все ж ответ — еще за нею.

Но едва она кого-то
Первым подлецом объявит,
Соломон ей пишет снова:
«Нет, голубка, он не первый».

«Милый друг, — ему я молвил, —
Долго будет Балкаиза
Биться тщетно, присуждая
Немцу лавры подлеца.

Ведь в моей отчизне подлость
Прогрессирует гигантски:
На венец из грязных лавров
Слишком много претендентов.

Там вчера еще ***
Первым подлецом казался,
Нынче, по сравнению с ***
Стал он унтер-подлецом.

Завтра ж назовут газеты
Архиподлеца, который
Даже нашего ***
Переподличать сумеет.

ГЛАВА 23

В «Zeitung» вместо строфы 4 (в «Zeitung» глава XX):

Только младший, Карнаухий,
Бодрствует, отцу внимая.
Тот опять мизантропично
Философствует о людях:

«Да, мой сын, всего противней
Эта кастовая спесь,
Это чванство подлых тварей,
Пишущих анналы мира.

Мы для них пустое место,
Разве мельком упомянут
Имя лошади, носившей
На спине их короля.

Если ж человек снисходит
Родственных воспеть животных,
Он и в этом начинаньи
Проявляет эгоизм.

В песнях он, как в жизни, наши
Узурпирует права.
Из любой ничтожной строчки
Прет тупая субъективность.

И, героем взяв медведя,
Он на деле воспевает
Лишь себя — свои безумства
И болезненные бредни».

ГЛАВА 24

В «Zeitung» вместо строф 10, 11 и 12:

И прославят имя Троля
Правнуки. Когда же время

Уничтожит предрассудки,
Будет принят он в Валгаллу.

В первоначальном варианте рукописи, напечатанной в «Zeitung», после этого следуют еще три строфы:

Будет бюст его меж Листом
И великой Фанни Эльслер;
Воспоет его, как друга,
Надпись в неуклюжем стиле:

«Атта Троль, медведь великий,
Родился на Пиренеях,
Взяв одновременно как
Жар испанцев, так французов —

Трезвость мысли; скрежетавший,
Перед чернию плясавший,
Иногда и вонь пускавший,
Не талант — зато характер».

В «Revue» имеется следующий вариант:

Когда-нибудь король Баварский поставит ему в Пантеоне Валгаллы статую в неуклюжем виттельсбаховском стиле: «Атта Троль, медведь-санкюлот, дикарь-управитель. Уважаемый супруг, глубокий ум, религиозная душа, ненавистник фривольности».

ГЛАВА 27

В «Zeitung», гл. XXIV, вместо строфы 9-й:

Да, мой друг, то эхо старых,
Отзвучавших дней мечтанья,
Но теперь в былую тему
Вариации вплелись.

Вместо трех последних строф:

Скачут по стенам германским,
Хлопая кульями крыльев;

Ножки плоски, глотки сильные,
Много крику, мало пуха!
Тут же белые вороны
Каркают с утра до ночи:
«Галлы, галлы показались! —
— Сообща спасают Рим».

Да, у птиц иные песни!
Я вчера прочел в газетах,
Что у Тика был удар
И что Тик — советник тайный.



ГЕРМАНИЯ

(Зимняя сказка)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написал эту поэму в январе месяце нынешнего года, и вольный воздух Парижа, пронизавший мои стихи, чрезмерно заострил многие строфы. Я не преминул немедленно смягчить и вырезать все несовместимое с немецким климатом. Тем не менее, когда в марте месяце рукопись была отослана в Гамбург моему издателю, последний поставил мне на вид некоторые сомнительные места. Я должен был еще раз предаться роковому занятию — переделке рукописи, и тогда-то серьезные тона померкли или были заглушены веселыми бубенцами юмора. В злобном нетерпении я снова сорвал с некоторых голых мыслей фиговые листочки и, может быть, ранил иные чопорно-неприступные уши. Я очень сожалею об этом, но меня утешает сознание, что и более великие писатели повинны в подобных преступлениях. Я не имею в виду Аристофана, так как последний был слепым язычником, и его афинская публика, хотя и получила классическое образование, мало считалась с моралью. Уже скорее я мог бы сослаться на Сервантеса и Мольера: первый писал для высокой знати обеих Кастилий, а второй — для великого короля и великого версальского двора! Ах, я забываю, что мы живем в крайне буржуазное время, и с сожалением предвижу, что многие дочери образованных сословий, населяющих берега Шпрее, а то и Альстера, сморщат по адресу моих бедных стихов свои более или менее горбатые

носики. Но с еще большим прискорбием я предвижу галдеж фарисеев национализма, которые разделяют антипатии правительства, пользуются любовью и уважением цензуры и задают тон в газетах, когда дело идет о нападении на иных врагов, являющихся одновременно врагами их высочайших повелителей. Наше сердце достаточно вооружено против негодования этих лакеев в черно-красно-золотых ливреях. Я уже слышу их пропитые голоса: «Ты оскорбляешь даже наши цвета, предатель отечества, французофил, ты хочешь отдать французам свободный Рейн!»

Успокойтесь! Я буду уважать и чтить ваши цвета, если они этого заслужат, если перестанут быть забавой холопов и бездельников. Водрузите черно-красно-золотое знамя на вершине немецкой мысли, сделайте его стягом свободного человечества, и я отдам за него кровь моего сердца.

Успокойтесь! Я люблю отечество не меньше, чем вы. Из-за этой любви я провел тринадцать лет в изгнании, но именно из-за этой любви возвращаюсь в изгнание, может быть, навсегда, без хныканья и кривых страдальческих гримас. Я французофил, я друг французов, как и всех людей, если они разумны и добры; я сам не настолько глуп или зол, чтобы желать моим немцам или французам, двум избранным великим народам, свернуть себе шею на благо Англии и России, к злорадному удовольствию всех юнкеров и попов земного шара. Успокойтесь! Я никогда не уступлю французам Рейна, уже по той простой причине, что Рейн принадлежит мне. Да, мне принадлежит он по неотъемлемому праву рождения, — я вольный сын свободного Рейна, но я еще свободнее, чем он; на его берегу стояла моя колыбель, и я отнюдь не считаю, что Рейн должен принадлежать кому-то другому, а не детям его берегов.

Эльзас и Лотарингию я не могу, конечно, присвоить Германии с такой же легкостью, как вы, ибо люди этих стран крепко держатся за Францию, благодаря законам равенства и тем свободам, которые так приятны бур-

жуазной душе, но для желудка масс оставляют желать многого. А между тем Эльзас и Лотарингия снова примкнут к Германии, когда мы закончим то, что начали французы, когда мы опередим их в действии, как опередили уже в области мысли, если мы взлетим до крайних выводов и разрушим рабство в его последнем убежище — на небе, когда бога, живущего на земле в человеке, мы спасем от его униженья, когда мы станем освободителями бога, когда бедному обездоленному народу, осмеянному гению и опозоренной красоте мы вернем их прежнее величие, как говорили и пели наши великие мастера и как хотим этого мы, — мы, молодые. Да, не только Эльзас и Лотарингия, но вся Франция станет нашей, вся Европа, весь мир, — весь мир будет немецким! О таком назначении и всемирном господстве Германии я часто мечтаю, бродя под дубами. Таков мой патриотизм.

В ближайшей книге я вернусь к этой теме с крайней решимостью, с полной беспощадностью, но, конечно, и с полной лояльностью. Я с уважением встречу самые резкие нападки, если они будут продиктованы искренним убеждением. Я терпеливо прощу и злейшую враждебность. Я отвечу даже глупости, если она будет честной. Но все мое молчаливое презрение я брошу беспринципному ничтожеству, которое из жалкой зависти или нечистоплотных личных интересов захочет опорочить в общественном мнении мое доброе имя, прикрывшись маской патриотизма, а то, чего доброго, религии или морали. Иные ловкачи так умело пользовались для этого анархическим состоянием нашей литературно-политической прессы, что я только диву давался. Поистине, Шуфтерле не умер, он еще жив и много лет уже стоит во главе прекрасно организованной банды литературных разбойников, которые обделывают свои делишки в божьих лесах нашей периодической прессы, сидят, притаившись за каждым кустом, за каждым листком, и повинуются малейшему свисту своего достойного атамана.

Еще одно слово. «Зимняя сказка» замыкает собою «Новые стихотворения», которые в данный момент

выходят в издательстве Гофмана и Кампе. Чтобы добиться выхода поэмы отдельной книгой, мой издатель должен был представить ее на особое рассмотрение властей предержавших, и новые варианты и пропуски являются плодом этой высочайшей критики.

Гамбург, 17 Сентября 1844 года

Генрих Гейне.



ПРОЩАНИЕ С ПАРИЖЕМ

Прощай, Париж, прощай, Париж,
Прекрасная столица,
Где все ликует и цветет,
Поет и веселится!

В моем немецком сердце боль,
Мне эта боль знакома.
Единственный врач исцелил бы меня —
И он на севере, дома.

Он знаменит умением своим,
Он лечит быстро и верно,
Но, признаюсь, от его микстур
Мне уж заранее скверно.

Прощай, чудесный французский народ,
Мои веселые братья!
Измученный глупой тоской, я бегу,
Но к вам возвращусь в объятья.

Я даже о запахе торфа теперь
Вздыхаю не без грусти,
О козочках в Люнебургской степи,
О репе, о капусте.

О грубости нашей, о табаке,
О пиве, пузатых бочках,
О толстых гофратах, ночных сторожах,
О розовых пасторских дочках.

И мысль увидеть старушку-мать,
Признаться, давно я лелею.
Ведь скоро уже тринадцать лет,
Как мы расстались с нею.

Прощай, моя радость, моя жена,
Тебе не понять эту муку.
Я так горячо обнимаю тебя
И сам тороплю разлуку.

Жестоко терзаясь, — от счастья с тобой,
От высшего счастья бегу я.
Мне воздух Германии нужно вдохнуть
Иль я погибну, тоскуя.

До боли доходит моя тоска,
Мой страх, мое волнение.
Предчувствуя близость немецкой земли,
Нога дрожит в нетерпении.

Но скоро, надеюсь, я стану здоров, —
Опять в Париж прибуду.
И к Новому году тебе привезу
Подарков целую груду.

1

То было мрачной порой ноября.
Хмурилось небо сурово.
Дул ветер. Холодным, дождливым днем
Вступал я в Германию снова.

И лишь границу я увидал,
Так сладостно и больно
Забилось сердце. И, что таить, —
Я прослезился невольно.

Но вот зазвучала немецкая речь.
Я слушал в странном волнении;

Казалось, кровью сердце мое
Исходит в блаженном томленье.

То девочка с арфой пела песнь,
И в голосе фальшивом
Звучало теплое чувство. Я был
Растроган грустным мотивом.

И пела она о муках любви,
О жертвах, о свиданьи
В том лучшем мире, где душе
Неведомо страданье.

И пела она о скорби земной,
О счастья быстротечном,
О светлом рае, где душа
Сияет в блаженстве вечном.

То старая песнь отречения была,
Легенда о радостях неба,
Которой баюкают глупый народ,
Чтоб не просил он хлеба.

Я знаю мелодию, знаю слова,
Я авторов знаю отлично;
Они тайком тянули вино,
Проповедуя воду публично.

Мы новую песнь, мы лучшую песнь
Теперь, друзья, начинаем;
Мы в небо землю превратим,
Земля нам будет раем.

При жизни счастье нам подавай!
Довольно слез и муки!
Отныне ленивое брюхо кормить
Не будут прилежные руки.

А хлеба хватит нам для всех —
Устроим пир на славу!

Есть розы, и мирты, любовь, красота
И сладкий горошек в приправу.

Да, сладкий горошек найдется для всех,
А неба нам не нужно, —
Пусть ангелы да воробьи
Владеют небом дружно!

Скончавшись, крылья мы обретем,
Тогда и взлетим в их селенья,
Чтоб самых блаженных пирожных вкусить
И пресвятого печенья.

Вот новая песнь, лучшая песнь!
Ликуя, поют миллионы!
Умолкнул погребальный звон,
Забыты надгробные стоны!

С прекрасной Европой помолвлен теперь
Свободы юный гений, —
Любовь призывает счастливых на пир,
На радостный пир наслаждений.

И если у них обошлось без попа —
Счастливей не может быть знака!
Привет невесте и жениху
И детям от светлого брака!

Венчальный гимн эта новая песнь,
Лучшая песнь поэта!
В моей душе восходит звезда
Высокого обета.

И сонмы созвездий пылают кругом,
Текут огневыми ручьями.
В волшебном приливе сил я могу
Дубы вырывать с корнями.

Живительный сок немецкой земли
Огнем напоил мои жилы.
Гигант, материнской коснувшись груди,
Исполнился новой силы.

2

Малютка все распевала песнь
О светлых горных странах.
Чиновники прусской таможни меж тем
Копались в моих чемоданах.

Обнюхали все, раскидали кругом
Белье, платки, манишки,
Ища драгоценности, кружева
И нелегальные книжки.

Глупцы, вам ничего не найти,
И труд ваш безнадежен!
Я контрабанду везу в голове,
Не опасаясь таможен.

Я там ношу кружева острот
Потоньше брюссельских кружев, —
Они исколют, изранят вас,
Свой острый блеск обнаружив.

В моей голове сокровища все,
Венцы грядущим победам,
Алмазы нового божества,
Чей образ высокий неведом.

И много книг в моей голове,
Поверьте слову поэта!
Как птицы в гнезде, там щебечут стихи,
Достойные запрета.

И в библиотеке сатаны
Нет более колких песен,
Сам Гофман фон Фаллерслебен для вас
Едва ли столь опасен.

Стоявший рядом пассажир
Заметил мне в поясненье:
Пред вами таможенный прусский союз,
Великое объединенье:

Таможенный союз — залог
Национальной жизни.
Он цельность и единство даст
Разрозненной отчизне.

Нас внешним единством свяжет он,
Как говорят, матерьяльным.
Цензура единством наш дух облечет
Поистине идеальным.

Мы станем отныне едины душой,
Едины мыслью и телом,
Германии нужно единство теперь
И в частностях и в целом».

3

В Аахене, в древнем соборе, лежит
Carolus Magnus — великий!
Не следует думать, что это Карл
Майер из швабской клики.

Я не хотел бы, как мертвый король,
Лежать в гробу холодном;
Уж лучше на Неккаре в Штуккертe жить
Поэтом, пускай негодным.

В Аахене даже у псов хандра —
Лежат, скуля беззвучно:
«Дай, чужеземец, нам пинка,
А то нам очень скучно!»

Я в этом убогом сонливом гнезде
Часок пошатался уныло
И, встретив прусских военных, нашел,
Что все осталось, как было.

Высокий красный воретник,
Плащ серый, все той же моды.

«Мы в красном видим французскую кровь», —
Пел Кернер в прежние годы:

Смертельно тупой, педантичный народ!
Прямой, как прежде, угол —
Во всех движениях. И подлая спесь
В недвижимом лице этих пугал.

Шагают — ни дать ни взять — манекен,
Муштра у них на славу!
Иль проглотили палку они,
Что их обучала уставу?

Да, фухтель не вывелся, он лишь стал
Их внутренним достояньем.
Сердечное «ты» старинного «он»
Осталось напоминаньем.

И, в сущности, ус, как потомок прямой,
Достойно наследовал косам!
Коса болталась на спине,
Теперь — висит под носом.

Зато кавалерии новый костюм
И впрямь придуман не худо:
Особенно шлем достоин похвал,
А шпик на шлеме — чудо!

Здесь ясно виден рыцарский дух,
Романтика — в каждой детали.
Как будто Иоганна де Монфокон
Иль Тик и Уланд предстали.

Как будто средневековый строй
Оруженосцев пред вами:
Сердца, как прежде, монарху верны,
Зады — расшиты гербами.

Как будто турниры припомнились вам.
Служенье даме, обеты.
Печати не знал этот набожный век,
И не были в моде газеты.

Да, да, сей шлем понравился мне.
Он — плод высочайшей заботы.
Его изюминка — острый шпигц!
Король — мастак на остроты!

Боюсь только, с этой романтикой — грех.
Ведь если появится тучка,
Новейшие молнии неба на вас
Притянет столь острая штучка.

Советую выбрать полегче убор
И на случай военной тревоги.
При бегстве средневековый шлем
Стеснителен в дороге!

На почте я знакомый герб
Увидел над фасадом
И в нем ненавистную птицу, чей глаз
Как будто брызжет ядом.

О гнусная тварь, попадешься ты мне,
Я рук не пожалею!
Выдеру когти и перья твои,
Сверну проклятой шею!

На шест высокий вздерну тебя
И праздник дам на прощанье!
Устрою для рейнских вольных стрелков
Веселое состязанье.

Венец и держава тому молодцу,
Что птицу сшибет стрелою.
Мы крикнем: «Да здравствует король!»
И туш сыграем герою,

4

Мы поздно вечером прибыли в Кельн.
Я Рейна услышал дыханье.
Немецкий воздух пахнул мне в лицо
И вмиг оказал влиянье

На мой аппетит. Я омлет с ветчиной
Вкусил благоговеино,
Но был он, к несчастью, пересолен, —
Пришлось заказать рейнвейна.

И ныне, как встарь, золотится рейнвейн
В зеленоватом стакане.
Но лишнегохватишь — ударит в нос,
И голова — в тумане.

Так сладко щекочет в носу! А душа
Растаять от счастья готова.
Меня потянуло в пустынную ночь
Бродить по городу снова.

Мне чудились в каменном взгляде домов
Невысказанные желанья
Поведать мне тайны забытых легенд,
Старинные преданья.

Сетями гнусными святош
Был старый Кельн опутан.
Здесь было царство темных людей,
Что высмеял Ульрих фон Гуттен.

Здесь церковь отплясывала канкан,
Свиристествуя беспредельно.
Доносы подлые строчил
Гохстраатен — Менцель Кельна.

Здесь пламя костра пожирало людей,
Губило их творенья
Под дикий звон колоколов,
Псалмы и песнопенья.

Злоба и глупость блудили тут,
Грызясь, как псы над костью.
От их приплода и теперь
Разит фанатической злостью.

Но вот он! В ярком сиянии луны
Неимоверной машиной —
Так дьявольски черен — торчит в небеса
Собор над водной равниной.

Бастилией духа он должен был стать;
Святейшим римским пролазам
Мечталось: «Мы в этой гигантской тюрьме
Сгноим немецкий разум».

Но громовое «Стой!» сказал
Им Лютер непреклонный,
И вот собор до наших дней
Стоит незавершенный.

Он не был достроен — и благо нам!
Ведь в этом себя проявила
Протестантизма великая мощь,
Германии новая сила.

Вы, жалкие плуты, Соборный союз,
Не вам — какая нелепость! —
Не вам воскресить безжизненный труп,
Достроить старую крепость.

О глупый бред! Бесполезно теперь,
Торгуя словесным елеем,
Выклянчивать грош у еретиков,
Ходить за подачкой к евреям.

Напрасно будет великий Франц Лист
Вам жертвовать сбор с выступлений!
Напрасно будет речами блистать
Король — доморощенный гений!

Не будет закончен Кельнский собор,
Хоть глупая швабская свора

Прислала корабль наилучших камней
На построенье собора.

Не будет закончен — на зло воронью
И совам той гнусной породы,
Которой мил церковный мрак
И башенные своды.

И даже такое время придет,
Когда, без особого спора,
Не кончив зданье, соорудят
Конюшню из собора.

«Но если собор под конюшню отдать,
С мощами будет горе.
Куда мы денем святых волхвов,
Лежащих в алтарном притворе?»

Пустое! Ну, время ль возиться теперь
С делами церковного клира!
Святым царям из восточной земли
Найдется другая квартира.

А впрочем, я дам превосходный совет:
Им лучшее место, поверьте,
Те клетки железные, что висят
На башне Sankt Lamberti.

А если один из троих пропал, —
Невелика утрата:
Повесьте подле восточных царей
Их западного собрата.

5

И к Рейнскому мосту придя, наконец,
В своем бесцельном блужданьи,
Я увидал, как старый Рейн
Струится в лунном сиянии:

«Привет тебе, мой старый Рейн!
Ну, как твое здоровье?
Я часто вспоминал тебя
С надеждой и любовью».

В ответ раздалось из темной воды
Как бы глухое ворчанье,
Сердитый старческий кашель, и вдруг
Я разобрал бормотанье:

«Здорово, мой мальчик, я очень рад,
Что вспомнил ты старого друга.
Тринадцать лет я тебя не видал,
Подчас приходилось мне туго.

Я в Бибрихе наглотался камней,
А это, знаешь, не шутка;
Но те стихи, что Беккер творит,
Еще тяжелей для желудка.

Он девственницей сделал меня,
Какой-то недотрогой,
Которая свой девичий венок
Хранит в непорочности строгой.

Когда я слышу глупую песнь,
Мне хочется вцепиться
В свою же бороду. Я готов
В себе самом утопиться.

Французам известно, что девственность я
Утратил волею рока,
Ведь им уж случалось меня орошать
Струями победного сока.

Глупейшая песня! Глупейший поэт!
Он клеветал без стеснения,
Скомпрометировал просто меня
С политической точки зренья.

Ведь если французы вернутся сюда,
Ну, что я теперь им отвечу!

А кто, как не я, молил небеса
Послать нам скорую встречу?

Я так привязан к французикам был,
Любил их милые штучки.
Они и теперь еще скачут, поют
И носят белые брючки?

Их видеть рад я всей душой,
Но я боюсь их насмешек:
Иной раз таким подденут стихом,
Что не раскусишь орешек.

Тотчас прибежит Альфред де Мюссе,
Задира желторотый,
И первый пробарабанит мне
Свои дрянные остроты».

И долго бедный старый Рейн
Мне жаловался глухо.
Как мог, я утешил его и сказал
Для ободренья духа:

«Не бойся, мой старый, добрый Рейн,
Не будут глумиться французы:
Они уж не те французы теперь —
У них другие рейтузы.

Рейтузы их не белы, а красны,
У них другие пряжки,
Они не скачут, не поют,
Задумчивы стали, бедняжки.

У них не сходят с языка
И Кант, и Фихте, и Гегель.
Пьют черное пиво, курят табак,
Нашлись и любители кегель.

Они филистеры, так же, как мы,
И даже худшей породы.

Они гентстенберговцы теперь,
Вольтерьянцы там вышли из моды.

Альфред де Мюссе, в этом ты прав,
И нынче мальчишка вздорный,
Но ты не робей: мы запрем на замок
Его язычок задорный.

Пускай протрещит он плохой каламбур, —
Мы штучку похуже устроим:
Прёвшем, что у прелестных дам
Бывало с нашим героем.

Так успокойся, мой добрый Рейн,
Не думай о всяком вздоре,
Ты песню получше услышишь теперь.
Прощай, мы свидимся вскоре».

6

Вслед Паганини бродил, как тень,
Свой *Spiritus familiaris*, —
То в образе пса, то в виде людском:
Покойника Джорджа Гаррис.

Бонапарту являлся огненный муж
Предвестником важных сражений.
Сократа демон посещал:
То не был плод измышлений.

Я сам, за письменным сидя столом,
Полуночной порою
Замечал, что замаскированный гость
Стоит за моей спиною.

Он что-то держал под черным плащом,
Но вдруг — на одно мгновение —
Сверкало, будто блеснул топор,
И вновь скрывалось виденье.

Он был приземист, широкоплеч,
Глаза — как звезды блестящи.
Писать он мне никогда не мешал,
Стоял в отдалении чаще.

Я много лет не встречался с ним,
Приходил он, казалось, бесцельно,
Но вдруг я снова увидел его
В полночь на улицах Кельна.

Мечтая, блуждал я в ночной тишине
И вдруг увидал за собою
Безмолвную тень. Я замедлил шаги
И стал. Он стоял за мною.

Стоял, как будто ждал он меня,
И вновь зашагал упорно,
Лишь только я двинулся. Так пришли
Мы к площади соборной.

Мне страшен был этот призрак немой!
Я молвил: «Открой хоть ныне,
Зачем преследуешь ты меня
В полуночной пустыне?

Зачем я всегда встречаю тебя
В часы вдохновенных видений,
Когда пронзают сердце и мозг
Мне молнии откровений?

О, кто ты, откуда? Зачем судьба
Нас так непонятно связала?
Что значит блеск под плащом твоим,
Подобный блеску кинжала?»

Ответ незнакомца был крайне сух
И даже флегматичен:
«Пожалуйста, не заклинай меня,
Твой тон чересчур патетичен.

Знай, я не призрак бывшего, не тень,
Покинувшая могилу.
Мне метафизика ваша чужда,
Риторика не под силу.

У меня практически трезвый уклад,
Я не болтаю без цели,
Но все, что ты замыслил в душе,
Я выполняю на деле.

И если мне даже годы нужны,
Я цель преследую смело, —
Твой замысел будет осуществлен!
Ты мыслишь, за мною — дело.

Да, ты судья, а я палач,
И я, как раб молчаливый,
Исполню каждый приговор твой,
Пускай несправедливый.

Пред консулом ликтор носил топор —
Таков обычай Рима;
Я ликтор твой, но я — за тобой
Ношу топор незримо.

Я ликтор твой; за тобою, как тень,
Я следую в скитаньи,
Неся тяжелый судебский топор:
Я — мысли твоей деянье».

7

Вернувшись домой, я разделся и вмиг
Уснул, как дитя в колыбели.
В немецкой постели так сладко спать,
Притом в пуховой постели.

Как часто мечтал я с глубокой тоской
О мягкой немецкой перине,
Вертясь на жестком тюфяке
В бессонную ночь на чужбине.

И спать хорошо, и мечтать хорошо
В немецкой пуховой постели,
Как будто сразу с немецкой души
Земные цепи слетели.

И, все презирая, летит она ввысь,
В просторы блаженных селений.
Как горды полеты немецкой души
В часы ночных сновидений!

Бледнеют боги, завидев ее.
В пути без малейших усилий
Она срывает сотни звезд
Ударом мощных крылий.

Французам и русским досталась земля,
Британец владеет морем,
А мы — воздушным царством грез,
Там наш престиж бесспорен.

Там гегемония нашей страны,
Единство немецкой стихии.
Как жалко ползают по земле
Все нации другие!

Я крепко заснул, и снилось мне,
Что снова блуждал я бесцельно
В холодном сиянии полной луны
По гулким улицам Кельна.

И всюду за мной скользил по пятам
Тот черный, непостижимый.
Я так устал, я был разбит!
Так бесконечно шли мы!

Мы шли без конца, и сердце мое
Раскрылось зияющей раной,
И капля за каплей алая кровь
Стекала на грудь непрестанно.

Я часто обмакивал пальцы в кровь
И часто, в смертельной истоме,
Своею кровью загадочный знак
Чертил на чем-нибудь доме.

И всякий раз, отмечая дом
Рукою окровавленной,
Я слышал, как жалобно плача, вдали
Колокольчик звенит похоронный.

Меж тем побледнела, нахмурясь, луна
На пасмурном небосклоне.
Неслись громады клубящихся туч,
Как дикие черные кони.

И всюду за мною скользил по пятам,
Скрывая сиянье стали,
Мой черный спутник. И долго мы с ним
Вдоль темных улиц блуждали.

Мы шли и шли, наконец, глазам
Открылись гигантские формы.
Зияла раскрытая настежь дверь,
И так проникли в собор мы.

В чудовищной бездне царила лишь смерть,
Лишь холод, и мгла, и молчанье, —
Непобедимый сгущало мрак
Светильников тусклых мерцанье.

Я долго под сводами храма бродил,
В притворах, окутанных тьмою,
И только слышал, как мерный шаг
Звучит неотступно за мною.

Но вот открылась в блеске свечей,
В убранстве благоговейном,
Вся в золоте и в драгоценных камнях
Капелла трех королей нам.

О чудо! Три святых короля,
Чей смертный сон так долог,
Теперь на саркофагах верхом
Сидели, откинув полог.

Роскошный и фантастичный убор
Одел гнилые суставы.
Прикрыты коронами черепа,
В иссохших руках — державы.

Как остовы кукол, тряслись костяки,
Покрытые древней пылью.
Сквозь благовонный фимиам
Разило смрадной гнилью.

Один из них тотчас задвигал ртом
И начал без промедленья
Выкладывать, почему от меня
Он требует уваженья.

Во-первых, потому, что он мертв,
Во-вторых, он монарх державный
И, в-третьих, он ведь святой. Но меня
Не тронул сей перечень славный.

И я ответил ему смеясь:
«Напрасны твои старанья.
Я вижу только, что ты отошел
Всецело в область преданья.

Прочь! Прочь отсюда! Глубоко в земле
Твои родовые наделы.
А жизнь возьмет для насущных нужд
Сокровища этой капеллы.

Веселая конница будущих лет
Займет помещенья собора.
Убирайтесь! Иль вас раздавят, как вшей,
А зданье очистят от сора!»

Я кончил и отвернулся от них.
И страшно блеснул из мрака
Немого спутника страшный топор, —
Он понял всё, без знака,

Приблизился и взмахнул топором
И, беспощадней грома,
Он ниспроверг и раздробил
Три мерзостных фантома.

И отгремел под сводом удар
Непередаваемым гулом,
Кровь хлынула из груди моей. . .
И утро дверь распахнуло.

8

От Кельна до Гагена стоит проезд
Пять талеров прусской монетой.
Я не попал в дилижанс, и пришлось
Тащиться почтовой каретой.

Сырое осеннее утро. Туман.
В грязи увязала карета.
Но жаром сладостным была
Вся кровь моя согрета.

О воздух отчизны! Он нужен душе,
Как солнце весеннее розам.
А грязь на дорогах! Она ведь была
Отечественным навозом!

Дружелюбно махали лошадки хвостом,
Как будто им с детства знаком я.
И были мне райских яблок милей
Помета их круглые комья.

Вот Мюльгейм, чистенький городок,
Чудесный нрав у народа!

Я проезжал здесь последний раз
Весной тридцать первого года.

Тогда природа была в цвету,
И весело солнце смеялось,
И птицы пели любовную песнь,
И людям сладко мечталось.

Все думали: «Тощее рыцарство нам
Покажет скоро затылок.
Мы им вослед презентуем вина
Из длинных железных бутылок.

И с пеньем и пляской свобода придет,
Неся трехцветное знамя,
И, может быть, генерал Бонапарт
Восстанет из мертвых пред нами».

О господи! Рыцари все еще здесь!
Иные из этих каналов
Пришли к нам сухими, как жердь, а у нас
Толщенное брюхо нажрали.

Поджарая сволочь, сулившая нам
Любовь, Надежду, Веру,
Успела багровый нос нагулять,
Рейнвейном упившись не в меру.

Свобода, в Париже ногу сломав,
О песнях и плясках забыла.
Не плещет на башнях трехцветный стяг,
Поникнув, тоскует уныло.

Император однажды встал из земли,
Но уже без огня былого.
Британские черви смирили его,
И слег он безропотно снова.

Я сам провожал катафалк золотой,
Я видел гроб золоченый,

Богини победы его несли
Под золотою короной.

Далёко вдоль Елисейских полей,
Под аркой Триумфальной,
В холодном тумане, по снежной грязи
Тянулся кортеж погребальный.

Фальшивая музыка резала слух.
Все музыканты дрожали
От стужи. Глядели орлы со знамен
В такой глубокой печали.

И взоры людей загорались тоской
Далеких воспоминаний.
Волшебный сон империи вновь
Сиял в холодном тумане.

Я плакал сам в тот скорбный день
Слезами горя немного,
Когда звучало: «Vive l'Empereur!»
Как страстный призыв бывшего.

9

Из Кельна в семь сорок пять утра
Я снова пустился в дорогу.
Мы в Гаген прибыли около трех.
Теперь — закусим немного!

Накрыли. Весь старонемецкий стол
Найдется здесь, вероятно.
Сердечный привет тебе, свежий салат,
Как пахнешь ты ароматно!

Каштаны с подливкой в капустных листах,
Я в детстве любил не вас ли?
Здорово, моя родная треска,
Как мудро ты плаваешь в масле!

Кто к чувству способен, тому всегда
Аромат его родины дорог.
Я очень люблю копченую сельдь
И яйца и жирный творог!

Как бойко плясала в жиру колбаса
А эти дрозды-милашки,
Амурчики в муссе хихикали мне,
Лукавые строг мордашки.

«Здорово, земляк! — щебетали они. —
Ты где же так долго носился?
Уж, верно, ты в чужой стороне
С чужою птицей водился!»

Стояла гусыня на столе,
Добродушно простая особа.
Быть может, она любила меня,
Когда мы были молоды оба.

Она, подмигнув значительно мне,
Так нежно, так грустно смотрела,
Она обладала красивой душой,
Но у ней было жесткое тело.

Наконец, принесли поросенка нам,
Он выглядел очень мило.
Доныне лавровым листом у нас
Венчают свиные рыла!

10

За Гагеном скоро настала ночь,
И вдруг холодком зловещим
В кишках потянуло. Увы, трактир
Лишь в Унне нам обещан.

Тут шустрая девочка поднесла
Мне пунша в дымящейся чашке.

Глаза были нежны, как лунный свет,
Как шелк — золотые кудряшки.

Лепечущий вестфальский акцент
Я впитывал с наслаждением.
Забытые образы вызвал пунш,
И я вспоминал с умилением

Вас, братья-вестфальцы! Как часто пивал
Я в Геттингене с вами!
Как часто кончали мы ночь под столом,
Прижавшись друг к другу сердцами!

Я так сердечно любил всегда
Чудесных, добрых вестфальцев!
Надежный, крепкий и верный народ,
Не врут, не скользят между пальцев.

А как на дуэли держались они,
С какою львиной отвагой!
Каким молодцом был каждый из них
С рапирой в руке иль со шпагой!

И выпить и драться они мастера,
А если протянут губы
Иль руку в знак дружбы, заплачут вдруг—
Сентиментальные дубы!

Награди тебя небо, добрый народ,
Твои посевы утроив!
Спаси от войны и от славы тебя,
От подвигов и героев.

Помогай господь твоим сыновьям
Сдавать успешно экзамен.
Пошли твоим дочкам добрых мужей
И деток хороших. Amen!

11

Вот он, наш Тевтобургский лес!
Как Тацит в годы оны,
Классическую вспомним топь,
Где Вар сгубил легионы.

Здесь Герман, славный херусский князь,
Насолил латинской собаке.
Немецкая нация в этом дерьме
Героем вышла из драки.

Когда бы Герман не вырвал в бою
Победу своим блондинам,
Немецкой свободе был бы капут,
И стал бы Рим господином.

Отечеству нашему были б тогда
Латинские нравы привиты.
Имел бы и Мюнхен весталок своих,
И швабы звались бы: кфириты.

Наш Гентстенберг, как гаруспекс,
Копался б в кишечнике бычьем.
Неандер стал бы, как истый авгур,
Следить за полетом птичьим.

Бирх-Пфейфер тянула бы скипидар,
Подобно римлянкам знатным, —
Говорят, что от этого запах мочи
У них был очень приятным.

Наш Раумер был бы уже не босяк,
Но подлинный римский босякус.
Без рифмы писал бы Фрейлиграт,
Как сам Horatius Flaccus.

Грубьян-попрошайка папаша Ян,
Он звался б теперь грубиянус.
Me Hercule! Масман знал бы латынь,
Наш Marcus Tullius Masmanus!

Друзья прогресса мощь свою
Пытали б на львах и шакалах
В песке арен, а не так, как теперь, —
На шавках в мелких журналах.

Не тридцать шесть владык, а один
Нерон давил бы нас игом,
И мы вскрывали бы вены себе,
Противясь рабским веригам.

А Шеллинг бы, Сенекой став, погиб,
Сраженный таким конфликтом.
Корнелиус наш услышал бы тогда:
«*Sacatum non est pictum*».

Слава господу! Герман выиграл бой,
И прогнаны чужеземцы,
Вар с легионами отбыл в рай,
А мы попрежнему немцы.

Немецкие нравы, немецкая речь, —
Другая у нас не пошла бы, —
Осел — осел, а не *asinus*,
А швабы — те же швабы.

Наш Раумер — тот же немецкий босяк,
Хоть дан ему орден, я слышал,
И пишет рифмами Фрейлиграт:
Из него Гораций не вышел.

В латыни Масман — ни в зуб толкнуть,
Бирх-Пфейфер пристрастна к драмам,
И ей не надобен скипидар,
Как римским галантным дамам.

О Герман! Благодарим тебя!
Прими поклон наш низкий!
Мы в Детмольде памятник ставим тебе,
Я участвую сам в подписке.

12

Трясется ночью в лесу по корням
Карета. Вдруг затрещало.
Сломалась ось, и мы стоим.
Удовольствия очень мало.

Почтарь слезает, спешит в село,
А я остаюсь в ожидании
В глухую полночь один в лесу.
Мне слышится завыванье.

То волки подняли дикий вой
Голодными голосами.
Их огненные глаза горят,
Как факелы, за кустами.

Узнали, видно, про мой приезд
И в честь мою всем собором
Иллюминировали лес
И распевают хором.

Приятная серенада! Я
Сегодня гвоздь представленья!
Я принял позу, отвесил поклон
И стал подбирать выраженья.

«Сотраждане волки! Я счастлив, что мог
Такой удостоиться чести:
Найти столь избранный круг и любовь
В столь неожиданном месте.

Мои ощущения в этот миг
Нельзя передать словами.
Клянусь, я не забуду вовек
Часов, проведенных с вами.

Я вашим доверием тронут до слез,
Благодарю за внимание.
Живое свидетельство дружбы своей
Вы дали мне в час испытанья.

Сограждане волки! Вы никогда
Не верили лживым писакам,
Которые нагло трезвонят, что я
Перебежал к собакам,

Что я отступник и принял пост
Советника в стаде бараньем.
Конечно, разбор такой клеветы
Мы заниматься не станем.

Овечья шкура, что я иногда
Надевал, чтоб согреться, на плечи,
Поверьте, не соблазнила меня
Сражаться за счастье овечье.

Я не советник, не овца,
Не пес, боящийся палки,
Я ваш! И волчий зуб у меня,
И сердце волчьей закалки!

Я тоже волк и буду всегда
По-волчьи выть с волками!
Доверьтесь мне и держитесь, друзья!
Тогда и господь будет с вами».

Без всякой подготовки я
Держал им эти речи.
Кольб, обкарнав слегка, пустил
Их во «Всеобщей газете».

13

Над Падерборном солнце в тот день
Взошло, сощураясь кисло.
И впрямь, освещение глупой земли —
Занятые, лишённое смысла.

Едва осветило с одной стороны,
К другой несется поспешно,

Тем временем та успела опять
Покрыться тьмой кромешной.

Сизифу камня не удержать,
А Данаиды напрасно
Льют воду в бочку. И мрак на земле
Рассеять солнце не властно.

Предутренный туман исчез,
И в дымке розовой
У самой дороги возник предо мной
Муж, на кресте распятый.

Мой скорбный родич, мне грустно до слез
Глядеть на тебя, бедняга!
Грехи людей ты хотел искупить —
Дурак! — для людского блага.

Плохую шутку сыграли с тобой
Влиятельные персоны.
Кой дьявол тянул тебя рассуждать
Про церковь и законы?

На горе твое, печатный станок
Еще известен не был.
Ты мог бы толстую книгу издать
О том, что относится к небу.

Там все, касающееся земли,
Подвергнул бы цензор изъятию, —
Цензура бы тебя спасла,
Не дав свершиться распятию.

Хоть пощадил бы уж попов
Ты в проповеди нагорной:
Умом обладал и талантом, а текст
Придумал самый вздорный!

Ростовщиков и торгашей
Из храма прогнал ты с позором,
И вот, мечтатель, висишь на кресте,
В острастку фантазерам!

14

Холодный ветер, голая степь,
Карета ползет толчками.
Но в сердце моем поет и звенит:
«О солнце, гневное пламя!»

Я слышал от няни этот напев,
Звучащий так скорбно и строго.
«О солнце, гневное пламя!» — он был,
Как зов лесного рога.

То песнь про убийцу, что в старину
В довольстве жил и в весельи, —
Его повешенным нашли
В лесу на старой ели.

Был смертный приговор ему
Прибит гвоздем под ветвями.
То мстители Фемы свершили суд.
«О солнце, гневное пламя!»

Да, гневное солнце следило за ним
И злыми его делами.
Предсмертный вопль Оттилии был:
«О солнце, гневное пламя!»

И образ покойной старушки встает
Предо мною при звуках старинных.
Я вижу бледное лицо
Все в тонких лучистых морщинах.

Из Мюнстера родом она была
И много задушевных,
Чудесных песен певала мне,
Историй о феях, царевнах.

Я помню, как принцессу жалел,
Что в голой степи блуждала
И волосы золотые свои
Тугим узлом заплетала.

Ее заставляли гусей пасти,
И часто вечерами,
Пригнав свое стадо, она у ворот
Тайком заливалась слезами.

Ах, над воротами прибит
Был череп лошадиный.
Здесь верный конь ее погиб,
Связав бедняжку с чужбиной.

Принцесса вздыхала в горькой тоске:
«О, Фаллада, зачем умерла ты?»
И череп ей кричал в ответ:
«О горе! зачем ушла ты?».

Принцесса вздыхала в горькой тоске:
«О, если б мать моя знала!»
И череп ей кричал в ответ:
«Она бы от горя увяла!»

Я слушал старушку, не смеядохнуть.
И тихо и серьезно
Она начинала старинную быль
О Ротбарте, кайзере грозном.

Она уверяла, что он не мертв,
Что это вздор ученый,
Что в недрах одной горы он живет
Со свитой вооруженной.

Гора — Кифгайзер, а в ней — дворец,
Роскошны его порталы,
Торжественным светом озарены
Тяжелосводные залы.

Конюшня — первый зал дворца.
Закованы в белые брони,
Несметной силой там стоят
Над яслями гордые кони.

Оседлан и взнуздан каждый конь,
Но медленно их дыханье,
Не ржет ни один и не роет земли,
Недвижны, как изваянье.

Вторая зала — на сене там
Лежат солдат легионы,
Суровый, бородатый народ,
Их лица непреклонны.

И каждый воин вооружен,
Но зал — немая могила.
Недвижны все. Застыли все,
Как будто их смерть усыпила.

И третий зал — серебро и булат,
Мечи и секиры. Из меди
Кольчуги и шлемы. И камнемет...
Сокровища франкских наследий.

А пушек хоть мало, достаточно все ж,
Чтоб быть трофеем прекрасным.
Огромное знамя расписано все
По золоту черным и красным.

В четвертом зале кайзер живет.
Проходят века чередою,
А он на каменном троне сидит,
О стол опираясь рукою.

И огненно-рыжая борода
Спадает наземь каскадом,
Порою, тяжелые веки подняв,
Он глянет разгневанным взглядом.

И спит он иль в думу ушел глубоко, —
Ответ затруднителен, право.
Но бодро встанет он в нужный час,
Когда потребует слава.

Взнесет рукой трехцветный стяг
И крикнет уснувшим героям:
«По кóням, по кóням!» — и встанут бойцы
Гремящим, сверкающим строем.

И каждый, как буря, взлетит на коня,
Конь прынет с веселым ржаньем, —
И всадники мчатся на пир боевой,
И трубы звучат ликованием.

И поскок их добр, и добр их удар,
Им битва не в труд, а в забаву.
А кайзер держит строгий суд,
Зовет убийц на расправу.

Убийц, погубивших невинный цветок,
Дитя с голубыми глазами —
Германию, деву в кудрях золотых.
«О солнце, гневное пламя!»

Кто в замке, спасая шкуру, сидел
И не высывал носа,
Того на праведный суд извлечет
Карающий Барбаросса!

Как сладостна песня, как нежен напев,
В душе сохраненный годами!
Мое суеверное сердце поет:
«О солнце, гневное пламя!»

15

Тончайшей пылью сеется дождь,
Острей ледяных иголок.
Лошадки печально машут хвостом, —
В поту и в грязи до чолок.

Рожок почтальона протяжно трубит.
В мозгу звучит поминутно:

«Три всадника рысью летят из ворот».
 На сердце стало так смутно.

Меня клонило ко сну. Я заснул.
 И мне привиделось ясно,
 Что я нахожусь в чудесной горе,
 Где Ротбарт царит полновластно.

Но он уж теперь не сидел за столом,
 Как идол, в позе привычной,
 И вовсе не так величаво смотрел,
 Как мы представляем обычно.

Он долго слонялся по залам со мной,
 Откинув спесь государей,
 И демонстрировал вещи свои,
 Как истинный антикварий.

Он в зале оружия мне объяснил
 Употребленье палиц.
 Отер мечи, их остроту
 Попробовал на палец.

Потом, отыскав павлиний хвост,
 Смахнул им пыль, что лежала
 На панцире, на шишаке,
 На уголке забрала.

И, знамя почистив, отметил вслух,
 С признаньем важности дела,
 Что в древке не завелся червь
 И шелка моль не проела.

Когда ж мы забрели в тот зал,
 Где грозным легионом
 Лежали воины, старик
 Сказал заботливым тоном:

«Здесь надо шопотом говорить,
 А то проснутся ребята.
 Как раз прошло столетье опять,
 И нынче им следует плата».

И кайзер тихо прошел по рядам,
И каждому солдату
Он осторожно, боясь разбудить,
Засунул в карман по дукату.

Потом тихонько шепнул, смеясь
Моему удивленному взгляду:
«По дукату за каждую сотню лет
Я положил им награду».

В том зале, где кони стоят вдоль стен
Недвижным, мощным рядом,
Старик взволнованно руки потер
С особенно радостным взглядом.

Он их немедля стал считать,
Похлопывая по ребрам.
Считал, считал и губами вдруг
Задвигал с видом недобрым:

«Опять нехватает, — промолвил он,
С досады чуть не плача: —
Людей и оружия довольно у нас,
А вот в конях — нестача.

Барышников я уже разослал
По свету, чтоб везде нам
Они покупали лучших коней,
По самым высоким ценам.

Составим полный комплект и — в бой!
Ударим так, чтоб с налета
Освободить мой немецкий народ,
Спасти отчизну от гнета».

Так молвил кайзер. И я закричал:
«За дело, старый рубака!»

Нехватит коней — найдутся ослы,
Когда заварится драка».

Но Ротбарт, смеясь, ответил: «Спешить
Не вижу нужды совсем я, —
Не за день выстроили Рим,
Для дела надобно время.

Кто нынче не явится, завтра придет.
А в бой пока еще рано,
Ведь в Римской империи говорят:
Chi va piano, va sano!»

16

Внезапный толчок пробудил меня,
Но вновь, охвачен дремой,
Я к кайзеру Ротбарту был унесен
В Кифгайзер давно знакомый.

Опять, беседуя, мы шли
Сквозь гулкие анфилады.
Старик расспрашивал меня,
Разузнавал мои взгляды.

Уж много лет он не имел
Вестей из мира людского,
Почти со времен Семилетней войны
Не слышал живого слова.

Он спрашивал: как Моисей Мендельсон?
И Каршин? Не без интереса
Спросил, как живет госпожа Дюбарри,
Блистательная метресса.

«О кайзер, — вскричал я. — Как ты отстал!
Моисея давно схоронили.
И его Ревекка и сын Авраам
Скончались, и кости их сгнили.

Вот Феликс, Авраама и Лии сыночек,
Тот жив, — это парень проворный!
Крестился и, знаешь, пошел далеко:
Он — капельмейстер придворный!

И старая Каршин давно умерла,
И дочь ее Кленке в могиле,
Гельмина Чези, внучка ее,
Жива, как мне говорили.

Дюбарри, та каталась, как в масле сыр,
Пока обожатель был в чине —
Людовик Пятнадцатый, а умерла
Старухой на гильотине.

Людовик Пятнадцатый с миром почил,
Как следует властелину.
Шестнадцатый с Антуанеттой своей
Был послан на гильотину...

Королева хранила тон до конца,
Держалась, как на картине.
А Дюбарри начала рыдать,
Едва подошла к гильотине».

Внезапно кайзер как вкопанный стал
И спросил с перепуганной миной:
«Мой друг, объясни, ради всех святых,
Что делают гильотиной?»

«А это, — ответил я, — способ нашли
Возможно проще и чище
Различного званья ненужных людей
Переселять на кладбище.

Работа простая, но надо владеть
Одной интересной машиной.
Ее изобрел господин Гильотен, —
Зовут ее гильотиной.

Ты будешь пристегнут к большой доске,
Задвинут между брусками,
Вверху треугольный топорик висит,
Подвязанный шнурками.

Потянут шнур — и топорик вниз
Летит стрелой без заминки.
Через секунду твоя голова
Лежит отдельно в корзинке».

И кайзер вдруг закричал: «Не смей
Расписывать тут гильотину!
Нашел забаву! Не дай мне господь
И видеть такую машину!

Какой позор! Привязать к доске
Короля с королевой! Да это
Прямая пощечина королю.
Где правила этикета?

И ты-то откуда взялся, нахал?
Придется одернуть невежу!
Со мной, голубчик, поберегись,
Не то я крылья обрежу!

От злости желчь у меня разлилась,
Принес же чорт пустозвона!
И самый смех твой — измена венцу
И оскорбление трона!»

Старик мой о всяком приличьи забыл,
Как видно, дойдя до предела.
Я тоже вспылil и выложил все,
Что в сердце накопило.

«Герр Ротбарт! — крикнул я. — Жалкий миф!
Сиди в своей старой яме!
А мы без тебя уж, своим умом
Сумеем управиться сами!

Республиканцы высмеют нас,
Отбреют почище бритвы!
И верно: дурацкая небыль в венце —
Хорош полководец для битвы!

А к черному с красным и золотым,
К твоему трехцветному стягу
Старогерманский сброд у меня
Отшиб еще в буршестве тягу.

Сиди же лучше в своей дыре.
Твоя забота — Кифгайзер.
А мы... если трезво на вещи смотреть:
На кой нам дьявол кайзер?»

17

Да, крепко поспорил с кайзером я, —
Во сне лишь, во сне, конечно!
С царями рискованно наяву
Беседовать чистосердечно.

Лишь в мире своих идеальных грез,
В несбыточном сновиденьи
Им немец может сердце открыть,
Немецкое высказать мнение.

Я пробудился и сел. Кругом
Бежали деревья бора,
Его сырая голая явь
Меня протрезвила скоро.

Сердито качались вершины дубов.
Глядели еще суровой
Березы в лицо мне. И я вскричал:
«Прости меня, кайзер, на слове!

Прости мне, о Ротбарт, горячность мою,
Я знаю: ты умный, ты мудрый,
А я необузданный, глупый драчун.
Приди, король рыжекудрый!

Не нравится гильотина тебе, —
Дай волю прежним законам:
Веревку — мужичью и купцам,
А меч — князьям да баронам.

Лишь иногда меняй прием
И вешай знать без зазренья,
А прочим отрубай башку —
Ведь все мы божьи творенья.

Восстанови уголовный суд,
Введенный Карлом с успехом,
Распредели опять народ
По сословиям, гильдиям, цехам.

Священной империи римской верни
Былую жизнь, если надо,
Верни нам самую смрадную гниль,
Всю рухлядь маскарада.

Верни все прелести средних веков,
Которые миром забыты,
Я все стерплю, пускай лишь уйдут
Проклятые гермафродиты, —

Это штиблетное рыцарство,
Мешанина с нелепой прикрасой, —
Готический бред и новейшая ложь,
А вместе — ни рыба ни мясо.

Ударь по театральным шутам!
Прихлопни балаганы,
Где пародируют старину!
Приди, король долгожданный!»

18

Минден — грозная крепость. Он
Вооружен до предела.
Но с прусскими крепостями я
Неохотно имею дело.

Мы прибыли в сумерки. По мосту
Карета гремя прокатила.
Зловеще стонали бревна под ней.
Зияли рвы, как могила.

Огромные башни с вышины
Грозили мне сурово.
Ворота с визгом поднялись
И с визгом обрушились снова.

Ах, сердце дрогнуло мое!
Так сердце Одиссея,
Когда завалил пещеру циклоп,
Дрожало холодея.

Капрал, подойдя, учинил нам опрос:
Как звать и кто мы чином?
«Я — врач глазной, зовусь Никто,
Снимаю бельмо исполина».

В гостинице стало мне дурно совсем,
Еда комком застревала.
Я лег в постель, но сон бежал,
Давили грудь одеяла.

Над широкой пуховой постелью с боков —
По красной камчатной гардине,
Поблекший золотой балдахин
И грязная кисть посередине.

Проклятая кисть! Она мне всю ночь,
Всю ночь не давала покою,
Она дамокловым мечом
Висела надо мною,

И вдруг, змеей оборотясь,
Шипела, сползая со свода:
«Ты в крепость заточен навек,
Отсюда нет исхода!»

«О если б снова дома быть, —
Цепenea, шептал я с тоскою, —
В Париже, в Faubourg Poissonnière,
С возлюбленной женою».

Порою кто-то по лбу моему
Проводил рукою железной,
Как будто цензор вычеркивал мысль,
И мысль обрывалась в бездну.

Жандармы в саванах гробовых,
Как призраки у постели,
Теснились белой страшной толпой,
И где-то цепи гремели.

И призраки повлекли меня
В провал глухими тропами,
И вдруг я к черной отвесной скале
Прикован был цепями.

«Ты здесь, проклятая грязная кисть!»
Я чувствовал, гаснет мой разум.
Когтистый коршун кружил надо мной,
Грозя мне скошенным глазом.

Он дьявольски схож был с прусским орлом,
Он в грудь мне впивался когтями,
Он хищным клювом печень рвал, —
Я стонал, обливался слезами.

Я долго стонал, но крикнул петух —
И бред ночной испарился.
Я в Миндене, в потной постели лежал,
И коршун в кисть превратился.

Я с экстренной почтой выехал прочь
И с легким чувством свободы
Вздыхнул на Бюкебургской земле,
На вольном лоне природы.

19

Ты глубоко заблуждался, Дантон,
И заплатил головою!
И на подошвах отчий край
Мы можем взять с собою!

Клянусь, полкняжества Бюкебург
Мне облепило ноги.
Во весь мой век я не видал
Такой проклятой дороги.

Я в Бюкебурге на улице слез,
Чтоб осмотреть мимоходом
Гнездо, где свет узрел мой дед;
Моя бабка — из Гамбурга родом.

В Ганновер я прибыл в обед и, велел
Штиблеты начистить до блеска,
Пошел осматривать город. Люблю,
Чтоб пользу давала поездка.

О господи, как прилизано все!
Ни мусора, ни пыли!
И богатейшие зданья везде
В весьма импозантном стиле.

Особенно площадь понравилась мне —
Ведь что ни дом, то диво!
Живет здесь король, стоит здесь дворец,
Он выглядит очень красиво

(Дворец, конечно!). У входа в портал
Стоит караул парадный:

Мундиры — красные, ружья — к ноге,
Вид грозный и кровожадный.

Мой чичероне сказал: «Здесь живет
Эрнст-Август анахоретом.
Знатнейший торий, британский лорд.
Он стар, но бодр не по летам.

Он идиллически здесь живет,
Ибо лучше драбантов железных
Его охраняет трусливый нрав
Сограждан его любезных.

Я с ним встречаюсь. На скучный сан
Изливает он сотни жалоб.
Говорит, что ему на посту короля
Не в Ганновере быть надлежало б.

Привыкнув к английским масштабам, он
У нас изнывает от скуки.
Ему досаждают сплин. Боюсь,
На себя наложит он руки.

Я как-то его у камина застал, —
Печальный, в полумраке,
Августейшей рукой он готовил клистир
Своей занемогшей собаке».

20

Из Гарбурга меньше чем через час
Я выехал в Гамбург. Смеркалось.
В мерцаньи звезд был тихий привет,
А в воздухе — томная вялость.

Мне дома открыла двери мать,
Испуганно взглянула,
И вдруг, от счастья просияв,
Руками громко всплеснула.

«Сыночек мой! Тринадцать лет
Я без тебя скучала.
Ты, верно, страшно хочешь есть,
Что тебе дать сначала?»

Быть может, рыбу и гуся,
А после апельсины?» —
«Давай и рыбу и гуся,
А после апельсины!»

Я стал уплетать с аппетитом, а мать
Суежилась с улыбкой счастливой,
Задавала один вопрос за другим,
Иной — весьма щекотливый.

«Сыночек, кто же за тобой
Ходил все эти годы?
Твоя жена умеет шить,
Варить, вести расходы?»

«Прекрасная рыба, матушка, но
Нельзя говорить за едою:
Подавишься костью, того и гляди, —
Побеседуем после с тобою».

Как только прикончил я рыбу мою,
И гусь подоспел с подливой,
Мать снова спрашивать стала, и вновь
Вопрос был весьма щекотливый.

«Сынок, в какой стране житье
Всех лучше? При сравнении
Какому народу — французам иль нам —
Отдашь ты предпочтенье?»

«Вот видишь ли, мама, немецкий гусь
Хорош; рассуждая строго,
Французы нас только в начинке забьют,
И соус их лучше нашего».

Откланялся вскоре и гусь, и тогда,
Свои предлагая услуги,
Явились ко мне апельсины. Я съел
Десяток без всякой натуги.

Тут снова с большим благодушьем меня
Расспрашивать стала старушка,
Иной вопрос был так хитер —
Ни дать ни взять, ловушка.

«Ну, а политикой, сынок,
Ты занят с прежним рвением?
В какой ты партии теперь?
Ты тот же по убеждениям?»

«Ах, матушка, апельсины все
Прекрасны, без оговорок.
Я с наслаждением пью их сок
И оставляю корки».

21

Полусгоревший город наш
Отстраивают ныне.
Как недостриженный пудель, стоит
Мой Гамбург в тяжком сплине.

Не стало многих улиц в нем.
Напрасно их ищу я.
Где дом, в котором я познал
Запретный плод поцелуя?

Где та печатня, куда я сдавал
«Картины путевые»?
А тот приветливый погребок,
Где устриц вкусил я впервые?

А где же Дрекваль, мой Дрекваль где?
Исчез, и следы его стерты.

Где павильон, в котором я
Едал несравненные торты?

И где же ратуша, сенат —
Тупого мещанства твердыни?
Погибли! Напрасно надеялись все,
Что пламя не тронет святыни.

С тех пор продолжают люди стонать,
И с горечью во взоре
Передают про грозный пожар
Десятки страшных историй.

«Горело сразу со всех сторон,
Все скрылось в черном дыме.
Колокольни с грохотом рушились в прах,
И пламя вставало над ними.

И старой биржи больше нет,
А там, как всем известно,
Веками работали наши отцы
Насколько можно честно.

Душа золотая города — банк,
И книги, куда внесли мы
Стоимость каждого из горожан,
Хвала творцу, невредимы.

Для нас собирали деньги везде,
И в отдаленнейших зонах.
Прекрасное дело! Чистый барыш
Исчислен в восьми миллионах.

Все набожные христиане взялись
За дело помощи правой.
Неведомо было левой руке,
Сколь много берется правой.

К нам отовсюду деньги шли —
По землям и по водам;
Мы принимали всякий дар, —
Нельзя же швыряться доходом.

Постели, одежды сыпались нам,
И мясо, и хлеб, и бульоны,
А прусский король захотел даже вдруг
Прислать свои батальоны.

Ущерб материальный покрыть удалось,
Мы раны вскоре залечим.
Но наш испуг, наш смертельный испуг!
Увы, оплатить его нечем!»

«Друзья, — сказал ободрительно я, —
Стонать и хныкать не дело.
Ведь Троя город была поважней,
Однако тоже сгорела.

Отстройте снова свои дома,
Утрите нос и губы.
Заведите получше законы себе,
Покрепче пожарные трубы.

Не сыпьте в ваш черепаховый суп
Так много кайенского перца,
Не ешьте ваших карпов, их жир
Весьма нездоров для сердца.

Индеек вам не повредят,
Но вас околпачит быстро
Та птица, что снесла яйцо
В парик самого бургомистра.

Сия фатальная птица, друзья,
Знакома вам, вероятно.
При мысли о ней вся пицца идет
У меня из желудка обратно».

22

Заметней чем город трягнуло людей.
Нет более грустной картины!
Все одряхлели и подались, —
Ходячие руины!

Кто тощим был — отощал совсем,
А жирный — заплыл, как боров.
Состарились дети. У стариков
Явился детский нор.

Кто был теленком, тот теперь
Гуляет быком здоровенным.
Гусенок гордые перья надел
И сделался гусем отменным.

Старуха Гудель сошла с ума:
Накрашена пуще сирены,
Достала кудри чернее смолы
И зубы белее пены.

Лишь продавец бумаги, мой друг,
Не пал под гнетом событий.
Его волоса — золотое руно:
Живой Иоанн Креститель.

N.N. промчался мимо меня.
Казалось, он сильно взволнован.
Говорят, его погоревший ум
У Бибера был застрахован.

И старый цензор встретился мне,
Я был удивлен немало:
Он сильно сгорбился, одряхлел,
Судьба и его потрепала.

Мы долго друг другу руки трясли,
Старик прослезился мгновенно:
Ах, как он счастлив видеть меня!
Была превосходная сцена.

Не всех застал я. Кое-кто
Простился с юдолью землею.
Ах, даже Гумпелино мой
Не встретился больше со мною.

С души великой, наконец,
Земные ниспали оковы,
И светлым ангелом он воспарил
К престолу Иеговы.

Кривого Адониса я не нашел,
Хотя искал повсюду, —
На гамбургских улицах он продавал
Ночные горшки и посуду.

В рассказы о Мейере надо внести,
Вероятно, большую поправку:
Взаправду ль умер он? Я забыл
Навести у Кёрнета справку.

Саррас, несравненный пудель, издох.
А я охотно верю,
Что Кампе отдал бы целый мешок
Поэтов за эту потерю.

Население Гамбурга с давних времен —
Евреи и христиане.
У них имеется общая страсть —
Придерживать грош в кармане.

Христиане весьма достойный народ,
Обедают жирно и с проком,
И быстро платят по векселям
Перед самым последним сроком.

Евреи бывают двух родов
И чтут по-разному бога.
Для новых имеется новый храм,
Для старых, как встарь, — синагога.

Новые даже свинину едят
И все оппозиционеры.
Они демократы, а старики —
Аристократы сверх меры.

Я старых люблю, я новых люблю,
Но, милосердный боже!
Популярная рыбка — копченый шпрот —
Мне несравненно дороже.

23

Как республика Гамбург спорить не мог
С Венецией в прежние годы,
Но в Гамбурге погреб Лоренца есть,
Где устрицы — высшей породы.

Мы с Кампе отправились в сей погребок,
Желая в уюте семейном
Часок-другой почесать языки
За устрицами и рейнвейном.

Нас ждало приятное общество там.
Меня заключили в объятия
Мой старый товарищ, добрый Шофпье,
И многие новые братья.

Там был и Вилле. Его лицо —
Альбом: на щеках бедняги
Академические враги
Расписались ударами шпаги.

Там был и Фукс, язычник слепой
И личный враг Иговы,
Он верит лишь в Гегеля и заодно
Еще в Венеру Кановы.

Мой Кампе в полном блаженстве был,
Попав в амфитрионы.

Душевым миром сиял его взор,
Как лик просветленный мадонны.

С большим аппетитом я устриц глотал,
Рейнвейном пользуясь часто,
И думал: «Кампе большой человек,
Он — светоч издательской касты!

С другим издателем я бы ходил
Оборванный и голодный,
А этот мне даже подносит вино, —
Поступок весьма благородный!

Хвала творцу! Он бrenную жизнь
Виноградной украсил лозою,
И Юлиус Кампе в издатели мне
Дарован его рукою.

Хвала творцу и силе его
Вовеки, присно и ныне.
Он создал для нас рейнвейн на земле
И устриц в морской пучине!

Он создал лимоны, чтоб устриц мы
Кропили лимонным соком.
Блюди мой желудок, отец, в эту ночь
Чтоб он не выиграл ненароком!»

Рейнвейн размягчает душу мою,
Сердечный разлад умиряя,
И будит потребность в братской любви,
В утехах любовного рая.

И гонит меня из комнат блуждать
По улицам опустелым.
И душу тянет к иной душе
И к платьям таинственно белым.

И таешь от неги и страстной тоски
Во власти сладкого плена.

Для нас — все кошки серы тогда
И каждая баба — Елена.

Едва на Дрейбан я свернул,
Взошла луна горделиво,
И я величавую деву узрел,
Высокогрудое диво.

Лицом кругла, и кровь с молоком,
Глаза — сапфиры из басен!
Как розы щеки, как вишня рот,
А нос подозрительно красен.

На голове полотняный колпак,
Узорчатой вязью украшен.
Он возвышался подобно стене,
Увенчанной тысячью башен.

Льняная туника вплоть до икр,
А икры — горные склоны;
Ноги, несущие мощный круп, —
Дорийские колонны.

В манерах крайняя простота,
Изящество светской свободы.
Сверхчеловеческий зад обличал
Созданье высшей породы.

Она подошла и сказала мне:
«Привет на Эльбе поэту!
Ты все такой же, хоть много лет
Блуждал по белому свету.

Ты ищешь прекрасные души здесь,
Мечтателей, что с тобою
Любили по этим чудесным местам
Бродить полночной порою?

Их гидра стоголавая, жизнь, унесла,
Пожрав веселое племя.

Тебе не найти ни старых подруг,
Ни доброе старое время.

Тебе не найти ароматных цветов,
Что сердце обожествляло,
Они цвели, но увяли они,
И буря их листья умчала.

Увяли, осыпались, отцвели,
Судьба растоптала их властно.
Мой друг, таков удел на земле
Всего, что светло и прекрасно».

«Но кто ты?—вскричал я. —
Не прошлого ль тень,
Одетая плотью живую?
Откуда ты, странный, дивный колосс?
Позволь пойти с тобою!»

И женщина молвила, тихо смеясь:
«Поверь, ты сгущаешь краски.
Я девушка с нравственной, тонкой душой,
Совсем иной закваски.

Я не лоретка парижская, нет!
К тебе лишь сошла я открыто.
Богиня Гаммония пред тобой —
Гамбурга меч и защита!

Но ты испуган, ты поражен,
Воитель в лице поэта.
Идем же, иль ты боишься меня?
Уж близок час рассвета».

И я воскликнул, развеселясь:
«Ты шутишь, моя красотка!
Ступай вперед! А я за тобой,—
Хотя бы чорту в глотку!»

24

Не знаю, как я по лестнице шел
В таком состоянии духа.
Как видно, дело не обошлось
Без помощи доброго духа.

В мансарде Гаммонии время неслоь,
Бежали часы чередою.
Богиня была бесконечно мила
И крайне любезна со мною.

«Когда-то, — сказала она, — для меня
Был самым любимым в мире
Певец, который Мессию воспел
На непорочной лире.

Но Клоштока бьют на комодке теперь,
Он получил отставку.
Давно уж сделала я из него
Для чепчиков подставку.

Теперь уголок над кроватью моей
Украшен твоим портретом,
И видишь, свежий лавровый венок
Висит над любимым поэтом.

Ты должен только ради меня
Исправить свои манеры.
В былые дни моих сынов
Ты оскорблял без меры.

Надеюсь, ты бросил свое озорство,
Стал вежливей немного,
Быть может, даже к дуракам
Относишься менее строго.

Но как дошел ты до мысли такой:
По этой ненастной погоде
Тащиться в северные края?
Зимой запахло в природе!»

«Моя богиня, — ответил я, —
В глубинах сердца людского
Спят разные мысли; и часто они
Встают из тьмы без зова.

Казалось, все шло у меня хорошо,
Но сердце не знало жизни,
В нем глухо день ото дня росла
Тоска по далекой отчизне.

Отрадный воздух французской земли
Мне стал тяжел и душен.
Хоть на мгновенье стесненной груди
Был ветер Германии нужен.

Мне трубок немецких грезился дым
И запах торфа и пива,
В предчувствии почвы немецкой нога
Дрожала нетерпеливо.

И ночью вздыхал я в глубокой тоске,
И снова желанье томило
Зайти на Даммтор к старушке моей,
Увидеться с Лотхен милой.

Мне грезился старый седой господин;
Всегда, отчитав сурово,
Он сам же потом защищал меня,
И слезы глотал я снова.

Услышать его добродушную брань
Мечтал я в глубокой печали.
«Дурной мальчишка!» — эти слова
Как музыка в сердце звучали.

Мне грезился голубой дымок
Над трубами домиков чинных,
И нижнесаксонские соловьи,
И тихие липы в долинах,

И памятные для сердца места —
Свидетели прошлых страданий, —

Где я влачил непосильный крест
И тернии юности ранней.

Хотелось поплакать мне там, где я
Горчайшими плакал слезами.
Не эта ль смешная тоска названа
Любовью к родине нами?

Ведь это только болезнь. И о ней
Я людям болтать не стану.
С невольным стыдом я скрываю всегда
От публики эту рану.

Одни негодяи, чтоб вызывать
В сердцах умиления порывы,
Стараются выставить напоказ
Патриотизма нарывы.

Бесстыдные нищие, кланчат везде
Подачку — на грош хотя бы!
Популярность! Вот высшее счастье
для них!
Вот Менцель и все его швабы!

Богиня, сегодня я нездоров,
Настроен сентиментально,
Но я слегка послежу за собой,
И это пройдет моментально.

Да, я нездоров, но ты бы могла
Настроить меня по-иному.
Согрей мне хорошего чаю стакан
И влей для крепости рому».

25

Богиня мне приготовила чай
И рому подмешала.
Сама она лишь ром пила,
А чай не признавала.

Она оперлась о мое плечо
Своим головным убором
(Последний при этом помялся слегка)
И молвила с нежным укором:

«Как часто с ужасом думала я,
Что ты один, без надзора,
Среди фривольных французов живешь —
Любителей всякого вздора.

Ты видишься с кем попало, идешь,
Куда б ни позвал приятель.
Хоть бы при этом следил за тобой
Хороший немецкий издатель!

Там столько соблазна от разных сильфид.
Они прелестны и притки,—
Но легко и здоровье и внутренний мир
Потерять от такой сильфидки.

Не уезжай, останься у нас,
Здесь чистые, строгие нравы,
И в нашей среде благочинно цветут
Цветы невинной забавы.

Тебе понравится нынче у нас,
Хоть ты известный повеса,
Мы развиваемся, — ты сам
Найдешь следы прогресса.

Цензура смягчилась. Гофман стар,
В предчувствии близкой кончины
Не станет он так беспощадно кромсать
Твои «Путевые картины».

Ты сам и старше и мягче стал,
Ты многое понял на свете.
Быть может, и прошлое наше теперь
Увидишь в лучшем свете.

Ведь слухи об ужасах прошлых дней
В Германии — ложь и витийство.
От рабства, тому свидетель Рим,
Спасает самоубийство.

Свобода мысли была для всех,
Не только для высшей знати,
Ведь ограничен был лишь тот,
Кто выступал в печати.

У нас никогда не царил произвол, —
Опасного демагога
Лишить кокарды мог только суд,
Судивший честно и строго.

И, право, немцам не плохо жилось,
Хоть времена были круты.
Поверь, в немецкой тюрьме человек
Не голодал ни минуты.

Как часто в прошлом видели мы
Прекрасные проявления
Высокой веры, покорности душ.
А ныне — неверье, сомнение.

Практической трезвостью внешних свобод
Мы идеал погубили,
Всегда согревавший наши сердца,
Невинный, как грезы лилий.

И наша поэзия гаснет; она
Вступила в пору заката.
С другими царями скоро умрет
И черный царь Фрейлиграта.

Наследник будет есть и пить,
Но коротки милые сказки,
Уже готовится новый спектакль,
Идиллия у развязки!

О, если б умел ты молчать, я бы здесь
Раскрыла пред тобою
Все тайны мира,— путь времен,
Начертанный судьбою.

Ты жребии смертных мог бы узреть,
Узнать, что всесильною властью
Назначил Германии в будущем рок,—
Но, ах, ты болтлив, к несчастью!»

«Ты сулишь величайшую радость мне,
Богиня! — вскричал я ликуя.—
Покажи мне Германию будущих дней,
Я мужчина, и тайны храню я!

Я клятвой Любою поклясться готов,
Известной земле или небу,
Хранить как святыню тайну твою,
Диктуй же клятву, требуй!»

И строго богиня ответила мне:
«Ты должен поклясться тем самым,
Чем встарь клялся Элиазар,
Прощаясь с Авраамом.

Подними мне подол и руку свою
Положи мне на чресла, под платье,
И дай мне клятву скромным быть
И в слове и в печати».

Торжественный миг! Я оваян был
Минувших столетий дыханьем,
Клянясь ей клятвою отцов,
Завещанной древним преданьем.

Я чресла богини обнял рукой
Подняв над ними платье,
И дал ей клятву скромным быть
И в слове и в печати.

26

Богиня раскраснелась так,
Как будто ей в корону
Ударил ром. Я с улыбкой внимал
Ее печальному тону.

«Я старюсь. Тот день, когда Гамбург
возник,
Был днем моего рожденья.
В ту пору царица трески, моя мать,
До Эльбы простерла владенья.

Carolus Magnus — мой славный отец —
Давно похищен могилой.
Он даже Фридриха прусского мог
Затмить умом и силой.

В Аахене — стул, на котором он был
Торжественно коронован,
А стул, служивший ему по ночам,
Был матери, к счастью, дарован.

От матери стал он моим. Хоть на вид
Он привлекателен мало,
На все состоянье Ротшильда я
Мой стул бы не променяла.

Вот там он, видишь, стоит в углу, —
Он очень стар и беден,
Подушка сиденья изодрана вся,
И молю верх изъеден.

Но подойди к нему, сними
Подушку — и в сиденье
Увидишь круглую дыру,
Под нею сосуд в углублении.

То древний сосуд магических сил,
Кипящих вечным раздором,

И если ты голову сунешь в дыру,
Предстанет грядущее взорам.

Грядущее родины бродит там,
Как волны смутных фантазмов,
Но не пугайся, если в нос
Ударит вонью миазмов».

Она окончила, странно смеясь,
Но я, не смутясь душою,
Ринулся жадно к страшной дыре
И влез в нее головою.

Что я увидел — не скажу,
Я дал ведь клятву все же!
Мне лишь позволили говорить
О запахе — но, боже!

Меня и теперь воротит всего
При мысли о смраде проклятом,
Который лишь прологом был,—
Смесь юфти с тухлым салатом.

И вдруг! О, что за дух пошел!
Как будто в сток вонючий
Из тридцати шести клоак
Навоз валили кучей.

Мерзавцы, сгнившие давно,
Смердя историческим смрадом,
Полунегодяи, полумертвецы,
Сочились последним ядом.

И даже святого пугала труп,
Как призрак, встал из гроба.
Налитая кровью народов и стран,
Раздулась гнилая утроба.

Чумным дыханьем весь мир отравить
Еще раз оно захотело,

И черви густою жижей ползли
Из почерневшего тела.

И каждый червь был новый вампир
И гнусно смердел, издыхая,
Когда в него целительный кол
Вонзала рука роковая.

Зловонье крови, вина, табака,
Веревкой кончивших гадин,—
Такой аромат испускает труп
Того, кто при жизни был смраден.

Зловонье пуделей, мопсов, хорьков,
Лизавших плевки господина,
Околевавших за трон и алтарь
Благочестиво и чинно.

То был живодерни убийственный смрад,
Удушье гнили и мора;
Средь падали издыхала там
Светил исторических свора.

Я помню ясно, что сказал
Сен-Жюст в Комитете спасенья:
«Ни в розовом масле, ни в мускусе нет
Великой болезни целенья».

Но этот грядущий немецкий смрад —
Я утверждаю смело —
Превысил всю, мне привычную, вонь;
В глазах у меня потемнело.

Я рухнул без чувств и потом, пробудясь
И с трудом разобравшись в картине,
Увидел себя на широкой груди
В объятиях богини.

Блистал ее взор, пылал ее рот,
Дрожало могучее тело.

Въезжают вассалы на гордых конях,
Пред каждым пылает светильник.
И радостно факельный танец гремит, —
Целуй меня, собутыльник!

Идет милосердный и мудрый сенат, —
Торжественней не было встречи!
Бургомистр откашливается в платок,
Готовясь к приветственной речи.

Дипломатический корпус идет,
Блистают послы орденами.
От имени дружественных держав
Они выступают пред нами.

Идут раввины и пасторы вслед —
Духовных властей депутаты.
Но, ах! и Гофман, твой цензор, идет,
Он с ножницами, проклятый!

И ножницы уже звенят,
Он ринулся озверело
И вырезал лучшее место твое —
Кусок живого тела».

27

О дальнейших событиях той ночи, друзья,
Мы побеседуем с вами
Когда-нибудь в нежный лирический час,
Погожими летними днями.

Блудливая свора старых ханжей
Редает, милостью бога.
Они гниют от болячек лжи
Идохнут — туда им дорога.

Растет поколение новых людей
Со свободным умом и душою,

Без наглого грима и подлых грешков,—
Я все до конца им открою.

Цветет молодежь — она поймет
И гордость и щедрость поэта.
Она возрастет в жизнетворных лучах
Его сердечного света.

Безмерно в любви мое сердце, как свет,
И непорочно, как пламя;
Настроена светлая лира моя
Чистейших граций перстами.

На этой лире бряцал мой отец,
Творя для эллинской сцены,—
Покойный мастер Аристофан,
Возлюбленный Камены.

На этой лире он некогда пел
Прекрасную Базилею —
Ее Пайстетерос в жены избрал,
Вознесся на небо с нею.

В последней главе поэмы моей
Я подражаю местами
Финалу «Птиц». Это лучшая часть
В лучшей отцовской драме.

«Лягушки» тоже прекрасная вещь.
Теперь без цензурной помехи
Их на немецком в Берлине дают
Для королевской потехи.

Бесспорно, пьесу любит король!
Он поклонник античного строя.
Отец короля предпочитал
Квакушек нового кроя.

Бесспорно, пьесу любит король!
Но живи еще автор, — признаться,

Я не советовал бы ему
В Пруссию лично являться.

На Аристофана живого у нас
Нашли бы мигом управу.
Жандармский хор проводил бы его
За городскую заставу.

Позволили б черни хвостом не вилять,
А лаять и кусаться.
Полиции отдан был бы приказ
В тюрьме сгноить святотатца.

О король, я желаю тебе добра,
Послушай благого совета!
Как хочешь, мертвых поэтов чти,
Но щади живого поэта!

Берегись, не тронь живого певца!
Слова его — меч и пламя.
Страшней, чем им же созданный Зевс,
Разит он своими громами.

И старых и новых богов оскорбляй,
Всех жителей горнего света
С великим Иеговой во главе,—
Не оскорбляй лишь поэта.

Конечно, боги карают того,
Кто был в этой жизни греховен,
Огонь в аду нестерпимо горяч,
И серой смердит от жаровен.

Но надо усердно молиться святым:
Раскрой карманы пошире,
И жертвы на церковь доставят тебе
Прощенье в загробном мире.

Когда ж на суд низойдет Христос
И рухнут врата преисподней,

Иной проворный молодчик тайком
Улизнет от десницы господней.

Но есть и другая геенна. Никто
Огня не смирят рокового.
Там бесполезны и ложь и мольба,
Бессильно прощенье Христово.

Ты знаешь безжалостный Дантов ад,
Звонящие гневом терцины?
Того, кто поэтом на казнь обречен,
И бог не спасет из пучины.

Над буйно поющим пламенем строф
Не властен никто во вселенной.
Так берегись! Иль в огонь мы тебя
Низвергнем рукой дерзновенной.

ГЕРМАНИИ

Варианты и дополнения

ПРЕДИСЛОВИЕ

В рукописи после слов: «А не детям его берегов» имеется следующий абзац:

Прежде всего нужно вырвать когти у Пруссии. Выполнив эту задачу, мы при всеобщей подаче голосов изберем какого-нибудь честного человека, обладающего необходимыми качествами для управления честным трудовым народом.

После слов: «То, что начали французы»:

Великое дело революции — всемирную демократию, когда мы осуществим идею революции до конца, во всех ее последствиях.

ГЛАВА 3

В рукописи вместо строфы 16:

С Аахенской почты опять на меня
Проклятая глянула птица —
Сам королевский прусский орел, —
С какой он злобой косится!
Крылатая черная жаба, — нигде
Не сыщешь мерзостней гада!
Меня воротит всякий раз
От одного ее взгляда.

В рукописи после строфы 18:

И голое чучело твое
Я вздерну на кол дубовый, —
Сходитесь тогда для потешной стрельбы,
Вы, рейнские птицеловы!
Любой, кто птицу сшибет для меня,
Получит венец и державу,
А смрадную падаль швырнет живодер
Под виселицу, в канаву.

ГЛАВА 3

В рукописи вместо последней строфы:

Велели в них сесть королю портных
И первым его вельможам,
А мы эти клетки, конечно, другим
Монаршим особам предложим.

Герр Бальтазар будет справа парить,
Герр Гаспар — посредине,
Герр Мельхиор — слева. Бог ведает, как
Земля их носила доныне!

Священный сей Восточный Союз
Канонизирован срочно,
Хоть жили они далеко не всегда
Достойно и беспорочно.

Ведь Бальтазар и Мельхиор —
Сиятельные плуты —
Народам клялись конституцию дать
В тяжелые минуты, —

И лгали оба. А герр Гаспар,
Царь мавров, владыка вздорный,
Глупцу-народу и вовсе воздал
Неблагодарностью черной.

ГЛАВА 7

В рукописи после 7-й строфы:

Нам только днем не по себе
От скуки и от бессилья —
Слиняла бедная душа,
У ней общипаны крылья.

ГЛАВА 14

В рукописи вместо 28-й строфы:

Убийц, которые из-за угла
Немецкую вольность убили,
Нам воздух родины отравив
И все, что мы любили.

ГЛАВА 19

В рукописи вместо строфы 6 следует перечеркнутая строфа:

Но, право, площадь являла б совсем
Прекрасную картину,
Когда б посредине воздвигли на ней
Хоть скромную гильотину.

В строфе 9 вместо последней строки:

Немецких революционеров.

ГЛАВА 23

Вместо строф 22—25 в рукописи имеются следующие 9 строф:

Ты ищешь напрасно! Тебе не найти
Твою Фредерику-мартышку,
Амалию, длинноногую жердь,
Иль Анхен-коротышку.

Ты ищешь напрасно! Тебе не найти
Ни томную дылду Мальвину,
Ни тараторку-вертушку Мари,
Ни гренадера Катрину.

Их гидра стоголовая, жизнь, унесла,
Пожрав веселое племя.
Тебе не найти ни старых подруг,
Ни доброе старое время!

За эти годы во многом у нас
Произошли измененья.
Уже подросла молодежь, у нее
Другие дела и стремленья.

Уходят, исчезают, как дым,
Германии прежней остатки.
Ты и на Швигерштрассе найдешь
Совсем другие порядки.

«Но кто ты? — вскричал я, — назвавшая мне
Всех дам — цветник полусвета, —
Сумевших столько труда и забот
Вложить в воспитанье поэта?»

Да, к старой Германии я и теперь
Привязан, как к старой подруге.
О милых образах прошлых дней
Люблю пометать на досуге.

Но ты, кто же ты? Ты, как старый сон,
Меня возвратила к былому!
Где дом твой? Позволь мне пойти с тобой!
Мы тратим ночь попустому».

ГЛАВА 26

Строфа 13, вторая половина. Цитируем по французскому прозаическому переводу:

Казалось, одновременно чистили тридцать шесть
выгребных ям,
Образующих германскую конфедерацию.

Строфа 14, вторая половина:

Революцию не сделаешь при помощи
Мускуса и розового масла.

ГЛАВА 27

В рукописи перед первой строфой:

Германия вязнет днем в пустяках
Филистерского уклада,
Но ночью ее дела велики,
Она — вторая Эллада.

КОММЕНТАРИИ

СБОРНИК «НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

Сборник «Новые стихотворения» по времени написания отдельных вещей, входящих в него, и по общему их характеру стоит между «Книгой песен» и «Романсеро»; цикл «Новой весны» еще полон отзвуков «Лирического интермеццо» или цикла «Опять на родине», тогда как в «Ollea» уже предвосхищается настроение и колорит «Романсеро».

Гейне стал впервые помышлять об этом новом сборнике стихотворений еще в 1837 г., когда он вел с Кампе переговоры об издании собрания своих сочинений. Новый сборник в ту пору представлялся Гейне внутренне связанным с «Книгой песен», сюда должны были войти стихи, написанные Гейне после 1827 г.

Уже в 1838 г. рукопись Гейне была в руках Кампе, однако прошло более шести лет, прежде чем «Новые стихотворения» вышли в свет. Сборник претерпел за это время существенные изменения, — Гейне-поэт за эти годы проделал значительную эволюцию, он пополнил сборник стихотворениями, совершенно не обычными для его прежней поэтической манеры. В окончательном виде «Новые стихотворения» отошли от стиля, характера и от тем и интересов «Книги песен». Перед читателями появился действительно обновленный Гейне — поэт, как бы заново сложившийся, новый современный поэт под старым знакомым именем.

Когда в 1837 г. Гейне впервые заговорил со своим издателем Кампе о новом сборнике стихотворений, то имелись в виду отдельные лирические циклы, уже ранее полностью опубликованные поэтом в различных изданиях его сочинений. В письме от 19 декабря 1837 г. Гейне предлагает Кампе п р и л о ж е н и е к «Книге песен», а в письме от 30 марта 1839 г. уже набрасывает перед Кампе программу нового сборника (см. в нашем издании т. XI, стр. 344 и стр. 359).

Основной этой программы был цикл «Новая весна», уже напечатанный в 1831 году во втором томе «Путевых картин», издание 2-е. Дальше следовали стихи из первого тома «Салонов» (1834), «Разные», «Тангейзер», уже обнародованный в «Салонах» том III (1837), и т. д.

Гейне извещал Кампе, что сборник он намерен открыть «очень большим предисловием», где будут сказаны «важные вещи» (письмо от 30 марта 1838 г.). Статья, которую Гейне предпо-

лагал дать в виде предисловия, в печати появилась как отдельное произведение — известный памфлет Гейне «Швабское зеркало». «Швабское зеркало» — резкая отповедь узко-интимной романтической лирике, с ее местным колоритом, — провинциальным патриархальным, швабским, саксонским или померанским; Гейне здесь отрицает поэзию, питающуюся отсталым бытом, ландшафтными впечатлениями, элементарно-наивную в своих лирических основах. Он безжалостно отзываясь о Густаве Швабе, Юстине Кернере, Карле Майере и других южнонемецких романтиках. О главаре «швабской школы», Уланде, Гейне говорит как о поэте замечательном, но уже потерявшем значение в литературе. Уланд для Гейне — бывшая немецкая поэзия, достаточно почтенная, но ничем не связанная с современностью. Быть может, самое важное то, что Гейне приравнивает «швабских поэтов» по идейной направленности к Вольфгангу Менцелю, превратившемуся к тому времени в донощика («денунцианта»), в литературного подрядчика немецких правительств, в цинического теоретика «здоровой растительной жизни» как высшего идеала для немецкой нации.

«Швабское зеркало» как бы освещает замысел «Новых стихотворений» — они словно написаны в противовес лирической поэзии швабской школы. Швабские поэты создавали «непосредственную» лирику — поэзия Гейне проникнута интеллектном, зоркой наблюдательностью, иронией; у швабов жизнь чувств обращена к природе, лирический фон — всегда сельский провинциальный ландшафт, — Гейне тяготеет к современному городу, к его сложному быту; там — первобытная земля, здесь — Париж, у тех — средневековое немецкое захолустье, у Гейне — сегодняшняя цивилизованная Европа в крайних, утированных проявлениях своей психологии и повседневных нравов. Большой цикл «Разные» строится на контрасте: «немецкая любовь» — «французская любовь», немецкий морально-бытовой уклад — французский. Разумеется, капиталистический город с его бульварами, театрами и кафе, с его безнравственностью, с его продажной любовью отнюдь не составляет положительного идеала Гейне. Но «растительная жизнь» немцев тоже его не восхищает: — в ней нет внутреннего движения, нет перспектив, она слишком близко связана с политической отсталостью, с интересами реакционных немецких правительств, — недаром ее защищает Менцель. В своих стихах о Париже, о парижских женщинах, о парижской любви Гейне — реалист, он резко и открыто рассказывает о том, что есть, тогда как «швабы» и их единомышленники прячутся от современной действительности, боятся ее и верят, что они могут каким-то образом обойти ее. К «добродетелям» швабов и мещанской Германии Гейне относился весьма подозрительно — он усматривает здесь ханжество, тайные грешки, тайное распутство, прикрытое христианской фразой. Идеал Гейне лежал не в прошлом, не в настоящем, а в будущем, которое ему рисовалось как «третий завет» учения сен-симонистов. Лишь изредка Гейне оказывался в плену у сегодняшнего дня,

поддавался соблазнам парижских нравов и готов был уже здесь искать благоприятную почву для своей поэзии. Однако же рядом с этими «легкомысленными» стихами, рядом с этими как будто сочувственными картинами парижской испорченности у Гейне слышны сожаления, слышен голос чистого лирика, оскорбленного моральным бытом современников. Как бы то ни было, Гейне не желал мнимого успокоения, ложной гармонии, которой тешились романтики старой Германии.

Ключ к своей новой поэзии Гейне дал в напутственных словах к циклу «Новая весна», впервые напечатанному во втором томе «Путевых картин», изд. 1831 г., который сопровождался таким обращением от автора:

«Я передаю эти стихотворения читателю, и притязания мои тем скромнее, чем точнее мне известно, как мало недостатка испытывает Германия в подобной лирической поэзии. Помимо того, искусству такого рода невозможно предложить что-либо лучшее, чем сделанное уже старшими мастерами, такими, как Уланд, чьи обворожительные милые песни, исполненные веры и любви, неслись из развалин старинных замков и монастырских покоев. Правда, все эти набожные и рыцарственные напевы, все эти отзвуки средневековья, еще недавно, при господстве национальной ограниченности, раздававшиеся со всех сторон, — в настоящую минуту заглушены шумом и грохотом, производимым современной освободительной борьбой, братаньем европейских народов и резкой ликующе-скорбной мелодией современных песен, где нет желания подделаться под католическую гармонию чувств и где, напротив того, с якобинской беспощадностью чувства рассеяны ради вящей правды. Очень любопытно наблюдать, как один из этих двух песенных родов заимствует у другого внешнюю форму. Но еще любопытнее наблюдать, когда та и другая поэзия уживаются рядом в сердце одного и того же поэта».

Итак, «якобинский» анализ чувств, внедрение в современную жизнь, но с сознанием, что и здесь тоже нет полного идеала, — вот как сам Гейне определяет свою поэзию. Однако современники отнюдь не были намерены прощать Гейне правду его «некрасивых», «прозаических» стихов. Немецкие литераторы сразу же поднялись против этих лирических стихов, возмущаясь их трезвостью и горечью. Особое негодование вызвали пьесы о любви из цикла «Разные».

В мае 1838 г. рукопись сборника была переслана Кампе, и тот показал ее Карлу Гуцкову. Гуцков, этот автор из группы «Молодая Германия», выступавший в своих романах с довольно храбрыми и малоразумными декларациями по вопросу половой любви, познакомился с новыми стихами Гейне еще в рукописи и чрезвычайно переполошился. Он счел нужным обратиться к Гейне с длинным письмом, в котором, щеголяя собственным нравственным превосходством, убеждал поэта не печатать новых стихов — о «парижских женщинах» из маленьких циклов «Серафина», «Анжелика», «Гортензия».

Впадая в пафос, Гуцков писал: «Поэт «Путевых картин», тебе отпустили много грехов, ибо все это были шипы рядом с розами; но этих грехов, в которых я вижу одни лишь шипы, этих грехов, Гейне, Вам не простят. Ведь Вам известно общее мнение, установившееся в Германии, относительно Ваших стихов из «Салоннов» о красотах парижских бульваров с гордыми именами Анжелика и проч. Зачем тогда в той же манере выводить на свет новое потомство? Назовите мне нацию, которая допустила бы в своей литературе нечто подобное! Кто бы стал издавать во Франции, в Англии вещи такого рода, вещи, рассчитанные на забаву для комми, вещи, которые можно читать вслух только в трактирном заведении, в табачном дыму, когда сброшены сюртуки и когда стол уже уставлен пустыми бутылками. Беранже не стесняется рассказывать о ночном визите к гризетке, но ведь он не заявляет, что чувствовал себя при этом очень недурно». Разве у него где-нибудь проглядывает чувство пресыщения или искусственно возбуждаемой отупевшей плоти? Я оскорбляю Вас, говоря Вам все это, но я должен Вам это сказать, потому что, мне кажется, Вы относитесь беспечно к собственной репутации, и беспечность эта безгранична. Ведь раз навсегда Вы связаны с немцами, и Вы никаким образом не сделаете немцев иными. Немцы же это добрые отцы семейства, добрые супруги, педанты, и лучшее в них то, что все они идеалисты. Я здесь высказываюсь, следуя собственному литературному опыту. По успеху собственных моих сочинений я знаю, как патетически нужно в Германии напрягать струны. Вы уже были в Париже, когда раздались обвинения против новой литературы, упреки в безнравственности. И Вы не можете себе представить, как уничижительно они подействовали. Немецкий автор, который перестает глядеть ввысь, автор, в чьих глазах исчез небесный блеск, этот автор потерял также и свое положение в народе... Этим «Приложением» («Приложением» к «Книге песен». — *Н. Б.*) Вы настолько разрушаете свою репутацию, что даже Ваши друзья должны будут бросить перья и согласиться с общественным мнением. Откажитесь от этой книги!

«Не считаете ли Вы меня педантом? Или Вы думаете, что я не чувствую этой поэзии, оригинальность которой найдена Вами среди вещей прозаических и обыденных? Я знаю, здесь пункт, по которому Вы больше всего мне возражаете. Вы хотите дать нечто, поставленное вверх ногами, нечто оригинально-прозаичное и в то же время поэтическое. Мне кажется, что в Ваших понятиях о поэзии происходит теоретическая путаница. Однако уверяю Вас, что Германия отнесется к Вам практически, и Ваше *настоящее* будет уничтожено, — будущего, разумеется, у Вас отнять нельзя ради Вашего *прошлого*».

Письмо Гуцкова датировано 6 августа 1838 г.¹

Особого доверия к Гуцкову с его советами Гейне не выказал, и он был прав: Гуцков в журнале «Телеграф», в №№ 75 и 76

¹ См. Friedr. Hirth. Heinrich Heines Briefwechsel, II Band, стр. 237 — 241.

за 1839 г., сам же опубликовал свое письмо, которое он раньше старался представить перед Гейне актом чистой дружбы, предостережением с глазу на глаз.

Ответ Гейне Гуцкову, полунасмешливый, хотя и вполне вежливый, свидетельствует, что аргументы Гуцкова от имени немецких «отцов семейства» не оказали на него видимого действия (см. в нашем издании т. XI, стр. 365 и стр. 367—369). Однако Гейне готов был повременить с печатаньем новой книги стихов. Гейне хотел на этот раз воздержаться от конфликта с Гуцковым и его друзьями. Сборник был отложен окончательно в сторону, когда в 1839 г., после различных переделок, произведенных самим Гейне, пришел цензурный экземпляр с невероятно искаленным текстом.

Только в 1843 г. Гейне возвращается к своему сборнику, и в следующем, 1844 г. (в сентябре) сборник выходит, наконец, из печати. На этот раз он назван не «Книга песен, том второй», но получает титул «Новые стихотворения». В состав сборника вошли циклы: «Новая весна», «Разные» («Серафима», «Анжелика», «Гортензия», «Кларисса», «Иоланта и Мария», «Эмма», легенда «Тангейзер», «Песни бытия», «Фридерика», «Катарина», «На чужбине», «Трагедия», «Романсы», «Подземное царство», «Современные стихотворения». Заканчивался сборник недавно написанной поэмой «Германия». Таким образом получилась антология, в которой лирика частного порядка, «Песни любви», бесповоротно уступила место политической сатире крупного масштаба и крупного значения. «Эротические стихотворения», по поводу которых Гейне в свое время спорил с Гуцковым, все же были почти все представлены. Гейне пожертвовал только циклом «Диана», и то в 3-м издании «Новых стихотворений» цикл был восстановлен. Второе издание последовало ровно через месяц после первого — успех книги был чрезвычайный. В третьем издании, 1852 г., были добавлены уже упомянутый цикл «Диана» и цикл «Опеа». Последнее издание «Новых стихотворений» — четвертое при жизни поэта — появилось в 1854 г. Поэма «Германия» была устранена из «Новых стихотворений» уже начиная с третьего издания — в третьем и четвертом изданиях вместо нее печаталась трагедия «Вильям Ратклиф». Мы следуем третьему изданию, в котором Гейне окончательно установил содержание и композицию своей антологии. «Ратклифа», довольно случайно в нее попавшего, мы отсюда уstraляем.¹ О дополнениях, сделанных нами к циклу «Современные стихотворения», см. ниже, стр. 388. Для текста отдельных стихотворений основное значение имеет первое издание, единственное, корректуру которого держал сам Гейне.

Для второго издания Гейне сочинил предисловие, которое однако попало только в очень немногие экземпляры — новый тираж печатался с большой поспешностью. Экземпляры с этим предисловием составляют величайшую библиографическую редкость.

¹ «Ратклиф» печатается у нас в I томе.

Предисловие ко второму изданию

(Писано в Париже в октябре 1844 г.)

Недели четыре тому назад «Новые стихотворения» вышли из печати, и почти одновременно появилась в отдельном издании входившая в их состав зимняя сказка «Германия». Мой издатель, имеющий обычай выпускать мои сочинения большими тиражами и тем самым свидетельствующий о почтительнейшем отношении к гению автора, на этот раз еще усилил свое восторженное отношение ко мне и напечатал «Новые стихотворения» в еще более энтузиастическом количестве экземпляров. Напрасно я указывал ему, какое горькое разочарование его ожидает, и признавался ему, что в совершенно достоверных повременных изданиях я собственными глазами читал о том, что популярность моя совсем упала, что младшие поэты сегодняшнего дня обогнали меня и что весь я принадлежу только прошлому. Но мой издатель странно посмеивался и ссылаясь на свои торговые книги, где изо дня в день с сухой добросовестностью отмечался спрос на мои сочинения, и эти живительные и прогрессирующие цифры представляли собой аргументацию, которую трудно было опровергнуть. В настоящее время этот человек целиком и полностью торжествует над опасениями моей скромности и подготовил второе издание «Новых стихотворений», которое выходит удвоенным тиражом. Я нигде не позволил себе каких-либо дополнительных изменений текста, что я всячески подчеркиваю. Но я не могу обойтись без того, чтобы не процитировать здесь мое предисловие к «Зимней сказке», выпущенной отдельным изданием, — оно датировано: «Гамбург, 17 сентября 1844 г.», и гласит, как ниже следует (См. предисловие к поэме «Германия». — Н. В.).

Генрих Гейне

Новая весна

Этот цикл, которым открываются «Новые стихотворения», как уже указывалось, впервые был опубликован во втором издании II тома «Путевых картин», 1831 г.; затем стихотворения 1—27 были помещены во втором томе «Салонов», 1835 г. Что касается отдельных стихотворений, то в «Дамском Альманахе на 1829 год» (изд. Котта) появились стихотворения 3, 4, 10—12, 14, 19, 24, 43, а в №№ 49, 50, 157 и 158 «Утреннего листка» за 1831 г. (Morgenblatt, изд. Котта) были напечатаны «Пролог» и стихотворения 1, 2, 7, 8, 13, 15, 18, 21, 23, 26—28, 30—32, 35, 37—42, 44.

В «Путевых картинах» Гейне помещал цикл «Новая весна» и после того, как «Новые стихотворения» были изданы.

Циклу предшествовал эпиграф:

На севере кедр
 растет

 Он видит сон о пальме,
 Что в дальней восточной земле.

Затем следовало посвящение: «Сестре своей Шарлотте Эмбден, урожденной Гейне, любовно и учтиво посвящает автор».

Цикл «Новая весна» был написан осенью 1830 года, по внешнему поводу — по просьбе композитора Альберта Метфеселя, которому нужен был текст для музыки. В письме к Фарнгагену от 30 ноября 1830 года, из Гамбурга, Гейне сообщал: «...наступит новая весна, и для того, чтобы без помехи ею наслаждаться, я сочиняю сейчас весенние песни, к ней относящиеся». О «весне» здесь Гейне писал иносказательно, имея в виду свое мрачное состояние и положение в Германии, не изменившееся и после июльской революции 1830 г.

Из критической литературы приводим отзыв о «Новой весне» известного исследователя поэзии Гейне Жюльа Легра:

«Когда-то жизнь представлялась Гейне причудливой игрой, бедной содержанием по сравнению с миром поэзии, где витало его воображение. Теперь, наоборот, именно поэзия кажется ему ничтожной игрой, чем-то вынесенным за пределы той жизни, которая всецело поглощает его».

Легра считает, что в «Новой весне» Гейне не создал нового стиля, но остался «в плену у своей манеры», которая была полна жизни и своеобразия в «Книге песен». «Манера рождается в тот самый день, когда поэт приобретает уверенность, что таким-то сочетанием внешних форм он может добиться таких-то эффектов и создать такое-то настроение (Stimmung). Тогда он уже больше не беспокоится об идее, которую он должен выразить, но об эффекте, который должен быть достигнут. Гейне оказался в этом положении, когда сочинял песни «Новой весны». Хозяин своего инструмента, он более всего внимания уделял тому, чтобы воспроизвести модуляции, уже одобренные публикой, не испытывая новых». ¹

Это мнение справедливо только наполовину: если искусство Гейне в «Новой весне» и страдает известной манерностью, если этим стихотворениям и недостает пафоса содержания, то тем не менее здесь проступают новые черты поэтического стиля Гейне — более «современного», более критического по отношению к вещам и к слову, чем это имело место в «Книге песен». В «Новой весне» Гейне продолжает приближаться, хоть и окольными путями, к формам поэтического реализма, точного и строгого во взгляде на вещи, в выборе слова и характерной детали.

¹ Jules Legras. Henri Heine poète, 1897, стр. 203 и 204.

Разные

«Серафина», «Кларисса», «Гортензия», «Анжелика» и «Диана» в сопровождении пролога («Анжелика», 1) и эпилога («Гортензия», 1) впервые печатались в №№ 5, 6, 15, 32, 33, и 61 берлинского журнала «Der Freimütige» за 1833 г. Без «Эммы» все они потом перепечатаны с некоторыми добавлениями (в первом томе «Салонов» — 1834 г.). Часть этих стихов «Новых стихотворений» была опущена.

Цитированное выше письмо Гудкова к Гейне явилось как бы родоначальником последующих мнений об этом «женском цикле». С одной стороны, Гейне упрекают за чрезмерный прозаизм темы и мысли, как это делает, например, тот же Жюль Легра, который говорит о «вульгарной концепции любви» в этих стихотворениях, о том, что сам поэт стоит на моральном уровне своих героинь.¹ С другой стороны, указывают на якобы чисто формальные задачи, разрешаемые здесь Гейне. Ионас Френкель считает, что весь смысл этих произведений «в победе искусства над невыгодным для него материалом». — Френкель делает ссылку на письмо Гейне к Гудкову от 23 августа 1838 г.²

Критики проглядели своеобразный реализм стихов, их внутреннюю близость к нравоописательному роману, к романам Бальзака.

Гейне иной раз делал попытки оправдать и возвысить «парижскую любовь», усмотреть в ней задатки здоровой нравственности. Учение сен-симонистов об «эмансипации плоти»,³ которым увлекался Гейне, порой проявляется в этом цикле стихов. Сен-симонист Анфантэн учил о «третьем завете», о новом царстве, где плоть и дух примиряются друг с другом: христианский завет отрицал плоть во имя духа, нужно искать другого пути, на котором и плоть и дух были бы взаимно оправданы. В стихотворении «Серафина» (7) «третий завет» чересчур поспешно и чересчур реально осуществляется у Гейне в условиях современной буржуазной морали и современных нравов. Обычное у Гейне понимание «эмансипации плоти» совсем иное. Не в условиях буржуазного общества должна произойти эта эмансипация — «эмансипация плоти», — она предполагает коренное преобразование всего современного материального бытия и быта, устранение всего грязного, бесчеловечного, уродливого и стеснительного в нем. Легкие нравы, «свободная любовь» буржуазного города менее всего соответствовали идеалу французских утопических социалистов из школы Сен-Симона.

ТАНГЕЙЗЕР

Впервые поэма «Тангейзер» была опубликована в третьем томе «Салонов», за 1837 г. Гейне мистифицировал своего чита-

¹ Jules Legras, стр. 211 и 212.

² Heines sämtliche Werke, Insel-Verlag, стр. 374.

теля, уверяя, будто перед ним всего лишь новая версия хорошо известного фольклорного текста.

Мистификация не носила сколько-нибудь серьезного характера, — если не с первой главы, то уже со второй можно было узнать, кто настоящий автор.

Гейне создал на основе старой легенды подчеркнуто-современное произведение. Однако аналогия его с фольклорными источниками определила стиль и композицию произведения. Очевидно, Гейне был подробно знаком со всеми известными тогда версиями «Тангейзера». Главными его источниками были текст из «Волшебного рога мальчика» («Das Klaben Wunderhorn»), сборника народных песен, составленного Арнимом и Брентано, затем прозаический пересказ легенды в «Немецких сагах» братьев Гримм (1816).

Для знакомства с фольклорным прообразом поэмы Гейне мы и приводим эту прозаическую версию.

«Благородный Тангейзер, немецкий рыцарь, объехал многие страны и побывал также и в гроте Венеры у прекрасных жен, где созерцал великие чудеса. И когда Тангейзер, веселый и живой, провел там немалое время, совесть стала требовать, чтобы он вернулся в мир, и он начал просить, чтобы его отпустили. Однако госпожа Венера старалась всеми способами заставить его поколебаться в принятом решении; она хотела женить его на одной из своих подруг и говорила, что не забыть ему ее алых губ, которые вечно смеются. Тангейзер ответил: не нужна ему жена, кроме той, которая у него в мыслях; не хочет он гореть в адском огне, и нет ему дела до алых ее губ. Нельзя ему оставаться с госпожой Венерой, так как душа его больна. И тут еще пыталась дьяволица заманить его в тайный свой покой, чтобы сотворить с ним любовь, но благородный рыцарь стал громко браниться и призывать святую деву, так что госпожа Венера отступилась, наконец, от него.

«И пошел он в Рим, — туда, где папа Урбан, — чтобы исповедаться перед ним в своих грехах, принести покаяние и спасти душу свою. Когда же он признался, что круглый год провел в гроте госпожи Венеры, папа сказал ему: «Когда этот посох, что у меня в руках, зацветет, тебе будут отпущены грехи. — но не иначе». Тангейзер ответил: «Пусть господь даст мне провести в покаянии всего лишь год на земле, и тогда сам господь надо мной скалится». Папа проклял его. Отчаявшись, он оставил Рим и возвратился в очарованный грот, чтобы остаться там на веки вечные. Госпожа Венера приветствовала его, как и принято встречать любимого, с которым расстаешься надолго. На третий день зацвел посох, и папа разослал гонцов по всем странам, чтобы узнать, куда скрылся благородный Тангейзер. Но они опоздали: он был в гроте, где избрал себе возлюбленную и где должен был оставаться до страшного суда, на котором бог укажет ему его место.

«Не вправе ни один служитель бога отнимать надежду у грешника, если грешник является к нему с покаянием» («Deutsche Sagen», 1 B., № 171).

В песенных редакциях, которые опубликовал Людвиг Уланд уже несколько лет спустя после «Тангейзера» Гейне, эта заключительная тирада против клириков усилена: «Ни папа, ни кардинал пусть не проклинают грешников, — грешник может удостоиться божьей милости, как бы ни были тяжелы его преступления». В другом варианте Уланда Тангейзер сам посылает проклятия папе (L. Uhländ. «Alte hoch und niederdeutsche Lieder», № 297).

Среди источников, имевшихся у Гейне для «Тангейзера», были материалы фольклориста Людвига Бехштейна. Интересные подробности дает дошедшее до нас письмо Бехштейна к Гейне.¹ В 30-х годах мотивы Тангейзера вызывали живой отклик у Гейне. В фольклорном «Тангейзере» была и тема «изгнанных богов» и тема борьбы с католической идеологией, тогда столь значительная для Гейне.

Гейне во французском издании подробно разъяснил всю разницу между своим Тангейзером и фольклорным: на своей стороне он видел новый гуманизм и светскую философию, в фольклорной версии — авторитарное мировоззрение, подавляющее личность (см. в нашем издании т. VII, стр. 407); однако между Гейне и фольклором не было столь решительных противоречий. В фольклорной редакции «Тангейзера» есть своя, хотя и весьма умеренная оппозиция церкви — фольклор борется с церковью во имя религии. Религией пользуются, чтобы побороть такую существенную силу самой религии, как господствующая церковь. Тема госпожи Венеры, столь опасная для христианской нравственности, в фольклоре разработана без особой подчеркнутости. Самый вопрос о спасении души в фольклоре лишен мистицизма и поставлен наивно-практически: лучше попасть в царство небесное, чем оставаться у Венеры. Но когда Тангейзер не получает у папы пропуска на небо, то он спешит вернуться в грот Венеры, так как все же это лучшее из худшего, и терять свое убежище у госпожи Венеры он не намерен.

Гейне подхватывает оппозиционные мотивы фольклора, необычайно усиливая их. В поэме Гейне — сильные атеистические элементы язычества, тогда как средневековый фольклор лишь реформирует христианские религиозные представления. Хотя Гейне, трактуя историю Тангейзера, глубоко изменил идейное ее содержание, однако же он сохраняет в неприкосновенности художественный стиль этой истории: и строй стиха, и «плоскостную», не знающую драматизма манеру рассказа, и наивную психологию, и все характерные речевые обороты.

В самом фольклоре уже существует это противоречие между новой мыслью и стародавним, неподвижным стилем.

Романтики гейдельбергские в своем отношении к фольклору были стилизаторы в буквальном смысле — они выдвигали в своей художественной работе фольклорный стиль и дер-

¹ Heine-Reliquien, Berl. 1911, стр. 181.

жали в тени конкретное содержание фольклора, которое часто выходило далеко за пределы традиционного стиля.

Гейдельбергские романтики стремились восстановить средневековую гармонию содержания и формы, из которой уже выступил более поздний фольклор, захваченный революционно-плебейскими настроениями XV—XVI столетий.

Позиция Гейне была прямо противоположной: он предельно увеличивал дисгармонию, уже наметившуюся в старом фольклоре. Изнутри фольклора Гейне извлекает такие звучания и такой смысл, что окончательно развившееся новое, мирское, бунтарское содержание фольклора уже более не уживается с его «католической» средневековой художественной формой.

Гейне оставляет фольклорной форме легенды о Тангейзере ее примитивность, поднимая содержание до уровня современного свободомыслия.

Тема «Тангейзера» была разработана и Людвигом Тиком — «Верный Эккарт и Тангейзер» («Der getreue Eckart und der Tannhäuser» — впервые в 1799 г., в переработанном виде в 1812 г.). Повесть Тика чрезвычайно модернизирует фольклорную легенду, внося в нее современную психологию. Тангейзер находится во власти темных сил души, и его эротическая жизнь — явление духовного хаоса, с которым ему не дано совладать. Однако Тик сохраняет и понятие греха и религиозную назидательность: верный Эккарт стоит у зачарованного грота и предостерегает добрых христиан.

Клеменс Брентано в своих набросках для «Романсов о розах» тоже уделил значительную роль теме «Тангейзера»: как «Романсы» в целом, так и эпизод с Тангейзером у Брентано разрешался в духе строжайшего христианского аскетизма, а грот Венеры у Брентано служил символом полнейшего человеческого падения, продажи дьяволу лучшего достояния души.

История Тангейзера у Брентано становится одним из узлов готического («страшного») романа. Таким образом, Гейне, у которого в «Тангейзере» совершается «реабилитация плоти» и материи, шел в разрез с традицией романтиков.

В третьей главе происходит комическое «разрушение иллюзий». Нападки на Людвига Тика (строфа 14) объясняются особой позицией, которую Тик занял в литературной борьбе тридцатых годов: — он выступил в тогдашних произведениях против представителей «Молодой Германии», против их политического и литературного направления. самого Гейне он задел в своей *Märchen-novelle. Das alte Buch und die Reise ins Blaue hinein* (1835). Как полагает один из исследователей, Н. Bloesch, на критические замечания в этой новелле последовал ответ Гейне Л. Тик — «старому псу в Дрездене» (до 1841 г. Дрезден был местопребыванием Тика).

К строфе 16-й III главы: гегельянец Эдуард Ганс читал в Берлинском университете «Лекции по истории последних пятидесяти лет». Лекции эти пользовались исключительным успехом

и позже были запрещены полицией. В печати они появились в 1833—1834 гг.

ПЕСНИ БЫТИЯ

В первом томе «Салонов» появились только первые четыре стихотворения цикла, в 1-м и 2-м изданиях «Новых стихотворений» к ним были добавлены следующие два, а затем в 3-м издании — и последнее.

ФРИДЕРИКА

Впервые опубликовано в «Новых стихотворениях». Как об этом свидетельствует надпись в рукописи самого Гейне, сонеты обращены к Фридерике Роберт. Написаны они были в Геттингене в начале 1824 года.

Сонет 1, стих 11. *Индра* — бог неба в индийской мифологии.

Сонет 2, стих 7. *Кокилас* — индийское название птицы из семейства кукушек.

» стих 9. *Кама* — бог любви.

» стих 12. *Вассант* — бог весны, друг Камы.

Сонет 3, стих 5. «*Я за образ дам коня*» — ср. Шекспир, Ричард III: «Коня! Коня! Царство за коня!»

» стих 13. *Гандарвы* — певцы и музыканты в небесном царстве Индры.

КАТАРИНА

Впервые этот цикл напечатан в «Салонах», т. V, 1840.

НА ЧУЖБИНЕ

Впервые напечатано в «Салонах», т. I. Стихотворение имело отдельный заголовок «Разлука», 2-е и 3-е вместе со стихотворением, которое помещено в настоящем издании в Приложениях, составляло цикл «Мечтанья».

ТРАГЕДИЯ

Впервые напечатана в «Дамском Альманахе на 1829 год», затем в I томе «Салонов». В «Дамском Альманахе» Гейне поместил сопроводительную заметку: «Вторая песнь здесь — это рейнская народная песня, только первую и третью сочинил я сам! Г. Г.» Текст, очень близкий к этой второй песне, был напечатан еще в 1825 г. в «Рейнской флоре» приятеля Гейне Ж. Руссо по записи Вильгельма Вальдбооля.

Романсы

Этот большой цикл был впервые напечатан в «Салонах», т. IV, 1840 г., где он состоял из стихотворения 1-го и стихотворений 6—13.

2. *Весеннее ликование.* Комментарием может служить отрывок из Лукиана, греческого автора II в. н. э.: «Видел я в Библе великое святилище Афродиты Библосской, в котором справляются оргии в честь Адониса. Я познакомился с ними. Говорят, что оргии эти установлены в честь Адониса, раненного в этой стране вепрем; в память об его страданиях местные жители ежегодно подвергают себя истязаниям, оплакивают Адониса и справляют оргии, а во всей стране распространяется великая печаль. Затем, когда прекращаются удары и затихает плач, приносят жертву Адонису, как умершему, и на следующий день рассказывают, что он жив и удалился на небо; в то же время они бреют себе головы, как египтяне, когда умирает Апис». (Лукиан, «О Сирийской богине», 6.)

3. *Чайльд Гарольд.* Тело Байрона перевезли из греческого городка Миссолунги, где Байрон скончался 18 апреля 1824 г., на родину, в Англию. См. письмо Гейне к Мозеру от 25 июня 1824 г., где говорится о смерти Байрона (т. XI нашего издания, стр. 131). Стихотворение названо по имени главного героя поэмы Байрона «Чайльд Гарольд».

4. *Заклинанье.* Слова заклинания воспроизводят соответствующие формулы фольклорных песен.

5. *Из письма.* В рукописи стихотворение называлось «Солнце и Поэт».

12. *Бертран де Борн.* Знаменитый трубадур Бертран де Борн (1145—1210) жил при дворе Эллинора, жены английского короля Генриха II (Эллинор — «львица Плантагенета»). Дочери короля, принцессе Матильде, Б. де Борн посвятил две любовные канцоны. Принца Генриха он побудил к восстанию против отца. По смерти принца Б. де Борн был взят Генрихом II в плен, но отпущен. По преданию, королю понравилась отповедь Бертрана на суде. Романс Гейне во многом является откликом на романс Уланда под тем же названием «Бертран де Борн».

15. *Психея.* В фабульных моментах Гейне здесь следует сказке об Амуре и Психее, как она рассказана у Апулея в «Золотом Осле».

19. *Жалоба старонемецкого юноши.* Стихотворение написано в Геттингене 6 июня 1824 г. О нем интересные сведения сообщат в своих дневниках Эдуард Ведекинд, товарищ Гейне по университету. Гейне объяснил Ведекинду, что стихотворение это является пародией на «сентиментально-рефлексивную портняжную лирику». Впервые напечатано в альманахе «Агриппина» за 1824 г., № 93, под названием «Элегия» и с примечаниями самого Гейне:

«В этой народной пьесе, еще нигде не печатавшейся, я должен был произвести некоторые изменения, без которых ее нельзя было опубликовать».

21. *Фрау Метта.* Баллада, написанная в Гамбурге, в 1830 г., при своем первом появлении в печати носила название «Спор» (die Wette) — подражание датской народной песне. Источник:

баллада «Золотой Рожок» в сборнике датского фольклора, составленном Вильгельмом Гримм (Wilh. Grimm, *Alddänische Heldenlieder, Balladen und Märchen*, 1811).

В датской балладе Петер и Олуф бьются об заклад. Проигравший должен уступить другому доброго коня. Олуф, который наигрывал на золотом рожке, заманил к себе ночью во двор невесту Петера, Меттелиль. В дом он ее не пускает, и Меттелиль одна со своей собачкой возвращается через лес к себе. У ворот ждет ее жених. Он спрашивает, куда она ходила. Меттелиль дает уклончивые ответы — будто она собирала травы в лесу, будто слушала, как соловьи поют. Жених велит ей не посещать Олуфа и идти скорее домой, ложиться в постель. Меттелиль подожгла свое жилище и сама погибла, следы ее исчезли: так сурово покаялась она. Петер был разгневан, и Олуф не смел более с ним встречаться. Заключительные стихи Гейне нашел в тексте датской баллады. Петер говорит: «Доброго коня я потерял, а все из-за того, что ты, моя невеста, девушка лживая и легкомысленная».

22. *Встреча*. Первое название (в «*Zeitung für die elegante Welt*», 1842, № 11) — «Водяные». Написано осенью 1841 г. Источником является рассказ из «Немецких sag» братьев Гримм («*Deutsche Sagen*», herausgegeben von den Brüdern Grimm, 1 B, № 51); этот рассказ Гейне перевел для французского издания «Духов стихий». См. в нашем издании т. VII, стр. 395 — «В Лайбахе, в реке, носящей то же название»...

23. *Король Гаральд Гарфагар*. Эта баллада перекликается с более ранним стихотворением Гейне — «Принцесса Ильза». См. т. I, «Книга песен».

24. *Подземное царство*. Начиная со стиха 9-го до конца, — цитата из стихотворения Шиллера «Жалоба Цереры».

OLLEA

Ollea — *Ollea potrida* — испанское кушанье из разных овощей и мяса. У Гейне в значении «смесь».

Этот цикл был введен в 3-м издании «Новых стихотворений». Как говорит Гейне в письме к Кампе, сюда вошли большей частью вещи, первоначально предназначенные для «Романсеро» (см. письмо от 21 октября 1851 г., т. XIII нашего издания, стр. 232).

1. *Ишачество*. Направлено против Фридриха-Вильгельма IV, короля прусского (см. комментарий к «Китайскому богдыхану»). Сатира на старофеодальные мечтания этого Гогенцоллерна, который стоял во главе современного полубуржуазного государства.

Как бы поддерживая любовь своего героя к генеалогии, Гейне пишет о прусском короле стихотворение в генеалогическом

роде. Король охотно напоминал немецкой публике, что он является потомком крестоносцев, — Гейне выводит его родословную от коней, на которых крестоносцы ездили к святому гробу. Короля называли новым Дон-Кихотом, — Гейне считает не самого Дон-Кихота, а его коня Россинанта одним из дальних предков короля прусского.

Порода короля не только конская, военно-феодалная, но и бюргерская: — ослик трезвого и практичного Санчо-Панса тоже числится в королевских предках. Гейне подчеркивает двойную природу монархии Фридриха-Вильгельма IV, отвратительное смешение в ней современных бюргерских элементов с фразеологией и приемами управления средневековья.

2. *Символика бессмыслицы*. Сатира на философское истолкование христианского догмата о троице в реакционной «Философии Откровения» Шеллинга (1775—1854), представителя немецкого идеализма, который из натурфилософа превратился в теософа и мистика и вызывал у Гейне, как и у всех радикальных писателей 40-х гг., насмешки и возмущение.

Энгельс подверг эту философию уничтожающей критике в своей работе «Шеллинг и откровение». Курс «Философии Откровения» был прочитан Шеллингом в Берлинском университете в 1844 г.

3. *Спесь*. «Лукские воды» — гл. IX, в «Путевых картинах».

8. *Елена* — эпиграф к балетной поэме «Доктор Фауст».

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

В состав этого цикла в сборнике «Новые стихотворения» у Гейне входили 24 пьесы. В нашем издании пьесы 1—24 (включительно) точно соответствуют тому, что печаталось в сборнике самим Гейне. Остальные же пьесы этого цикла от 25 до 37 включительно представляют в хронологическом порядке все политические и злободневные стихотворения за период 1830—1850 гг., не собранные самим Гейне. Значительность большинства из них не позволяет нам отнести их к отделу дополнений, и мы присоединяем их к основному циклу «Современных стихотворений».

1. *Теория*. Впервые напечатано в парижской газете Генриха Бернштейна (Börnstein. «Vorwärts», 1844, № 58, 20 июля). Газета «Vorwärts» объединяла левую немецкую эмиграцию в Париже с августа и до конца 1844 г., до самого ее запрещения. К ее редакции близко стоял Карл Маркс.

2. *Адам первый*. Стихотворение, в котором Гейне открывает свою социально-философскую программу: максимум человеческих требований по отношению к окружающей действительности — «рай на земле», затмевающий рай Иеговы и библии. Здесь слышны отзвуки социалистического учения сен-симонистов, возвещавших грядущее

щее царство освобожденной материи — «эмансипации плоти» и неограниченного расцвета человеческой личности.

3. *Предостережение*. Написано уже в 1829 г. попутно с работой Гейне над «Луккскими водами». Предполагалось, что стихотворение это будет введено в текст «Луккских вод», после главы VIII.

4. *Бывшему гетеанцу*. В рукописи названо: «К нему!» и датируется «Дьепп, 12 августа, год Божьей милостью 1832». Обращено к приятелю Гейне по Люнебургу Рудольфу Христиани, который стал тогда известен и в политическом мире своими радикальными выступлениями по вопросу о новой конституции Ганновера. Из Дьеппа 24 августа 1832 г. Гейне писал Маркелю: «Давно мне этого хотелось (послать письмо Маркелю. — Н. Б.), с тех пор как доктор Христиани стал Мирабо Люнебургской степи. Это шутка, которою господь бог хочет доказать мне, что он еще больший мастер иронии, чем я сам».

В своих собственных сочинениях Гейне изображает Гёте как самого смелого «языческого» писателя Германии, как реалиста и материалиста.

Гретхен и Клерхен — героини «Фауста» и «Эгмонта». Мастер и его женское окружение, танцовщица Миньон и актриса Филина, изображены в романе Гёте «Ученические годы Вильгельма Мейстера». *Оттилия* — героиня романа Гёте «Избирательное средство».

Гейне часто хвалил беспристрастие, с которым Гёте создавал женские типы в своих произведениях. См. «Романтическую школу» (т. VII нашего издания, стр. 191), где Гейне защищает Филину, Гретхен и Клерхен — героинь Гёте — от нападок бюргерских моралистов.

В этом стихотворении Гейне отмечает «гетеанство» как уже пройденную и относительно младшую ступень в истории бюргерской Германии: от вопросов философских, эстетических и этических немецкое бюргерство переходит к современной политической борьбе.

5. *Тайна*. В рукописи это стихотворение относилось к циклу «Кларисса».

6. *На прибытие Ночного Сторожа в Париж*. Это стихотворение вместе с 12, 14, 15 было вначале озаглавлено: «Черно-красно-золотые стихотворения». Этот маленький цикл 6 января 1842 г. Гейне отправил в редакцию «*Zeitung für die elegante Welt*». 13, 14, 15 были там опубликованы, но 6, изуродованное цензурой, так и не появилось. Тогда Гейне отправил стихи Кампе и издал 6 в виде листовки без заглавия с пометкой: «написано в этом году».

Стихотворение обращено к Францу Дингельштедту. В 1841 г. тот выпустил анонимно сборник лирики: «Песни космополитического ночного сторожа». Ночной сторож — поэтическая маска, простодушный герой, обходящий дозором городские улицы. Стихи в сборнике — наблюдения и размышления этого героя, взятого автором из городской бедноты. Дингельштедт довольно старательно воспроизводил в своей поэзии народный стиль

и народное мировоззрение. Хотя и поверхностно, но он коснулся в своей политической лирике и социальных вопросов. Сборник доставил Дингельштедту литературную славу.

В 1841 г. Дингельштедт побывал в Париже, где познакомился с Гейне (и с Гервегом). Подробности о Дингельштедте см. в комментарии к стихотворению XIX.

Гейне в этом стихотворении ведет диалог с Дингельштедтом, иронически поддерживая теорию о том, что Германия имеет свой особый путь развития, «развития изнутри», не нуждающегося в революционных потрясениях.

К строфе 4. Кёльнский собор был заложен в XIII столетии. В эпоху реформации архитектурные работы были приостановлены. Только в 1842 г., по инициативе прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, был торжественно основан союз для достройки собора (Domverein).

Король Баварский Людвиг I пожертвовал 5 витражей для южного нефа собора.

К строфе 5. Фридрих-Вильгельм III 22 мая 1813 г. обещал Пруссии конституцию с народным представительством. «Всякий знает, как в 1813 году Фридрих-Вильгельм III внушил прусскому народу красивыми словами и пышными обещаниями, что народ поведет против французов освободительную войну, между тем как дело в действительности шло о подавлении французской революции и о восстановлении старой монархии божьей милостью» (Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 388).

К строфе 7. См. комментарий к стихотворению «Наш флот».

К строфе 8. В 1841 г. Кампе издал 2-й том «Неаполитанских песен» Гофмана фон Фаллерслебена. Это послужило поводом к запрещению в декабре того же года распространения в Пруссии и всего издания Кампе.

7. *Тамбур-мажор*. Впервые было напечатано в «*Zeitung für die elegante Welt*», 1843, № 34. Неожиданная острая концовка стихотворения отсутствовала: напоминание Фрицу о том, что старик, быть может, приходится ему папашей.

9. *Генрих*. Первоначально стихотворение состояло из трех строф и было напечатано в журнале «*Der Zuschauer*», 1822, № 105, с таким примечанием:

«Григорий VII был одним из величайших людей. Любить его нельзя, но уважать его следует. Его отношения с Матильдой, как я их обрисовал, — являются вымыслом. Наш величайший историк (Иоганн фон Мюллер, 24 книги «Всеобщей истории», кн. 15, гл. 2) говорит: «Высокородная графиня, происходившая из рода Эсте, была душой предана ему. Клеветники приписывали это причине менее правдоподобной, чем та, которая имела место в действительности: графиня помнила об оскорблениях, нанесенных ее дому во времена ее юности отцом императора, и была убеждена, что преданность папе является для нее лучшим средством сохранить свое положение».

Впервые напечатано в «*Humoristische Blätter*», Ольденбург, 1843, № 22, под названием: «Последнее стихотворение

Генриха Гейне» и с авторским послесловием: «Эти стихи, которые я здесь вношу в альбом моего друга Андерсена, я сочинил 4 мая 1843 в Париже. Генрих Гейне». Г. Х. Андерсен — известный датский писатель-сказочник, с которым Гейне встречался в Париже.

11. *Новый госпиталь для сынов Израиля в Гамбурге*. Госпиталь основан в 1842 г. на средства Соломона Гейне, гамбургского банкира и благотворителя, дяди поэта.

12. *Georgu Herwegu*. Впервые напечатано в «Humoristische Blätter», 1844, № 21, под названием: «Генрих Гейне Георгу Гервегу. По поводу его высылки из Пруссии». Эпиграфом были поставлены слова из «Дон-Карлоса»: «Дайте нам свободу мысли, государь».

Георг Гервег, (1817—1875), герой этого и нескольких других стихотворений Гейне, был заметной фигурой в общественной и литературной жизни Германии 40-х годов.

Гервег впервые выдвинулся в немецко-швейцарской либеральной прессе как публицист и критик. В 1841 г. он печатает в Цюрихе «Стихи живого человека», успех которых по всей Германии был необычаен. Как политический поэт Гервег выступал с бодрыми, но достаточно неопределенными лозунгами свободы, приводившими бюргерство в энтузиазм. По своему направлению его стихи были родственны чисто политической радикальной программе Людвига Берне. Одно из стихотворений Гервега было обращено к королю прусскому.

В начале сороковых годов либеральные писатели очень быстро переходили в Германии на роль практических деятелей. Так случилось и с Гервегом — через несколько месяцев после появления «Стихов живого человека» поэт Гервег был уже в глазах немецкой публики первостепенным вождем и политическим пророком.

Именно практическое поприще Гервега имеет Гейне в виду в стихотворениях, посвященных ему.

Осенью 1842 года швейцарские радикалы направили Гервега в Германию для того, чтобы установить литературную связь с передовыми деятелями немецкой печати. Гервег побывал в Кельне, где познакомился с молодым Марксом и с кругом «Рейнской газеты», побывал в Дрездене, в Берлине, в Кенигсберге. Путешествие Гервега было триумфальным, — его встречали в немецких городах с шумным восторгом. Но самым заметным событием, вызвавшим более всего толков, оказалась аудиенция, полученная Гервегом у прусского короля. Королю захотелось разыграть красивый спектакль — дружеского свидания между монархом и республиканцем, и через лейб-медика Шейнлейна он позвал Гервега к себе. Очевидно, жесты короля произвели на Гервега впечатление. На прощанье король сказал Гервегу, что видит в нем «честного врага». За аудиенцией последовали события менее театрального характера. Прусское министерство воспретило студентам в Кенигсберге принимать какое-либо участие в чествовании Гервега. И, что еще важнее,

в Пруссии была заранее запрещена продажа предполагавшегося Гервегом журнала «Немецкий вестник из Швейцарии», для организации которого Гервег и совершил свою поездку.

19 декабря Гервег обратился к королю с жалобой на его министров. Письмо без ведома Гервега было опубликовано в «Лейпцигской всеобщей газете». Правительство ответило гromaми: — газету закрыли, закрыли и «Рейнскую газету» и другие издания радикалов. Гервегу велели уехать из Пруссии; он поспешно перебрался в Швейцарию. Так кончилось это «путешествие с факелами». Гервег и все германские либералы, рассчитывавшие на идиллическую «революцию сверху», получили наглядный урок.

Для Гейне Гервег был важен как типический носитель либеральных иллюзий, а эпизод между Гервегом и королем представлялся Гейне чрезвычайно знаменательным событием, раскрывающим всю тщету надежд на уступчивость самодержавной власти. К этому эпизоду, как и к самому Гервегу, Гейне возвращался в стихотворениях «Аудиенция» (1854), «Красные туфли» (1853), «Симплициссимус I» (1854) — (см. том III нашего издания. В настоящем томе см. «Георг Гервег», «К политическому поэту»).

Стихи 13, 14, 15 печатались в «Zeitung für die elegante Welt», 1842, № 19 — «Новые немецкие песни». Написаны в Париже в 1842 г.

16. *Оборотень*. Смысл этого стихотворения раскрывается в статье Маркса и Энгельса «Подвиги Гогенцоллернов», помещенной в «Новой Рейнской газете», в номере от 10 мая 1849 г. «Правительство господина фон Гогенцоллерна желает, повиديمому, в последние дни своего существования и существования прусского государства оправдать полностью старую репутацию прусского и гогенцоллернского имени.

Кто не знает гейневской характеристики:

Ребенок с тыквой-головой,
С усищами, с седой косой,
Чьи крепки длинные ручонки,
Велик живот, кишки же тонки,
Уродец подлинный...»

«Кто не знает вероломства, коварства, мошенничества с наслідствами, благодаря которым возвысилось то семейство капиталов, которое носит имя Гогенцоллернов?» (Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 387.)

17. *Китайский богдыхан*. Впервые напечатано в «Vorwärts», 1844, № 38. Герой этого стихотворения Фридрих-Вильгельм IV, король прусский, так называемый «король-романтик».

Фридрих-Вильгельм IV вступил на престол в 1840 г. Немецкая буржуазия ждала от него либерального поворота в политике; однако вскоре оказалось, что новый король нисколько не собирается отступать от политической системы своих пред-

пешественников. Король произносил эффектные речи, делал жесты, сыпал обещаниями, но Пруссия оставалась тем же неподвижным Китаем, с ее военно-бюрократическим режимом, произволом в гражданских делах и полным отсутствием политической свободы. Мало того, король по мере сил стремился к реставрации средневекового государства, более полной, чем это было доступно его предшественнику, королю Фридриху-Вильгельму III. Разумеется, дело шло только о внешних формах, о средневековой идеологии и фразеологии, так как никакая королевская власть не могла повернуть историю на давно пройденные пути. Дело шло о политических мечтаниях, о «поэтических грезах», по выражению Энгельса.

«... Фридрих-Вильгельм IV ухватился за все, что еще находил средневекового..... Само собой понятно, однако, что Фридрих-Вильгельм IV не собирался проводить осуществление христианского государства так далеко. Хотя он и верит, что призван восстановить истинно христианское государство, однако, по существу, он желает только теологической его видимости, блеска и мишуры, а не нужды, гнета, беспорядка и самоуничтожения христианского государства, словом, прикрашенного средневековья....» (Энгельс, Собр. соч., т. II, стр. 263).

Стихотворение Гейне разоблачает хвастливую и показную систему прусского короля, неспособного что-либо изменить в действительно порядке вещей. Старопрусское убожество сохраняется и среди романтического маскарада, а живые силы современного общества нельзя заговорить никакими реакционными заклинаниями.

К строфе 4. Указание на Шеллинга. В 1841 г. король пригласил Шеллинга в Берлинский университет. Мистическую философию позднего Шеллинга прусское правительство желало противопоставить влиянию Гегеля и школы Гегеля, господствовавшей в Берлине и казавшейся прусскому правительству чересчур радикальной.

К строфе 7. *Кельнский собор*. Во французском издании: «Собор в Пекине, этот каменный шедевр старой китайщины, как бы по волшебному мановению дотраивается. Последние евреи устремляются в эту романтическую пагоду, чтобы там принять крещение. И чтобы вознаградить их религиозное усердие, я всем им жалую орден черного дракона четвертого класса».

Орден дракона — указание на «Орден лебедя», торжественно восстановленный королем к Рождеству 1843 г.

К строфе 10. Во французском издании: «И еще стакан, и еще стакан! Не до того мне, чтобы щадить свое здоровье, если дело идет о благе всего Китая. Я пью, и мои китайцы счастливы. Они смеются и танцуют от радости и поют: *Heil dir im Siegerkranz, Retter des Vaterlands!*»

18. *Церковный советник Прометей*. Впервые напечатано в «Vorwärts», 1844, № 50. Гейдельбергский теолог профессор Паулус, «шеф рационалистов», как его называл Гейне, в 1843 г., по

собственному почину, опубликовал берлинские лекции Шеллинга о мифологии и откровении. К этому изданию Паулус присоединил собственные полемические замечания. Шеллинг привлёк Паулуса к суду за публикацию без разрешения автора, но Паулус берлинским судом был оправдан.

19. *К Ночному Сторожу*. Впервые напечатано в «Vorwärts», 1844, № 45.

Франц Дингельштедт (1814—1881) был типичным деятелем бюргерской оппозиции. По своему началу биография его очень скромная — до 1841 г. он был учителем в провинциальных гимназиях. Успех «Ночного Сторожа» он использовал не столько в интересах освободительного движения в Германии, сколько в собственных интересах. Слава политического поэта позволила ему в известном смысле принудить немецкое правительство к капитуляции — взять к себе на службу опасного человека. Запугивание власти через прессу нередко являлось верным средством для большой чиновничьей карьеры. С 1843 г. судьба Дингельштедта меняется — он становится гофратом у короля вюртембергского и с тех пор быстро поднимается по лестнице чинов и должностей. В 1844 г. женится на знаменитой певице Дженни Лютцер и ведёт вместе с нею блестящую жизнь. В 1846 г. Дингельштедт — один из заправил штутгартского театра, а в 1848 г. разделяет страх привилегированных сословий перед революцией. В дальнейшем Дингельштедт директор мюнхенского театра, затем директор венских театров, всемогущий театальный самодержец в Германии. Он умирает в дворянском звании, осыпанный официальными почестями.

Карьера Дингельштедта очень интёресовала Гейне. Он посвятил ей ещё два стихотворения в «Романсеро» (см. книгу «Ламентаций»). Стихотворение непосредственно вызвано событиями 1843 г., когда Дингельштедт поступил на службу к вюртембергскому королю. Либералы подняли чрезвычайный шум, обвиняя Дингельштедта в «измене». Гейне не слишком доверял искренности и принципиальности обвинителей Дингельштедта, — очевидно, этим объясняется относительно дружеский тон в его обращениях к «изменнику».

20. *Успокоение*. Впервые — в «Vorwärts», 1844, № 44, под названием: «К успокоению. Немцам князьям».

21. *Мир навыворот*. Впервые — в «Vorwärts», 1844, № 50. Стихотворение скептическое, полное недоверия к энтузиазму либеральной оппозиции и к ожидаемой политической «весне».

К строфе 3. *Геринг* — фамилия писателя, писавшего под псевдонимом Вилибальд Алексис. Это автор исторических романов патристически-прусского направления, в 1843 г. он тоже не избежал общей участи и претерпел немало гонений и от прусской цензуры и от самого короля прусского.

Беттина Арним-Брентано в 1843 г. опубликовала свою девичью переписку с Гёте «Переписка Гёте с ребенком» — книгу, в которой, по мнению современников, было больше поэтического вымысла, чем правды. Что же касается последнего сочинения Беттины —

«Эта книга принадлежит королю» (1843), то здесь Гейне готов увидеть именно правду: «королевская книга» Беттины изображала бедственное положение народа и была не лишена смелых мыслей».

Автор «Кота в сапогах» (1797 г.) — стареющий Людвиг Тик, бывший романтик, принадлежал к числу людей, которыми прусский король хотел окружить себя в Берлине. Он всегда стоял близко к театральной жизни немецких столиц и содействовал в 1842 г. постановке «Антигоны» на берлинской сцене.

Масман Ганс Фердинанд (1797—1874) — профессор филологии, националист и тевтономан, враг современной цивилизации, основатель гимнастических обществ, объединявших реакционную немецкую молодежь.

К строфе 6. По выходе в свет второй части книги Гервега «Стихи живого человека» официальная «Прусская всеобщая газета», № 140 за 1844 г., поместила злобную рецензию на ее автора. Гервег здесь трактовался как сумасшедший, как сомнамбулический субъект. Газета предлагала проект надгробной надписи: «G. Herwegh, Suicida, Parricida» («Г. Гервег, самоубийца, отцеубийца»). Статья прусской газеты была полностью воспроизведена в «Vorwärts», 1844, № 43.

К строфе 7. *Темловский холм* — вблизи Берлина.

22 и 23. Впервые — в «Vorwärts», 1844, № 59.

24. *Ночные мысли*. Впервые — в «Zeitung für die elegante Welt», 1843, № 32.

В первом издании «Новых стихотворений» за 25 следовала поэма «Германия»,

25. *Гимн*. Впервые — в «Zeitung für die elegante Welt», 1842, № 11. Написано в эпоху, когда между Францией и Германией существовали напряженные отношения и Тьер настаивал на объявлении войны Германии.

28. *Георгу Гервегу*. Самое раннее из стихотворений Гейне, обращенных к Гервегу. Написано зимой 1841 г., когда Гервег находился в Париже. Гейне сам вручил Гервегу это стихотворение.

30. *К политическому поэту*. Написано в 1843 году и, очевидно, обращено к Гервегу.

К строфе 2. «*Мастер форм*» Гервег, поклонник поэзии графа Платена, изощренного версификатора, сам тоже стремился к усложненным поэтическим формам. Сонет был одним из излюбленных стихотворных жанров Гервега.

31. *Песни хвалебные королю Людвигу*. Написаны в 1843 г., впервые напечатаны в «Немецко-французских летописях», 1844, издававшихся под редакцией Маркса и Руге.

Король Людвиг I баварский (1786—1868) — одна из наиболее заметных фигур среди монархов тогдашней Германии. В юности сражался в войсках Наполеона против Пруссии и России, но уже тогда был настроен против французов. Вначале отличался либерализмом, впрочем, довольно поверхностным и показным. Вступив на престол в 1825 г., сохранил баварскую конституцию, в свое

время принятую по его же настоянию. Щедро издавал либеральные указы: отменил эдикт о цензуре, сократил военные расходы государства и пр. В 1826 г. основал университет в Мюнхене, пригласил для преподавания известных деятелей, среди них были Шеллинг, Окен, Геррес, Шуберт.

Но с 1830 г., напуганный июльской революцией, король круто изменил свою политику. Начались гонения против либералов и демократов. Опору Людвиг искал в католической церкви и подчинил все свое государство власти католических попов и клерикалов. Бавария стала одним из самых реакционных государств тогдашней Германии, соперничая в этом отношении с меттерниховской Австрией, — а в ранний свой период Людвиг кичился своей оппозицией Меттерниху и его режиму.

В 1848 г. Людвиг был свергнут с престола революцией.

I. К строфе 2. Король Людвиг стяжал репутацию покровителя искусств. Постоянно окружал себя антикварами и художниками, тратил значительные государственные средства на покупку художественных вещей, приобретение картин и статуй, археологические раскопки. «Греческие черепки» и прочие пристрастия короля обходились довольно дорого его подданным, страдавшим от налогового бремени. В самом Мюнхене король непрестанно возводил новые постройки, желая превратить свою столицу в «немецкие Афины».

К строфам 3, 4, 5, 6. Одна из самых грандиозных затей короля Людвиг — здание Валгаллы, воздвигнутое по проекту архитектора Кленце. Постройка Валгаллы была закончена в 1841 г. Это было безвкусное сооружение — античное по архитектурным формам и «германское» по духу. Храм должен был прославлять немецкие победы над Наполеоном. Передний фасад украшала колоссальная фигура освобожденной Германии, задний фасад — скульптура Армия с его херусками, поражающими римлян. Во внутренних покоях «Валгаллы» находились 163 бюста великих людей Германии.

Сам король написал книгу «Валгалльское братство» — пояснения к мраморным бюстам.

Особой демонстрацией со стороны католического короля было то обстоятельство, что ни Лютер, ни другие деятели Реформации в братство Валгаллы не попали.

Людвиг I притязал и на поэтическую славу — он был автором сборника стихотворений в вычурно архаическом стиле.

К строфе 7. Король Людвиг считал нужным поддерживать борьбу греков за освобождение, — здесь он любил ссылаться не только на мотивы политические, но и на мотивы эстетического порядка: королю-поэту и меценату подобало покровительствовать потомкам древней Эллады. В 1833 г. этот «заслуженнейший из эллинофилов» посадил своего сына Отто на греческий престол. Отто был малолетним, и от его имени Грецией управлял регент.

II. К строфе 2. Когда после революции 1830 г. Людвиг изменил своей политике и «немецкие Афины» стали пустеть, художник

Корнелиус, философ Окен, филолог Фальмайер и другие покинули Мюнхен, Шеллинг с 1841 г. перешел в берлинский университет.

К строфе 3. Масман с 1842 г. тоже переселился в Берлин.

К строфе 6. *Август Цейне* — по специальности географ, был известен также как ревнитель изучения старонемецких литературных памятников.

К строфе 8. *«Шурин»* — король Пруссии, Фридрих-Вильгельм IV.

К строфе 9. *Рюккерт* — поэт и ученый ориенталист, был с 1842 г. приглашен прусским королем в берлинский университет на должность переводчика.

32. *Силезские ткачи*. Впервые — в «Vorwärts», 1844, № 55 (10 июня). В предыдущем номере «Vorwärts» была помещена статья, описывающая восстание силезских ткачей в июне 1844 г.; возможно, что под впечатлением этой статьи Гейне и написал свои знаменитые стихи.

Самое замечательное, что Гейне оказался одним из тех немногих писателей Германии, которые сразу же были способны оценить историческое значение силезского восстания. Арнольд Руге в том же «Vorwärts» высказался пренебрежительно о восстании силезских ткачей, рассматривая его как простой голодный бунт, ограниченное местное событие, лишенное широкого политического значения. Маркс в газете «Vorwärts» дал 31-го июля 1844 г. решительную отповедь: ...«ни одно из французских и английских восстаний не носило такого *теоретического и сознательного* характера, как восстание силезских ткачей. Прежде всего, вспомните *«Песню ткачей»*, этот смелый *боевой клич*, где ни разу не упоминается об очаге, фабрике, округе, но зато пролетариат резко, ясно, беспощадно и властно заявляет во всеуслышание о своей противоположности обществу частной собственности. Силезское восстание *начинается* как раз тем, чем французские и английские восстания *кончатся*, — сознанием сущности пролетариата» (Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа», Соч., т. III, стр. 15.).

Следует отметить, что Энгельс перевел «Силезских ткачей» на английский язык и напечатал свой перевод в газете Оуэна «New Moral World», 1844.

33. *Новый Александр*. Впервые — в «Vorwärts», 1844, № 48. Сатира на Фридриха-Вильгельма IV. Для всего стихотворения см. выше комментарий к «Китайскому богдыхану».

I. К строфе 2. *«Историческая школа»* — группа немецких теоретиков права и государства, проводивших идеи феодальной реставрации. См. у Энгельса: «Будучи одним из основателей и главных сотрудников берлинской «*Politisches Wochenblatt*», так называемой «*исторической школы*» (школы, жившей идеями Бонапарта, де Местра и других писателей первого поколения французских легитимистов), он (Фридрих-Вильгельм IV) стремился к восстановлению господствующего положения дворянства» (Соч., т. VI, стр. 27).

III. К строфе 1 и след. *«Наставник мой, Аристотель мой»*, — Жан-Пьер Ансильон. Вначале проповедник французской колонии

в Берлине, затем руководитель внешней политики при Фридрихе-Вильгельме III и воспитатель его сына, будущего короля Фридриха-Вильгельма IV. Свою политическую систему Ансильон изложил в книге: «О примирении противоречий во мнениях», 1828, — здесь указывались способы борьбы с революцией, рекомендовался средний путь реформ, совмещающих либерализм со строжайшим принципом монархии. Фридрих-Вильгельм IV в своей практической политике был последователем Ансильона. Гейне подчеркивает эклектизм и абсурдность этой политики. Ср. у Фрейлиграта стихотворение «Ученик Ансильона».

К строфе 5. «В любви к *Софоклу* и *кнутому*» — Гейне говорит о влиянии русского самодержавия на политику Пруссии и о рабском поклонении Фридриха-Вильгельма IV императору Николаю I.

34. *Романская сага*. Впервые — в «*Pariser Noren*», 1847, майский номер — генеалогия Фридриха-Вильгельма IV.

35. *Наш флот*. Написано в 1844 г. Первая публикация неизвестна.

Герверг в 1841 г. выступил к юбилею ганзейского союза со стихотворением «Немецкий флот» (см. II том «Стихов живого человека»). Герверг прославлял могучую единую Германию, стоящую во главе европейских государств: «Над бороздами, которые проложил на морях некогда Колумб, восходит будущность Германии. Я, немецкий аргонавт, стою, прислонившись к мачте, и вместе с лирой моей участвую в походе за всемирным золотым руном».

С еще более шумной патриотической декларацией выступил Фрейлиграт — стихотворение «Два флага» (апрель, 1844) и шесть сонетов «Мечты о флоте» (июль, 1843).

Гейне презрительно относился к завоевательным мечтам немцев, не умеющих внутри своей страны добиться свободы. Мечтания о собственном флоте и господстве на море осмеяны им в стихотворении «На прибытие Ночного сторожа в Париж», — см. выше, предпоследняя строфа. Гейне здесь говорит, что военный флот превратился в добавочную силу для немецких деспотических правительств, что не в крепость станут теперь сажать князя своих мятежных подданных, а на весла каторжной галеры. К тому же воинственные замыслы, ведущие к материальной и политической славе Германии, представлялись ему не более как очередной химерой.

Стихотворение «Наш флот» в основном пародирует сонеты Фрейлиграта. Фрейлиграт видит перед собой духовным оком будущие корабли и раздает им громкие немецкие имена: корабль с шестнадцатью пушками с золотой надписью «Ардт», корвет «Королева Луиза», трехмачтовый «Старый Фриц», боевой катер «Доктор Лютер», затем «Александр Гумбольдт», «Гёте», «Шиллер».

Гейне, пародируя Фрейлиграта, называет эти «корабли будущего» именами второстепенных поэтов швабской школы — Майера, Кёлле и Пфицера, или не очень почтенными, на взгляд

Гейне, именами политических поэтов Прутца и Гофмана фон Фаллерслебена. Вместо катера «Доктор Лютер» появляется катер имени самого Фрейлиграта, и тут же мимоходом осмеяно стихотворение этого поэта о «мавританском царе». Наконец, одна из бригаантии названа именем ничтожной драматической писательницы Бирх-Пфейфер.

36. *Торжественная кантата*. Сатира на знаменитого оперного композитора Джакомо Мейербера. Гейне однажды назвал Мейербера «капельмейстером собственной славы». Таким Мейербер и изображен в этом стихотворении.

37. *Михель после марта*. Написано в 1850 г. Впервые — во франкфуртском «Альманахе муз» на 1851 г. «*Михель после марта*» — Германия после революции 1848 г. *Михель* — нарицательное имя немецкого обывателя.

ДОПОЛНЕНИЯ К ЦИКЛАМ ИЗ СБОРНИКА НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

В этот раздел нашего тома включены некоторые стихотворения, по разным причинам исключенные Гейне или его издателями из соответствующих циклов «Новых стихотворений».

«Анжелика», «Кларисса», «Иоланта и Мария», «Китти» относятся к женским циклам из отдела «Новые стихотворения».

Цикл «Китти» целиком самим Гейне не опубликовывался. При жизни поэта появлялись — как отдельные стихи — в печати: 1—В 1847 г., 2—1835 г., 3—1847 г., 7—1835 г., 8—1835 г. Остальное опубликовано после смерти Гейне.

Стихотворения цикла «Китти» были написаны в 1834 г. 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 вместе с 4, 5, 8 из цикла «Катарина», 5 — из цикла «Анжелика» и 3 — из цикла «Гортензия» предназначались как стихотворный текст для композитора Фердинанда Гиллера.

Порядок следования стихов в цикле «Китти» самим Гейне не установлен. Мы даем этот цикл в тематической последовательности.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1828 — 1850 гг.

Здесь мы даем все остальные стихотворения, написанные между «Книгой песен» и «Романсеро» и стоящие вне каких-либо циклов. Мы даем эти стихи в хронологическом порядке.

1 8 2 8

2. К *Девичнику*. Очевидно, эти стихотворения написаны поздним летом 1828 г., когда Гейне получил известие, что кузина Тереза вышла замуж за Адольфа фон Галле. В рукописи перед этим маленьким циклом стоит, как и у нас, стихотворение «Сердца людские рвутся».

1 8 3 0

4. *Очи смертные светила*. Итальянскую песнь «Occhie stelle mortale» Гейне цитирует в «Луккских водах».

1 8 3 3

2. *Женни*. См. письмо Гейне к Генриху Лаубе от 23 ноября 1835 года. Гейне просит не ставить под этим стихотворением его имени: «Я чувствую, что его естественность доходит до карикатуры. Это была попытка ввести в стихи даты и годы» (т. XI нашего издания, стр. 289. В подлиннике сказано: «в 1817 г.». Переводчик не сохранил даты и заменил строкой: «Я встретил девушку когда-то»).

1 8 3 8

Эдуарду Г. — очевидно, обращение к Эдуарду Гренье. Гренье, будучи еще студентом, переводил стихи и прозу Гейне на французский язык. Когда Гренье отправился путешествовать по Германии, Гейне дал ему рекомендательные письма к Густаву Гейне и к Фарнгагену. При Наполеоне III Гренье занимал дипломатические должности.

Очевидно, в последние годы жизни Гейне резко разошелся с Гренье.

1 8 4 4

2. *К дочери возлюбленной*. В рукописи озаглавлено: «В альбом Елизаветы Фридлендер» и датировано: «Гамбург, 5 сентября 1844 года.»

Е. Фридлендер — шестилетняя дочь кузины Амалии, с которой Гейне снова встретился в 1844 году в Гамбурге.

К последним строкам: *Господин Лузиньян* — герой народной книги XV века «О Мелузине». Лузиньян нарушает договор и подсматривает за своей женой Мелузиной, когда она купается. Он узнает, что у Мелузины змеиный хвост.

1 8 5 0

7. *Избавитель*. В книге Тьерри «История завоевания Англии норманнами» Гейне нашел этот рассказ о Генрихе II Плантагенете (1133—1189). Покоренные саксы верили в возвращение короля Артура, который их освободил бы от ига завоевателей. Для того, чтобы уничтожить эти надежды на сказочного Артура, Генрих II распространил слух, будто его слуги нашли могилу Артура в одном из монастырей Пенброка.

Книгой Тьерри Гейне пользовался и для своей баллады «Битва при Гастингсе» (см. «Романсеро»).

Н. Берковский.

АТТА ТРОЛЬ

Сатирическая поэма «Атта Троль» относится к 40-м гг., когда мучительно противоречиво складывалось новое мировоззрение Гейне. Он рассматривался с надклассовыми иллюзиями буржуазного демократизма, чувствуя, что будущее человечества лежит на путях социализма и коммунизма. Живя в Париже, Гейне не мог не замечать роста рабочего движения. Он посещал фабричные предместья и интересовался идеями и чувствами французских рабочих. Поэт видел, что строй финансовой олигархии не может удержаться. Но он боялся, что на смену бирже и золотому тельцу придет грубый эгалитарный демократизм. Гейне опасался примитивного равенства и гибели цивилизации. Мучительные колебания, охватившие Гейне в ту пору, нашли свое отражение в его поэме «Атта Троль», где он высмеял тенденциозных ханжей, узколобых радикалов, всех тех, кто хотел установить «равенство и братство божьих тварей, без различия веры, запаха и шкуры» («Атта Троль», глава VI).

Острые памфлета «Атта Троль» обращено против «тенденциозной поэзии», молодой политической лирики, народившейся в Германии в 40-х гг. Гейне был раздражен расплывчатостью политических идеалов и настроений буржуазных радикалов. Он требовал от политической поэзии конкретности и сам не мог действовать, не нанося удара определенным лицам и явлениям.

Памфлет «Атта Троль» направлен не только против узколобых буржуазных радикалов, но и против «тевтономанов» — реакционных немецких националистов — и против швабской школы поэтов.

В 40-х гг. отношения между Гейне и немецкими эмигрантами — буржуазными либералами и радикалами — чрезвычайно обострились. Эмигранты, жившие в Париже, травили поэта, обвиняя его в равнодушии к пропагандистской работе, которую вел «Союз изгнанников» во главе с Теодором Шустером и Якобом Венедеем, ядовито осмеянным Гейне под именем Кобеса I.

В июне 1841 г. Генрих Гейне вместе с женой Матильдой отдыхал на курорте Котерс, в чрезвычайно живописной местности. Он наслаждался величавым спокойствием природы, стараясь забыть тяготы парижской жизни: травлю врагов справа и слева, материальные затруднения, тяжелые головные боли, которыми он страдал в то время.

7 июля Гейне посетил Ронсевальскую долину, прославленную в старофранцузском эпосе «Песнь о Роланде». Романтическая местность вызвала в памяти Гейне отдаленное историческое событие VIII века и навела его на некоторые мысли и ассоциации.

8 июля он пишет Кольбу: «Вчера я был в долине Ронсевалия и вспомнил о Роланде. Его крик о помощи не достиг, к сожалению, слуха императора Карла, — да постигнет мой призыв лучшая участь и да поддержит меня дружески редакция «Всеобщей газеты» (т. XI настоящего издания, стр. 438).

Поэт черпал новые силы в впечатлениях от окружающей величественной природы. «Под моими окнами по обломкам скал стремится дикий горный поток le Gave, его вечный шум убаюкивает мысли и будит самые нежные чувства. Природа здесь изумительно прекрасна и возвышенна. Высокие до небес горы, которые окружают меня, так спокойны, так бесстрастны, так счастливы! Им никакого дела нет до наших повседневных нужд и партийной борьбы; они почти оскорбляют нас своим страшным бесчувствием. Но, может быть, это только их неподвижная внешность. Может быть, в глубине они питают жалость к страданиям и слабостям людей и, когда мы больны и несчастны, они открывают свои каменные жилы, из которых к нам струится жаркая целительная сила» (т. XI, стр. 434).

Мрачные леса, глубокие ущелья, шум водопадов образуют красочный пейзаж для сатирической поэмы Гейне.

Непосредственным поводом к созданию образа плясуна-медведя Атта Троль послужила медвежья охота, в которой Гейне участвовал во время пребывания в Котерэ. Подзаголовок к поэме «Сон в летнюю ночь» как бы оправдывает хаотичность композиции и рыхлость сюжета (погоня за сбежавшим медведем).

Повидимому, Гейне задумал свою поэму еще во время пребывания в Котерэ, так как принялся за нее тотчас же по возвращении в Париж. Весной 1842 г. он предложил издателю Котта поместить поэму в своей «Утренней газете».

Котта ответил согласием, но рукопись все еще не была готова: поэт вносил в нее много переделок и дополнений. Даже имя главного героя менялось, в первых вариантах он назывался «Труль» или «Трулло». Поэт Дингельштедт писал Гейне в июне 1842 г.: «Мне бы хотелось, чтобы ваш Трулло протанцевал передо мной раньше, чем перед бароном Котта».

В октябре 1842 г. Гейне потребовал, чтобы Пфигер, редактор отдела поэзии в «Утренней газете», не имел к его поэме никакого касательства. Сам Пфигер весело осмеял Гейне в главе XXII его поэмы.

Требование Гейне было, повидимому, невыполнимо, и он отдал поэму своему другу Генриху Лаубе, который поместил ее в «*Zeitung für die elegante Welt*». «Атта Троль» печатался в этом издании в течение января — марта 1843 г. Гейне работал над текстом поэмы до «самой последней минуты».

По совету Лаубе, Гейне в первой главе выбросил несколько строф, где намечено было развитие сюжета поэмы. Строки, обращенные к Фарнгагену фон Энзе в финале второй главы, по указанию Лаубе, составили заключительную, 27-ю главу «Атта Троля».

В конце 1842 г. и в начале 1843 г. Гейне продолжал работать над текстом «Атта Троль». Такой тщательной правки отдельных строк и выражений, как в «Атта Троль», больше нигде у Гейне не встретишь. Сугубо полемический характер поэмы также требовал все новых изменений в зависимости от споров о «тенденциозной поэзии»,

В 1844 г. встал вопрос о включении поэмы в сборник «Новые стихотворения», и Гейне пожелал чуть ли не заново переработать «Атта Троля»; хотел даже снова поехать в Котерэ, где у него возник замысел поэмы. Однако поездка не состоялась, Гейне отложил отделку поэмы, и только в 1847 г. Кампе издал «Атта Троль» отдельной книгой.

В оправдание своей длительной работы над этой поэмой Гейне писал: «Эпические поэмы необходимо неоднократно перерабатывать. Сколько раз исправлял Ариосто, сколько — Тассо!»

Гейне воспользовался в «Атта Троле» хореическим размером, который он считал самым подходящим для поэмы шуточно-серьезного жанра.

Еще в апреле 1830 г. Гейне в письме к Иммерману, делая подробный разбор его героико-сатирического эпоса «Тулифентхен», говорит, что «тяжелые хорей хорошо звучат для выражения комической патетики». Гейне советует Иммерману стремиться к простому сказочно-эпическому языку, причем указывает, что эпос должен быть рассчитан не только на читателя, который видит знаки препинания, но и на слушателя, а это обязывает точно соблюдать ритм и музыкальность.

Уже после выхода «Атта Троль» Гейне писал Генриху Лаубе, что он намеревался «возродить старую романтику, которую хотят насмерть забить дубиной». Поэт четко охарактеризовал эту романтику: она «не в мягкой, музыкальной манере старой школы, а в предельно дерзкой форме современного юмора, который может и должен воспринять в себя все элементы прошлого. Однако элемент романтики, возможно, слишком ненавиден нашей эпохой. В нашей литературе он уже закатился, и в поэме, которую я вам посылаю, романтическая муза, быть может, навсегда прощается со старой Германией!» (т. XI, стр. 455).

Впоследствии, в 1846 г., Гейне подчеркивал, что «Атта Троль» «лебединая песнь умирающей эпохи».

Эпиграф взят из раннего произведения Фрейлиграта «Мавританский король», написанного в романтическом духе.

Г л а в а 1

Строфа 1. *Котерэ* — курорт в Пиренеях.

Строфа 6. «Grande Chaumière» — увеселительное заведение в Париже, в квартале Монпарнас.

Строфа 11. *Дон-Карлос* — младший брат испанского короля Фердинанда VII. После смерти короля (1833) между его вдовой, Марией-Христиной, и Дон-Карлосом возникла длительная борьба за престол. Королева опиралась на либералов, Дон-Карлос — на клерикалов. Дон-Карлос был побежден, войска его разбиты, и в 1839 г. ему пришлось бежать во Францию.

Строфа 13. *Пан Шнаппанский* (от французского слова «che-papap» — бездельник) — имеется в виду князь Феликс Лих-

новский, служивший сперва в Пруссии, потом в Испании, в войсках Дон-Карлоса. Вернувшись из Испании, опубликовал в 1841 г. «Воспоминания о гражданской войне в Испании 1837—1839 гг.». Был убит во Франкфурте в дни революции 1848 г. После его смерти появился сатирический роман Георга Веерта в 1849 г. «Жизнь и деяния знаменитого рыцаря Шнаппанского». Веерт (1822—1856) — революционный поэт и журналист, друг Маркса и Энгельса.

Строфа 19, строка 2. *Джульетта* — подразумевается жена Гейне Матильда, которую он иногда в шутку называл Джульеттой, так как его приятельница, м-м Жюбер, называла его Ромео.

Г л а в а 2

Строфа 11. *Донья Муньос*. — Вскоре после смерти короля Фердинанда VII Мария-Христина вышла замуж за одного из его лейб-гвардейцев — Фернандо Муньоса.

Г л а в а 4

Строфа 1. *Голубой цветок* — у немецких романтиков символ неясного стремления человека к возвышенному и бесконечному. (См. роман Новалиса «Генрих фон Офтердинген».)

Строфа 11. *Масман*. — См. прим. на стр. 392.

Строфа 17. *Лаэртид* — сын Лаэрта, Одиссей, царь Итаки, воспетый Гомером в поэме «Одиссея».

Г л а в а 5

Строфа 19. *Раумер* Фридрих фон (1781—1873) — немецкий историк, посредственный ученый, отличавшийся умеренно-либеральными взглядами, неоднократно подвергался резкой сатире Гейне.

Г л а в а 6

Строфа 16. «*Только танцы на базарах запретим еврейской расе*». — Разъясняя значение этих строк, Гейне говорил своей приятельнице Фанни Левальд, что встретил в Геттингене одного «рассудительного и либерального человека — аптекаря», который «был того мнения, что евреев можно допустить ко всякому делу, за исключением аптек».

Г л а в а 8

Строфа 7. *Правнуки Туискиона* (Туиско-Туисто) — древнегерманское божество, которое изображалось в виде медведя.

Строфа 8. ...«берегись Бауэра и Фейербаха». — Бруно Бауэр (1809—1882), философ, левый гегельянец, был известен своими вольнодумными сочинениями по истории христианства: «Критика Евангелия от Иоанна» (1841), «Критика синоптиков» (1841—1842), где евангельские повествования разоблачались им как тенденциозный вымысел.

Знаменитый философ-материалист Людвиг Фейербах (1804—1872) выпустил уже в 1841 г. свое главное сочинение «Сущность христианства», обосновывавшее атеизм и материализм. Атта Троль предостерегает свое потомство против Бауэра и Фейербаха, носителей безверия.

Г л а в а 9

Строфа 1. *Фрейлиграт* Фердинанд (1810—1876) — см. прим. к эпиграфу.

Строфа 4. *Изегрим* — в немецком народном эпосе «Изегрим» — (сварливый) прозвище волка.

Строфа 8. *Мозес (Моисей) Мендельсон* (1729—1786) — немецкий философ эпохи Просвещения, друг Лессинга. Гейне нападает здесь на его внука, Феликса Мендельсона-Бартольди (1809—1847), известного композитора, который принял христианство. Гейне обвинял его в том, что он стыдился своего еврейского происхождения.

Г л а в а 10

Строфа 3. *Друиды* — жрецы у древних кельтов.

Строфа 16. Ганнибал-Барка (247—183 до н. э.) — знаменитый карфагенский полководец. В девятилетнем возрасте он поклялся своему отцу, царю Карфагена Гамилькару, в вечной ненависти к римлянам, которые угнетали Карфаген.

Г л а в а 11

Строфа 15. *Ollea potrida* — см. прим. выше, стр. 384.

Строфа 16. *Гарбанцос* — кушанье испанских бедняков — клецки из гороховой муки.

Г л а в а 12

Строфа 9. *Озеро de Gaube* — находится высоко в Пиренеях, к югу от Ротерэ. В озере водится много форели.

Строфа 16. *Мумме* — черное сладковатое пиво, которым славились Брауншвейг (Германия). Название свое получило по имени Христиана Мумме, который первый изготовил его (в конце XV в.).

Глава 14

Строфа 12. Жирофлино-Жирофлетте — припев, очень распространенный во французских детских песенках; припев чисто фонетический, потерявший какой-либо определенный смысл. Этот припев известен также и в Пиренеях, как указывает исследователь Гейне Ж. Легра.

Глава 15

Строфа 9. *Каготы* — остатки первобытного племени в Южной Франции и Северной Испании. Соседи их, баски, жившие в горах на границе Франции и Испании, относились к ним враждебно.

Строфа 10. *Баньер* — излюбленный французский курорт в Пиренеях, недалеко от города Тарб.

Глава 18

Строфа 6. *Нимерод Ассирийский* — легендарный царь Ассирии-Вавилонии. В библии о нем сказано: «Великий охотник перед богом».

Строфа 6. *Карл X* (1824—1830) — последний французский король из рода Бурбонов. Был свергнут Июльской революцией (1830).

Строфа 9. *Огье-Датчанин* — один из рыцарей императора Карла Великого.

Строфа 10. *Вольфганг* — имеется в виду Вольфганг Гёте (1749—1832).

Строфа 11. *Генгстенберг* Эрнст-Вильгельм (1802—1869) — немецкий профессор теологии, крайний реакционер.

Строфа 12. *Вильям* — имеется в виду Вильям Шекспир (1564—1616).

Строфа 16. *Горн Франц* (1781—1837) — немецкий литературный критик, исследователь Шекспира, автор труда «Драмы Шекспира», чересчур пространного (5 томов) и болтливой.

Глава 19

Строфа 6. *Актеон* — герой древнегреческого мифа. Неосторожно похвастал, что видел девственную богиню Диану купающейся в источнике. Разгневанная богиня плеснула ему воды в лицо и превратила в оленя, которого растерзали ее же собаки.

Строфа 11. *Абунда* — фея изобилия в скандинавских сагах.

Строфа 12. *Грёз* Жан-Батист (1726—1805) — известный французский художник, прославившийся изображением трогательно-сентиментальных и наивных женских «головок».

Строфа 21. *Королева Иудеи* — по евангелию жена иудейского царя Ирода, Иродиада, разгневавшись на Иоанна Крестителя, потребовала, чтобы его обезглавили.

Г л а в а 20

Строфа 10. *Романья* — область в Северной Италии.

Строфа 12. *Авалун* — мифический остров в океане, обиталище фей.

Строфа 18. *Ерушалаим (древнеевр.)* — Иерусалим.

Г л а в а 21

Строфа 8. *Эспадрили* — испанская обувь, род сандалий.

Строфа 10. *Тридцать шесть монархов*. — Германия распадалась на тридцать шесть отдельных мелких княжеств.

Строфа 26. «Robert le Diable» — опера Мейербергера «Роберт-Дьявол».

Г л а в а 22

Строфа 8. «*О, поэт я бедный, швабский*». — Гейне издевается над провинциально-мещанской «швабской школой» в поэзии, которую возглавлял Людвиг Уланд. Особенно задетые здесь Карл Майер и Густав Пфицер были поэтами этой же школы.

Строфа 12. *Штуккерт* — швабское название города Штутгарта, где находился центр «швабской школы» поэтов.

Строфа 16. *Келле* Кристоф-Фридрих фон (1781—1848) — поэт «швабской школы», дипломат, советник вюртембергского правительства.

Строфа 20. *Кернер* Юстиниус — писатель и поэт-мистик, доказывавший связь мира действительности с миром духов.

Г л а в а 23

Строфа 11. *Дон Больдомеро Эспартеро* (1792—1879) — испанский полководец, сражавшийся на стороне королевы Марии-Христины во время ее борьбы с Дон-Карлосом. Одержал ряд побед над карлистами.

Строфа 15. *Одоардо* — герой драмы Лессинга «Эмилия Галотти», убивает Эмилию, дочь свою, чтобы спасти ее от бесчестия.

Строфа 17 пародирует сцену из V акта «Эмилии Галотти»: «Роза сорвана раньше, чем буря истрепала ее».

Г л а в а 24

Строфа 2. *Ганелон* — приближенный императора Карла Великого, предательски погубивший Роланда.

Строфа 12. «*Не талант, зато характер*». — Немецкие радикалы, травившие Гейне, кричали, что он «талант, но не характер». Гейне пародирует здесь эту фразу.

Г л а в а 25

Строфа 2. *Дебора* — библейская пророчица.

Строфа 7. *Луи-Филипп* — стал французским королем после революции 1830 г. Свергнут революцией 1848 г.

Строфа 9. *Лафайет* Мари-Жозеф (1757—1834) — известный французский политический деятель, участник революции 1789 и 1830 гг. Принимал также участие в освободительной борьбе США.

Г л а в а 26

Строфа 13. *Мавер из Фрейлиграта* — см. прим. к эпиграфу.

Г л а в а 27

Строфа 5. *Брентано, Шамиссо* — немецкие романтики первых десятилетий XIX века.

Строфа 14. *Беллона* — богиня войны у древних римлян.

ГЕРМАНИЯ

Поэма «Германия» бесспорно является вершиной политической поэзии Гейне.

История возникновения «Германии» такова. Как известно, Гейне в 1831 году эмигрировал во Францию и почти тридцать лет жил вдали от родины. Только в октябре 1843 года поэту удалось не надолго съездить в Гамбург, повидать родных и заключить новый договор с издателем Кампе.

«Германия» была написана под непосредственным впечатлением от путешествия поэта на родину.

Вернувшись в Париж, он приступил к работе над поэмой (в январе 1844 г.), очень быстро закончил ее и в том же году снова побывал в Гамбурге, где читал корректурные листы у Кампе. Из единственного дошедшего до нас письма Гейне к Марксу (21 сентября 1844 г.) известно, что в сентябре 1844 г. он послал Марксу гранки поэмы.

Гейне хотелось, чтобы Маркс поддержал его перед своими соратниками, так как опасался как бы «медведи» (как он называл радикалов) снова не стали нападать на него.

«Германия» предполагалась к печатанию в парижском «Vorwärts», и поэт обратился к Марксу с просьбой дать к ней предисловие. Однако Маркс не написал статьи, и в гамбургском издании Кампе, где «Германия» была выпущена вместе с «Новыми стихотворениями» и «Современными стихами», появилось предисловие самого поэта.

Он указывал, что в поэме пришлось смягчить и выбросить «все несовместимое с немецким климатом» и «тогда-то серьезные тона померкли или были заглушены веселыми бубенцами юмора». Однако Гейне признавался: «В злобной торопливости я сорвал с некоторых голых мыслей фиговые листочки и, может быть, ранил иные чопорно-неприступные уши».

Повидимому, здесь Гейне говорил о тех «прозаизмах» и кажущихся тривиальностях поэмы, которые должны были шокировать любителей «чистой поэзии». В «Германии» мы находим типичное для поэта сочетание лирических и публицистических элементов и использование приемов романтики для развенчивания старого мира феодально-клерикальной реакции.

У Гейне противопоставлены «Германия» — «Зимняя сказка» и «Атта Троль» — сон в летнюю ночь. Но в «Атта Троль» звучат быстрые ритмы хореического стиха, тогда как «Германия» написана в манере старинных немецких песен, и ее стих подчинен интонационному принципу разговорной речи.

Основная мысль «Германии» раскрывается Гейне в первой главе. Поэт рассказывает о том, как, подъезжая к границе Германии в печальный ноябрьский день, он слышит песнь маленькой нищенки, знакомую песнь отречения от жизненных благ, сочиненную господами для того, чтобы держать рабов в покорности. Проповеди смирения Гейне противопоставляет революционную проповедь перестройки мира, при которой можно было бы «вывести человечество из нищеты и дать ему царство небесное на земле».

После патетического введения идет ряд путевых картин в стихах. С реалистическими деталями поэт изображает этапы путешествия на родину. Правда, описываемый Гейне путь не соответствует действительности. Он выехал из Парижа 21 октября 1843 г. и ехал через Брюссель, Амстердам и Бремен. Этапы же пути, описанные в «Германии»: Аахен, Кельн, Мюльгейм, Унна, Тевтобургский лес, Падерборн, Минден, Бюкебург, Ганновер и Гамбург. Это маршрут обратного путешествия.

Гейне в путевых образах рисует Германию перед революцией 1848 г. Поэт расправляется с прусским юнкерством, с тевтономанами, оголтелыми националистами, со всем миром католическо-романтического мракобесия.

Сообщая издателю Кампе о том, что «Германия» готова, переписана и лежит на столе, Гейне характеризовал свое новое произведение: «Это рифмованная поэма, которая в самой дерзкой и в самой личной манере выражает все брожение нашей германской современности. Как политико-романтическое произведение она нанесет, я надеюсь, смертельный удар напыщенно-прозаической тенденциозной поэзии».

В 1844 г. вышло почти одновременно два издания «Германии». Поэма была напечатана в сборнике «Новые стихотворения», а затем появилась отдельным выпуском с упомянутым выше предисловием Гейне. В этом отдельном издании отсутствуют, по цензурным соображениям, многие весьма существенные места. Так, например, выброшены четыре последние строфы третьей главы, где говорится о прусском орле. Также снята 19-я глава, где рассказывается о ганноверском короле Эрнсте-Августе.

В этом же отдельном издании были и очень важные отступления и дополнения. В финале 4-й главы стоит вопрос: что делать со святыми мощами, если Кельнский собор будет превращен в конюшни? Куда девать, например, трех волхвов? Гейне дает ответ: «Этих волхвов можно поместить в те железные клетки в Мюнстере, в которых когда-то выставили напоказ тела казненных вождей крестьянского движения».

Кроме того, глава заканчивается дополнительными строфами, в которых под видом Мельхиора и Балтазара Гейне весьма прозрачно изобразил двух прусских королей: Фридриха-Вильгельма III, который в Калишском воззвании от 24 марта 1813 г. обещал немцам свободу и не сдержал слова, и его сына Фридриха-Вильгельма IV, который поступил так же, как и отец.

Хотя Гейне работал над «Германией» менее упорно, чем над «Атта Троль», все же он вносил ряд изменений и вариантов в каждое последующее издание, в том числе и в издание, вышедшее на французском языке, где он, не боясь суровой немецкой цензуры, уточнял свою политическую мысль.

П р е д и с л о в и е

Предисловие это, как объяснял Гейне в письме к Марксу от 21 сентября 1844 г., должно было подчеркнуть основные тенденции поэмы: «...предисловие — очень откровенное, в нем я самым решительным образом бросаю перчатку националистам...»

Если в предисловии Гейне утверждает, что «не только Эльзас и Лотарингия, но и вся Франция... перейдет к нам, вся Европа, весь мир», то эти слова отнюдь не следует понимать в духе немецкого воинствующего национализма. Мысль Гейне та, что при известных условиях исторического развития, при всемирной победе демократии и социализма отпадет вопрос о границах между нациями, и сегодняшние споры о территориях потеряют всякое значение, освобожденные народы составят одну семью. Мысль эта выражена Гейне несколько риторично и парадоксально. Он говорит о будущем, о совершенно изменившихся условиях жизни народов, пользуясь для выражения своей мысли старыми словами и понятиями, приобретающими неожиданное, парадоксальное значение. «...вся Франция перейдет тогда к нам...» — это как будто прежний язык национальных завоеваний, а этим языком Гейне выражает совсем иные отношения: добровольный союз,

добровольное братство наций, пользующихся полной самостоятельностью.

Но тут есть еще и другая мысль, содержащая крупнейшую историческую ошибку Гейне. По его представлениям, инициатором в этом будущем братстве народов окажется Германия, она уйдет дальше всех на пути социального движения. История ни в какой мере не подтвердила этих пророчеств Гейне. Германия от Фридриха-Вильгельма IV перешла к Бисмарку, а от Бисмарка к Гитлеру. В то время когда в нашей стране впервые в мире создано могущественное социалистическое государство, Германия оказалась разбойничьей «третьей империей» фашизма, и только победа Советского Союза над фашистской Германией позволила поставить вопрос о нормальном демократическом развитии для немецкого народа.

Громкие предсказания Гейне о будущем Германии, сделанные в «Предисловии», должны были, очевидно, уравновесить тот пессимизм в отношении к собственной стране, которым полна развязка его политической поэмы. Очевидно, Гейне искал ободрения для самого себя и желал несколько выправить свою репутацию в глазах немецкой публики.

В «Предисловии» своем Гейне упоминает о той роли, которую имели Англия, с одной стороны, и царская Россия — с другой, в тогдашних немецких делах. Он подразумевает сильнейшее экономическое давление, испытываемое отсталой Германией со стороны господствовавшей тогда на рынках Европы, далеко ушедшей в своем промышленном развитии капиталистической Англии, — она эксплуатировала слабые немецкие государства, Россия же Николая I непосредственно вмешивалась в немецкую политическую жизнь, немецкие реакционные правительства, в первую очередь прусское, искали для себя поддержки у русского императора и пресмыкались перед ним.

Позже, в 1849 г. Маркс и Энгельс писали о том, что у русского царя два сподручных — два князька «из Ольмюца и Потсдама»: император австрийский и король прусский. (Сочинения, т. VII, стр. 352 — «Царь и его князьки».) Гейне имел дело с порядком, установившимся со времен Венского конгресса, когда русский самодержец получил политическое господство в Европе. «На европейском континенте соперников у него больше не было. Австрия и Пруссия шли у него на буксире». (Энгельс, Сочинения, т. XVI, ч. II, стр. 21.) Царь возглавлял реакционную Европу, и именно это имел в виду Гейне в своем «Предисловии».

Глава 1

Строфа 19. *Гигант* — подразумевается мифологический гигант Антей, сын Посейдона и Гейи (Земли). Прикасясь к матери-земле, он обретал новые силы.

Глава 2

Строфа 7. *Годман фон Фаллерслебен* Август-Генрих (1798—1874) — немецкий политический поэт и профессор-филолог. Гейне намекает на его книгу «Неполитические песни» (1840), отражавшую стремление немецкой либеральной буржуазии к реформам и к конституции. За либеральный тон стихов автор был лишен профессорской должности.

Строфа 8. *Таможенный прусский союз*. В 1834 г. в Германии был создан таможенный союз, освобождавший страну от таможенных рогаток между отдельными мелкими германскими государствами. С образованием таможенного союза началась постройка железных дорог и оживились торговля и промышленность. Гейне относился к этому союзу чрезвычайно критически, так как его возглавляла реакционная Пруссия.

Глава 3

Строфа 1. *Аахен* — прусский город, был некогда столицей германского императора Карла Великого.

Строфа 1. *Carolus Magnus* (латинск.) — Карл Великий (742—814), создатель Священной Римской империи, в которую входили германские и романские народности.

Строфа 1. *Карл Майер* — поэт швабской школы, над которой Гейне постоянно издевается. Эта строфа построена на игре слов: *Magnus* — по-латыни большой, *majör* (майор) — больший.

Строфа 8. «Сердечное «ты» старинного «он». — Местоимение 3 лица «он» вместо «вы» употреблялось в немецком языке при обращении к людям низшего социального положения.

Строфа 11. *Иоганна де Монфоко* — героиня весьма посредственной слезливой драмы второстепенного немецкого писателя Коцебу (1761—1819), идеализирующей дух средневековья.

Строфа 11. *Тик* Людвиг (1773—1853) } немецкие писатели ро-
Строфа 11. *Уланд* Иоганн-Людвиг } мантического направ-
(1787—1819). } ления.

Строфа 17. «Ненавистную птицу». — Одноглавый орел — государственная эмблема Пруссии.

Строфа 19. ... «для рейнских вольных стрелков». — В дни ранней молодости Гейне Наполеон занял Рейнскую область и уничтожил там остатки феодализма. После падения Наполеона феодальная реакция восторжествовала в Рейнской области.

Строфа 20. «Да здравствует король». — На стрелковых состязаниях этим возгласом обычно приветствовали победителя, «короля стрелков».

Г л а в а 4

Строфа 6. *Ульрих фон Гуттен* (1488—1523) — один из авторов «Писем темных людей» (коллективного труда немецких гуманистов XV в.). Гуманист, рыцарь и политический писатель, ярый враг римской церкви, последователь Лютера.

Строфа 7. *Гохстраатен* — кельнский теолог, один из «темных людей», враг гуманизма и реформации.

Строфа 7. *Менцель* Вольфганг (1798—1873) — немецкий критик и публицист, перешедший на сторону реакции и стяжавший печальную известность злостными нападениями на передовых литераторов и в том числе на Гейне.

Строфа 14. *Соборный союз*. — В 1842 г., по инициативе прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, был создан «Соборный союз» для окончания постройки Кельнского собора. Постройка была начата в 1248 г., потом, со времени Реформации, приостановлена на несколько столетий и закончена только в 1880 г.

Строфа 16. *Лист* Франц (1811—1856) — знаменитый композитор и пианист, венгерец по происхождению. В начале 30-х гг. Лист увлекался либеральными идеями. Это не помешало ему в сентябре 1842 г. дать концерт в фонд постройки Кельнского собора. В эпоху реакции, последовавшей после революции 1848 г., Лист стал покорным сыном католической церкви.

Строфа 22. *Башня Sanct Lamberti* — башня святого Ламберта в Мюнстере, где висят железные клетки, в которых в 1536 г. были выставлены напоказ тела трех казненных вождей крестьянского движения в Германии — Иоганна Лейденского, Книппердоллинга и Крехтинга.

Г л а в а 5

Строфа 5. «*Я в Бибрихе наглотался камней*». — Между городом Нассау и Рейнским Гессеном происходили трения из-за пользования речными путями сообщения. Гессенское правительство затопило в ночь на 28 февраля 1841 г. под Бибрихом 103 баржи с камнями, чтобы помешать проходу по Рейну судам у берегов Нассау. Тяжба была разрешена союзным сеймом, и гессенцам пришлось вылавливать затопленные камни.

Строфа 5. *Беккер* Никлас (1809—1845) — автор патриотической песни: «Нет, не будет он вашим, наш Рейн», выпущенной в 1840 г., в то время, когда разнеслись слухи, что французы готовят поход на Германию, чтобы овладеть Рейном и сделать его границей между Францией и Германией.

Строфа 13. *Мюссе* Альфред де (1810—1857) — французский поэт, ответил Беккеру стихотворением, начинавшимся: «Он был нашим — ваш немецкий Рейн».

Строфа 17. *Кант* Иммануил (1724—1804), *Фихте* Иоганн-Готтлиб (1762—1814), *Гегель* Георг (1770—1831) — немецкие

философы-идеалисты, ученье которых приобретало популярность в буржуазной Франции, современной Гейне.

Строфа 18. *Генгстенберг*. — См. прим. к «Атта Троль», глава 18, стр. 403.

Глава 6

Строфа 1. *Паганини* Николо (1782—1840) — знаменитый итальянский скрипач и композитор.

Строфа 1. *Spiritus familiaris* (лат.) — домашний дух, домовой.

Строфа 1. *Гаррис* Георг (1780—1838) — немецкий писатель. Долгое время занимался организацией концертов Паганини. Гейне вывел Гарриса в образе пса, пародируя прием Гёте, который изобразил Мефистофеля в «Фаусте» в виде черного пуделя.

Строфа 2. *Огненный муж*. — О красном человеке, явившемся Наполеону, см. у Гейне, Французские Дела, статья 1 (том VI нашего издания, стр. 30).

Строфа 2. *Сократ* (470—399) — греческий философ, занимался проблемами самосознания и нравственности; он уверял, что у него есть свой «даймонион» (демон), внутренний голос, предостерегавший его от опасных поступков.

Строфа 17. *Ликторы* — почетная охрана высших римских чиновников (консулов) и вместе с тем исполнители их приговоров.

Глава 7

Строфа 11. *Загадочный знак*. — В средние века в Германии существовала тайная организация «Суд Фемь». Загадочные знаки, о которых говорит Гейне, — символ социальной мести, ожидающей реакционную Германию.

Глава 8

Строфа 12. *«Император однажды встал из земли»*. — В 1815 г. Наполеону удалось бежать с острова Эльбы и установить на короткое время (100 дней) свою власть во Франции. В битве под Ватерлоо он был разбит войсками союзников и вторично отрешен от престола. Был сослан на остров Св. Елены в Атлантическом океане, где и умер 5 мая 1821 г.

Строфа 13. *«Я сам провожал катафалк золотой»*. В 1840 г. прах Наполеона был перевезен в Париж, где 15 декабря состоялось торжественное погребение во Дворце Инвалидов.

Глава 11

Строфа 1. *Тевтобургский лес* — гористая местность в северо-западной Германии, покрытая лесами. В 9 г. нашей эры объеди-

нившиеся германские племена под предводительством вождя херусков Арминия (Германа) разбили на голову 20-тысячные римские легионы полководца Вара. Это событие описал римский историк Тацит (55—120 г. н. э.).

Строфа 4. *Кеириты* — название римских граждан.

Строфа 5. *Гаруспекс* — римский жрец, предсказывавший события по внутренностям животных.

Строфа 5. *Неандер* (1780—1850) — профессор богословия в Берлине.

Строфа 5. *Авгур* — римский жрец, делавший предсказания по полету птиц.

Строфа 6. *Бирх-Пфейфер* Шарлотта (1800—1868) — актриса, автор чувствительных стихов и плохих мещанских пьес.

Строфа 7. *Раумер* Фридрих фон (1781—1873). — См. примечания к «Атта Троль», глава 5, стр. 401.

Строфа 7. *Horatius Flaccus* — Гораций Флакк (65—8 г. до н. э.) — римский поэт эпохи Августа.

Строфа 8. *Marcus Tullius Masmanus* — Ганс-Фердинанд Масман. — См. прим. на стр. 392. — Гейне латинизировал его имя, в насмешку прилагая к Масману имя Марка Туллия Цицерона (103—43 г. до н. э.), знаменитого римского оратора и политического деятеля.

Строфа 11. *Шеллинг* Фридрих. — См. о Шеллинге прим. «Символика бессмыслицы» на стр. 388.

Строфа 11. *Сенека* (3 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — римский философ, воспитатель Нерона, был присужден к смертной казни за участие в заговоре против Нерона. Покончил самоубийством.

Строфа 11. *Корнелиус* Петер (1783—1867) — немецкий художник. Писал картины на исторические и религиозные темы.

Строфа 11. «*Cacatum non est pictum*» (лат.) — «Пачкотня не живопись».

Глава 12

Строфа 14. *Кольб* Густав (1798—1865) — редактор «Всеобщей Аугсбургской газеты», нередко, по цензурным соображениям, сокращавший и исправлявший парижские корреспонденции Гейне.

Глава 13

Строфа 3. *Сизифов камень* (греч. миф.). — Царь Сизиф осужден был богами за тяжкие преступления вкатывать на гору огромный камень, который немедленно скатывался обратно вниз. Отсюда выражение «сизифов труд».

Строфа 3. *Данаиды* — дочери царя Даная; были осуждены вечно лить воду в бездонную бочку.

Г л а в а 14

Строфа 13. *Ротбарт* (Красная борода) — прозвище, данное императору Фридриху Барбароссе (1123—1190). По преданию, Фридрих Барбаросса не умер, а спит в пещере горы Кифгайзер, в южной части Гарца.

Г л а в а 15

Строфа 20. *Chi va piano va sano* (итал.) — итальянская поговорка, соответствующая нашей: «тише едешь, дальше будешь».

Г л а в а 16

Строфа 3. *Семилетняя война* (1756—1763). Эту войну вел в союзе с англичанами прусский король Фридрих II против Австрии, Франции, России, Швеции и Испании.

Строфа 4. *Каршин* — Анна-Луиза Карш (1722—1791) — немецкая поэтесса, пользовавшаяся успехом в берлинских салонах как импровизаторша. Время ее славы — 60 годы XVIII века.

Строфа 4. *Дюбарри* Мария-Жанна (1743—1793) — графиня, фаворитка французского короля Людовика XV, казнена при Робеспьере.

Строфа 7. *Кленке* Каролина-Луиза фон (1754—1812) — посредственная немецкая поэтесса и драматург, дочь Каршин.

Строфа 7. *Чези* Гельмина (1783—1856) — немецкая поэтесса романтической школы, личная знакомая Гейне, дочь Кленке, внучка Каршин.

Строфа 13. *Гильотен* (1738—1814) — французский врач, изобрел орудие казни, названное по его имени гильотиной.

Строфа 23. *Бурсшество* (Burschenschaft) — немецкие студенческие союзы, существовавшие во времена Гейне.

Г л а в а 17

Строфа 8. *Карл V Габсбург* (1519—1556) — император Священной Римской империи. Он издал в 1532 г. кодекс законов, отличавшийся исключительной жестокостью.

Строфа 11. *«Готический бред»* — увлечение средневековыми феодально-католическими идеалами.

Г л а в а 18

Строфа 5. *«Никто»*. — Гомер рассказывает, что Одиссей, захваченный одноглазым великаном (циклопом) Полифемом в плен, ослепил последнего. На вопрос Полифема, как его зовут, Одиссей ответил «Никто»,

Строфа 10. *Faubourg Poissonnière* — улица в Париже, где жил Гейне в доме № 46 с 1841 по 1846 г.

Строфа 17. *Бюкебург* — столица одного из самых крохотных германских княжеств.

Г л а в а 19

Строфа 1. *Дантон* (1759—1794) — видный деятель французской революции, в первые годы ее — активный защитник народных интересов, но в период якобинской диктатуры потерявший политическую устойчивость, занявший умеренную позицию, ставший выразителем интересов буржуазии. В 1794 г. был послан на эшафот Робеспьером. Когда друзья уговаривали его спастись бегством, он ответил, что «отечество нельзя унести с собой на подошвах башмаков».

Строфа 3. *«Мой дед»* — Гейман Гейне, умерший в 80-х гг. XVIII в.

Строфа 3. *Бабка* — Ева Матэ, рожденная Поппер.

Строфа 8. *Эрист-Август* (1792—1851) — герцог Кумберлендский, консерватор (тори), член английской палаты лордов. В 1837 г. стал ганноверским королем.

Строфа 9. *Драбанты* — телохранители в средние века.

Г л а в а 21

Строфа 1. *Полусгоревший город наш*. В мае 1842 г. огромный пожар уничтожил свыше 4000 зданий в Гамбурге. Около 20 000 жителей остались без крова.

Строфа 4. *Дрекваль* — улица, населенная преимущественно евреями, также ставшая жертвой огня.

Строфа 4. *Павильон* («Швейцарский павильон») — так называлась модная кондитерская в Гамбурге на Юнгфернштиге.

Строфа 48. *«Та птица, что снесла яйцо в париж бургомистра»*. — Подразумевается приглашение вступить в Таможенный союз, посланное Гамбургу Пруссией.

Г л а в а 22

Строфа 4. *Старуха Гудель*. — Гейне издевается над одной из гамбургских дам, сомнительную красоту которой он высмеивает в «Лукских водах» (гл. IX и в стихотворении «Спесь»).

Строфа 5. *Продавец бумаги*. — Гейне имеет в виду Эдуарда Михаэлиса, гамбургского купца.

Строфа 6. *** — *Адольф Галле*, муж Терезы Гейне; был болен душевным расстройством.

Строфа 6. *Бибер* — директор гамбургского страхового общества, которое не в состоянии было после пожара удовлетворить все претензии своих клиентов,

Строфа 7. *Старый цензор* — Фридрих-Людвиг Гофман (1790—1871), с 1822 по 1848 г. был цензором в Гамбурге.

Строфа 9. *Гумпелино* — банкир Лазарь Гумпель, которого Гейне высмеял под именем Гумпелино в своих «Путевых картинках». Умер как раз во время пребывания Гейне в Гамбурге.

Строфа 12. *Корнет* — директор гамбургского театра.

Строфа 13. *Кампе* Юлиус — гамбургский издатель.

Строфа 16. *Новый храм* — реорганизованная еврейская синагога, где богослужение происходило на немецком языке.

Г л а в а 23

Строфа 3. *Шофнье* — гамбургский врач.

Строфа 4. *Вилле* — журналист, редактор гамбургских изданий, впоследствии приятель Рих. Вагнера, Листа, Гервега и др. выдающихся современников.

Строфа 5. *Фукс* Фридрих-Август — гамбургский педагог, был известен как вольнодумец.

Строфа 5. *Кандва* (1757—1822) — итальянский скульптор, поражающий античным образцам.

Строфа 6. *Амфитрион* (греч. миф.) — обозначает здесь гостеприимного хозяина.

Строфа 15. *Дрейбан* — улица в Гамбурге, населенная женщинами легкого поведения.

Строфа 27. *Гаммония* — латинское название Гамбурга. Фантазия Гейне создает образ мифологической богини, покровительницы города.

Г л а в а 24

Строфа 4. *Клоппиток* Фридрих-Готлиб (1724—1803) — автор религиозной поэмы «Мессиада», один из родоначальников новой буржуазной литературы в Германии.

Строфа 13. *Даммтор* — место, где жила мать Гейне, Бетти Гейне.

Строфа 13. *Лотхен* — Шарлотта фон Эмден, сестра Гейне.

Строфа 14. *«Старый седой господин»* — дядя поэта, Соломон Гейне.

Строфа 17. *«И памятные для сердца места»* — городской дом Соломона Гейне на Юнгфернштите и его загородная вилла в Оттензене, памятные места несчастной любви поэта к его кузине Амалии.

Г л а в а 25

Строфа 16. *«Черный царь Фрейлиграта»* — см. эпиграф к «Атта Троль».

Строфа 22. *Элиазар* — библейский пророк.

Г л а в а 26

Строфа 21. *Сен-Жюст* Луи-Антуан (1767—1794) — деятель французской революции 1789 г., якобинец, друг Робеспьера, член Конвента и Комитета общественного спасения. Казнен после термидорианского переворота.

Строфа 25. «*В Фуле жил да был король*» — так начинается баллада Гёте, вложенная в уста Маргариты («Фауст», ч. 1-я, сцена 8-я). Здесь Гейне имеет в виду прусского короля Фридриха-Вильгельма IV.

Г л а в а 27

Строфа 6. *Аристофан* (450—385 гг. до н. э.) — афинский поэт, автор политических комедий «Птицы», «Лягушки», «Лисистрата» и др.

Строфа 6. *Камены* — древнеримские божества, соответствующие греческим музам.

Строфа 7. *Базилея и Пастейтерос*. — В комедии Аристофана «Птицы» афинский житель Пастейтерос строит город между небом и землей и женится на Базилее, олицетворяющей верховную власть.

Строфа 9. «*Лягушки*» Аристофана в обработке А. Копиша были поставлены на берлинской сцене в зимний сезон 1843—1844 г.

Строфа 21. *Терцины* — трехстишия, которыми написана «Божественная комедия» Данте.

Ал. Дейч.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ал. Дейч</i> — Политическая сатира Гейне.	6
--	---

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

НОВАЯ ВЕСНА

Пролог. <i>Перев. Ал. Дейч.</i>	29
1. «В белый сад выходишь утром. . .» <i>Перев. В. Левик</i> .	—
2. «Счастьем девственным томимы. . .» <i>Перев. В. Левик</i> .	30
3. «Глядят весенней ночи глаза . . .» <i>Перев. В. Левик</i> .	—
4. «Люблю я цветок . . .» <i>Перев. В. Левик</i>	31
5. «Вот май опять повеял . . .» <i>Перев. Ал. Блок</i>	—
6. «Тихо сердца глубины. . .» <i>Перев. Ал. Блок</i>	—
7. «В красавицу-розу влюблен мотылек . . .» <i>Перев. П. Бы-</i> <i>ков</i>	32
8. «Зазвучали все деревья. . .» <i>Перев. В. Левик.</i>	—
9. «И был вначале соловей. . .» <i>Перев. В. Левик.</i>	33
10. «Весенней ночью, в теплый час. . .» <i>Перев. В. Коломий-</i> <i>цев.</i>	—
11. «Грозит беда. . .» <i>Перев. В. Коломийцев.</i>	34
12. «Слез любви и тихой скорби. . .» <i>Перев. А. Шкафф.</i> .	—
13. «Глаза весны синеют. . .» <i>Перев. В. Коломийцев.</i> . . .	—
14. «Только платьем мимоходом. . .» <i>Перев. Ал. Блок.</i> . .	35
15. «Из вод подымая головку. . .» <i>Перев. А. К. Толстой.</i> .	—
16. «Если только ты не слеп. . .» <i>Перев. В. Коломийцев.</i> .	—
17. «Что ночью весенней носишься ты?» <i>Перев. В. Коло-</i> <i>мийцев.</i>	36
18. «Ты голубыми глазами. . .» <i>Перев. В. Левик.</i>	—
19. «Снова в сердце жар невольный. . .» <i>Перев. В. Левик.</i> .	37
20. «Пусть роза пахнет. . .» <i>Перев. М. Фроман</i>	—
21. «Тебя люблю я. Неизбежна. . .» <i>Перев. В. Коломийцев.</i> .	38
22. «Гуляю меж цветами. . .» <i>Перев. Ал. Блок.</i>	—
23. «Как луна дрожит на лоне. . .» <i>Перев. Ал. Блок.</i> . . .	—
24. «Альянс священный прочно. . .» <i>Перев. Ал. Блок.</i> . .	—
25. «Скажи, кто открыл нам времени счет. . .» <i>Перев. В. Ле-</i> <i>вик.</i>	39

26. «Ах, как сад благоухает! . . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	39
27. «Сон ли прежний я лелею. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	40
28. «Поцелуй, что мы крадем. . .»	<i>Перев. П. Вейнберг.</i>	—
29. «Жил-был король суровый. . .»	<i>Перев. Е. Книпович.</i>	41
30. «Опять воскрешает мне память. . .»	<i>Перев. Ал. Блок.</i>	—
31. «Лунным светом пьяны липы. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	42
32. «Раз в лесу при лунном свете. . .»	<i>Перев. П. Вейнберг.</i>	—
33. «Утром шлю тебе фиалки. . .»	<i>Перев. В. Коломийцев.</i>	43
34. «Вы, право, не убили. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	—
35. «Не страшись—скрывать от света. . .»	<i>Перев. А. Шкафф.</i>	—
36. «Дни мои и даже ночи. . .»	<i>Перев. А. Шкафф.</i>	44
37. «Бродят звезды-златоножки. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	45
38. «Весна грустит. . .»	<i>Перев. А. Шкафф.</i>	—
39. «Я вновь мучительно оторван. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	—
40. «Надежды расцветают. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	46
41. «Небо старцем красноглазым. . .»	<i>Перев. А. Шкафф.</i>	—
42. «Влачусь по свету желчно и уныло. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	—
43. «Осень. Пал туман на доли. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	47
44. «Небо серо и дождливо. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	—

РАЗНЫЕ

Серафима

1. «Поздно вечером брожу я. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	49
2. «На пустынный берег моря. . .»	<i>Перев. В. Левик.</i>	—
3. «Я белую чайку вижу. . .»	<i>Перев. М. Фроман.</i>	50
4. «Что любишь ты, я знаю. . .»	<i>Перев. А. Вознесенский.</i>	—
5. «С каким любопытством чайка. . .»	<i>Перев. В. Коломийцев.</i>	51
6. «Как серна робкая, она. . .»	<i>Перев. В. Коломийцев.</i>	—
7. «Мы здесь построим на скале. . .»	<i>Перев. А. Мейснер.</i>	52
8. «Ночь лежит на темном море. . .»	<i>Перев. П. Вейнберг.</i>	—
9. «Тень любви, лобзаний тени. . .»	<i>Перев. В. Коломийцев.</i>	53
10. «Девича, стоя у моря. . .»	<i>Перев. Ю. Тынянов.</i>	—
11. «На черных ветрилах. . .»	<i>Перев. М. Фроман.</i>	54
12. «Как низко ты поступила. . .»	<i>Перев. Опошковиц-Яцына.</i>	—
13. «На берег летит, вскипая. . .»	<i>Перев. М. Фроман.</i>	—
14. «У моря сажу, на утесе крутом. . .»	<i>Перев. А. К. Толстой.</i>	55
15. «Все море золотом горит. . .»	<i>Перев. М. Фроман.</i>	—

Ангелика

1. «В день господней благодати. . .»	<i>Перев. А. Мейснер.</i>	56
2. «Ты быстро шла, но предо мною. . .»	<i>Перев. А. Майков.</i>	—
3. «Нет, прелестная, не верю. . .»	<i>Перев. В. Коломийцев.</i>	57
4. «Закрыв глаза ей, алый рот. . .»	<i>Перев. В. Коломийцев.</i>	—
5. «Когда я в твоих объятиях страстных. . .»	<i>Перев. А. Мантейфель</i>	—
6. «Между тем как я, блуждая. . .»	<i>Перев. А. Мейснер.</i>	58

- | | | |
|--|------------------------------|----|
| 7. «Да, ты, конечно, мой идеал . . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 58 |
| 8. «Не отвергай! Пусть жар погас. . .» | <i>Перев. В. Левик.</i> | 59 |
| 9. «Эта масленица страсти. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | — |

Диана

- | | | |
|-----------------------------------|------------------------------|----|
| 1. «Эта масса чудо-тела. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 61 |
| 2. «Залив Бискайский был ей. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | — |
| 3. «Посещаю часто вас. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 62 |

Гортензия

- | | | |
|--------------------------------------|------------------------------|----|
| 1. «Верил я в былом далеком. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 63 |
| 2. «Вдвоем на уличном углу. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | — |
| 3. «И в повседневных грезах. . .» | <i>Перев. М. Фроман.</i> | 64 |
| 4. «Посредине сада яблонь. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | — |
| 5. «Строю вновь я струны цитры. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 65 |
| 6. «Недолог счастья был обман. . .» | <i>Перев. О. Чюмина.</i> | — |

Кларисса

- | | | |
|--------------------------------------|------------------------------|----|
| 1. «Оробев, моих признаний. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 67 |
| 2. «Где б ни шла ты, я повсюду. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | — |
| 3. «Чорт возьми твою мамашу. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | — |
| 4. «Не ходи по переулку. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | 68 |
| 5. «Твоя улыбка запоздала. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | — |

Иоланта и Мария

- | | | |
|--|------------------------------|----|
| 1. «Эти дамы, понимая. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 70 |
| 2. «В которую из двух влюбиться. . .» | <i>Перев. Ф. Тютчев.</i> | — |
| 3. «Бутылки пусты, был вкусен обед. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | 71 |
| 4. «Юность кончена. Приходит. . .» | <i>Перев. В. Левик.</i> | — |

Эмма

- | | | |
|--|-----------------------------------|----|
| 1. «Как ствол древесный. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | 72 |
| 2. «Сутки ждать я должен счастья. . .» | <i>Перев. О. Чюмина.</i> | — |
| 3. «Месяц тянется любовь. . .» | <i>Перев. П. Быков.</i> | 73 |
| 4. «Молви, Эмма, без раздумья. . .» | <i>Перев. П. Быков.</i> | — |
| 5. «Быть с тобою — свыше силы. . .» | <i>Перев. О. Чюмина.</i> | — |
| 6. «Все опаснее и глуше. . .» | <i>Перев. А. Оношкович-Яцына.</i> | 74 |

Тангейзер

- | | | |
|---|---------------------------|----|
| 1. «Страшитесь козней сатаны. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | 75 |
| 2. «Звонками, и звоном. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | 77 |
| 3. «Поспешно и долго Тангейзер идет. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | 79 |

Песни бытия

- | | | |
|---|------------------------------|----|
| 1. «Бог вначале создал солнце. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 83 |
| 2. «И господь ответил чорту. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | — |
| 3. «Да, солнце, львов, людей красивых. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 84 |
| 4. «Едва лишь я начал труд творенья . . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | — |
| 5. «В день шестой,—сказал создатель. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | — |
| 6. «Из пальца высосать кто бы мог. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 85 |
| 7. «Зачем я, в сущности, решил. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | — |

Фридерика

- | | | |
|--|--------------------------|----|
| 1. «Оставь Берлин, где воздух густ и пылен. . .» | <i>Перев. О. Чюмина.</i> | 86 |
| 2. «Струится Ганг. Разумными очами. . .» | <i>Перев. О. Чюмина.</i> | — |
| 3. «Струится Ганг и плещет. Гималаи . . .» | <i>Перев. О. Чюмина.</i> | 87 |

Катарина

- | | | |
|--|------------------------------|----|
| 1. «Звезда взошла. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | 88 |
| 2. «Хотите, я вас познакомлю с нею? . .» | <i>Перев. В. Левик.</i> | — |
| 3. «Как Мерлин, я обречен. . .» | <i>Перев. О. Чюмина.</i> | 89 |
| 4. «В объятьях моих, у сердца. . .» | <i>Перев. О. Чюмина.</i> | 90 |
| 5. «Люблю я эту бледность тела. . .» | <i>Перев. В. Коломийцев.</i> | — |
| 6. «Весна, казалось, у ворот. . .» | <i>Перев. В. Левик.</i> | 91 |
| 7. «Мне недавно сон приснился. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | — |
| 8. «На летний праздник все с собою. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | 92 |
| 9. «Так долго, будто бессловесен. . .» | <i>Перев. А. Мейснер.</i> | 93 |

На чужбине

- | | | |
|--|-----------------------------|----|
| 1. «Из края в край твой путь лежит. . .» | <i>Перев. М. Михайлов.</i> | 94 |
| 2. «Сегодня ты такой печальный. . .» | <i>Перев. М. Лозинский.</i> | — |
| 3. «Был у меня прекрасный отчий край. . .» | <i>Перев. А. Кочетков.</i> | 95 |

Трагедия

- | | | |
|--|-------------------------|----|
| 1. «Бежим! Ты будешь мне женой. . .» | <i>Перев. В. Левик.</i> | 96 |
| 2. «Дохнула стужей весенняя ночь. . .» | <i>Перев. В. Левик.</i> | — |
| 3. «И липа цветет над их могилой. . .» | <i>Перев. В. Левик.</i> | 97 |

РОМАНСЫ

- | | | |
|------------------------|-----------------------------|----|
| 1. Женщина. | <i>Перев. И. Михайлов.</i> | 98 |
| 2. Весеннее ликование. | <i>Перев. М. Козмичев.</i> | — |
| 3. Чайльд Гарольд. | <i>Перев. М. Лозинский.</i> | 99 |

4. Заклинание. <i>Перев. В. Левик</i>	99
5. Из письма. <i>Перев. В. Левик</i>	100
6. Злосчастье. <i>Перев. А. Кочетков</i>	102
7. Анно 1829. <i>Перев. В. Левик</i>	—
8. Анно 1839. <i>Перев. М. Лозинский</i>	103
9. Рано утром. <i>Перев. А. Мейснер</i>	104
10. Рыцарь Олаф. <i>Перев. Е. Книпович</i>	105
11. Русалки. <i>Перев. В. Левик</i>	107
12. Бертран де Борн. <i>Перев. А. Кочетков</i>	108
13. Весна. <i>Перев. В. Левик</i>	109
14. Али-Бей. <i>Перев. А. Мейснер</i>	—
15. Психея. <i>Перев. А. Кочетков</i>	110
16. Незнакомка. <i>Перев. А. Мейснер</i>	—
17. Смена. <i>Перев. А. Мейснер</i>	111
18. Фортуна. <i>Перев. А. Мейснер</i>	112
19. Жалоба старонемецкого юноши. <i>Перев. В. Левик</i>	—
20. Оставь! <i>Перев. А. Кочетков</i>	113
21. Фрау Метта. <i>Перев. В. Левик</i>	—
22. Встреча. <i>Перев. В. Левик</i>	115
23. Король Гаральд Гарфагар. <i>Перев. М. Михайлов</i>	116
24. Подземное царство. <i>Перев. М. Козмичев</i>	118

ОДЕА

1. Ишачество. <i>Перев. Ю. Тынянов</i>	122
2. Символика бессмыслицы. <i>Перев. Д. Минаев</i>	123
3. Спесь. <i>Перев. Ю. Тынянов</i>	125
4. Странствуй! <i>Перев. Е. Книпович</i>	126
5. Зима. <i>Перев. Д. Горфинкель</i>	—
6. У камина. <i>Перев. А. Плещеев</i>	127
7. Грезы. <i>Перев. Д. Горфинкель</i>	128
8. Елена. <i>Перев. Д. Горфинкель</i>	—
9. Умные звезды. <i>Перев. Д. Горфинкель</i>	129
10. Ангелы. <i>Перев. Д. Минаев</i>	—

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Теория. <i>Перев. Ю. Тынянов</i>	133
2. Адам первый. <i>Перев. В. Левик</i>	—
3. Предостережение. <i>Перев. Ю. Тынянов</i>	134
4. Бывшему гетману. <i>Перев. В. Нейштадт</i>	135
5. Тайна. <i>Перев. В. Левик</i>	—
6. На прибытие Ночного Сторожа в Париж. <i>Перев. В. Левик</i>	136
7. Тамбур-мажор. <i>Перев. А. Мушикова</i>	137
8. Вырождение. <i>Перев. В. Левик</i>	139
9. Генрих. <i>Перев. П. Вейнберг</i>	140
10. Жизненный путь. <i>Перев. Л. Пеньковский</i>	—

11. Новый госпиталь для сынов Израиля в Гамбурге. <i>Перев. Д. Минаев</i>	141
12. Георгу Гервегу («Все немцы были . . .»). <i>Перев. В. Нейштадт</i>	142
13. Тенденция. <i>Перев. В. Рождественский</i>	143
14. Ребенок. <i>Перев. Л. Пеньковский</i>	144
15. Обещание. <i>Перев. Ал. Дейч</i>	—
16. Оборотень. <i>Перев. Л. Пеньковский</i>	145
17. Китайский богдыхан. <i>Перев. П. Вейнберг</i>	—
18. Церковный советник Прометей. <i>Перев. Д. Минаев</i>	147
19. К Ночному Сторожу. <i>Перев. Л. Пеньковский</i>	—
20. Успокоение. <i>Перев. В. Левик</i>	148
21. Мир навыворот. <i>Перев. Ю. Тынянов</i>	149
22. Просветление. <i>Перев. Ал. Дейч</i>	150
23. Только подождите! <i>Перев. Ал. Дейч</i>	151
24. Ночные мысли. <i>Перев. М. Михайлов</i>	—
25. Гимн. <i>Перев. Г. Шенгели</i>	153
26. Крик сердца. <i>Перев. В. Левик</i>	—
27. Германия. <i>Перев. Л. Пеньковский</i>	154
28. Георгу Гервегу («Железный жаворонок. . .»). <i>Перев. Л. Пеньковский</i>	155
29. «В моей любезной отчизне. . .» <i>Перев. Ю. Тынянов</i>	—
30. К политическому поэту. <i>Перев. Ю. Тынянов</i>	156
31. Песни хвалебные королю Людовику. <i>Перев. Ю. Тынянов</i>	—
32. Силезские ткачи. <i>Перев. Г. Шенгели</i>	160
33. Новый Александр. <i>Перев. В. Левик</i>	161
34. Романская сага. <i>Перев. О. Румер</i>	163
35. Наш флот. <i>Перев. В. Левик</i>	164
36. Торжественная кантата. <i>Перев. В. Левик</i>	166
37. Михель после марта. <i>Перев. В. Левик</i>	168

ДОПОЛНЕНИЯ К ЦИКЛАМ ИЗ СБОРНИКА «НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ»

Анжелика

1. «О, как быстро возникают. . .» <i>Перев. П. Вейнберг</i>	170
2. «Как прекрасна ты, всю душу. . .» <i>Перев. П. Вейнберг</i>	—
3. «Не пугайся, дорогая. . .» <i>Перев. П. Быков</i>	171

Кларисса

1. «Раненый, больной, страдающий. . .» <i>Перев. А. Мейснер</i>	171
2. «Соловьи поют свободно. . .» <i>Перев. П. Вейнберг</i>	172
3. «Идет весна с дарами к венцу. . .» <i>Перев. П. Быков</i>	173
4. «Храни вас господа забота. . .» <i>Перев. П. Вейнберг</i>	—
5. «С полным правом, ангел мой. . .» <i>Перев. М. Фроман</i>	—
6. «Ты презрительно смеешься. . .» <i>Перев. В. Арнс</i>	174

Иоланта и Мария

- «На груди букет трехцветный. . .» *Перев. А. Мейснер.* 174

На чужбине

- «Прелестная девушка снилась мне. . .» *Перев. В. Левик.* 174

Китти

1. «Весь день я в усадях небесных провел. . .» *Перев. В. Левик.* 175
2. «В платонических влечениях. . .» *Перев. А. Мейснер.* —
3. «Умчалось счастье, что меня. . .» *Перев. М. Сандомирский* 176
4. Сон о счастье. *Перев. М. Сандомирский.* —
5. «Письмо, что она написала. . .» *Перев. М. Сандомирский* 177
6. «Бежит все дальше барка. . .» *Перев. Д. Горфинкель.* —
7. «Смерть пришла. . .» *Перев. М. Сандомирский.* 178
8. Уходящее лето. *Перев. М. Сандомирский.* —
9. «Те глаза, что позабыл я. . .» *Перев. М. Сандомирский.* 179
10. «Тщеславье молвит: ты любим! . . .» *Перев. В. Левик.* —
11. «Ярко горит заходящее солнце. . .» *Перев. М. Сандомирский.* —

СТИХОТВОРЕНИЯ 1828 — 1850

1828

1. «Сердца людские рвутся. . .» *Перев. А. Оношкович-Яцына.* 183
2. К девичнику. *Перев. М. Кузьмин.* —
3. «В разных формах возникаю. . .» *Перев. В. Арнс.* 185
4. Бёрта. *Перев. И. Лебедев.* —

1829

- Изменница Луиза. *Перев. М. Фроман.* 186

1830

1. «Я много творю песнопений. . .» *Перев. В. Арнс.* 187
2. Холодные сердца. *Перев. А. Линдгрен.* —
3. «Что за роскошь, соразмерность. . .» *Перев. П. Быков.* 189
4. «Очи, смертные светила! . . .» *Перев. М. Фроман.* —
5. «Зазвенело в песне звонкой. . .» *Перев. М. Фроман.* 190
6. «В чем значение желтой розы? . . .» *Перев. М. Фроман.* —

7. «Печально и вместе забавно. . .»	<i>Перев. П. Вейнберг.</i>	190
8. «Человек от этого счастлив. . .»	<i>Перев. Ю. Тынянов.</i>	191
9. «От глухих девушек трудно мне. . .»	<i>Перев. В. Рождественский.</i>	—
10. В соборе.	<i>Перев. М. Бродский.</i>	—
11. «Если ты связан интимно с дамой. . .»	<i>Перев. М. Фроман</i>	192
12. «На небе полная луна. . .»	<i>Перев. А. Мейснер.</i>	—
13. Бегство.	<i>Перев. В. Рождественский.</i>	193

1833

1. Прощай.	<i>Перев. Д. Минаев.</i>	193
2. Женни.	<i>Перев. М. Сандомирский.</i>	194

1835

1. Утром.	<i>Перев. П. Вейнберг.</i>	195
2. Где?	<i>Перев. В. Рождественский.</i>	—

1838

Эдуарду Г.	<i>Перев. В. Левик.</i>	196
------------	-------------------------	-----

1841

«Причудам дерзостно и смело. . .»	<i>Перев. В. Левик</i>	196
-----------------------------------	------------------------	-----

1842

Целимене.	<i>Перев. М. Фроман.</i>	197
-----------	--------------------------	-----

1844

1. «Руки лилии белей! . . .»	<i>Перев. М. Фроман.</i>	198
2. К дочери возлюбленной.	<i>Перев. М. Фроман.</i>	—
3. Ведьма.	<i>Перев. М. Кузьмин.</i>	199

1845

1. «Ручки чмокать, шаркать ловко. . .»	<i>Перев. М. Фроман.</i>	200
2. «Жил чорт, и чорт — из важных. . .»	<i>Перев. В. Левик</i>	—
3. Песнь песней.	<i>Перев. Ал. Дейч.</i>	—

1850

1. Ответ.	<i>Перев. Е. Дунаевский.</i>	202
2. «Идет к концу — излишен спор тут, . . .»	<i>Перев. Л. Руст.</i>	—

3. «Земные страсти, что горят нетленно. . .» <i>Перев.</i> <i>М. Тарловский</i>	202
4. «Ты преступник, друг! . .» <i>Перев. Л. Руст</i>	203
5. По ту и по эту сторону Рейна. <i>Перев. Д. Минаев</i>	—
6. Рационалистическое толкование. <i>Перев. А. Мушников</i>	—
7. Избавитель. <i>Перев. В. Левик</i>	204

ПОЭМЫ

Атта Троль. <i>Перев. В. Левик</i>	207
Германия. <i>Перев. В. Левик</i>	297
Варианты и дополнения к «Германии»	369
Комментарии	
К «Новым стихотворениям» — <i>Н. Берковского</i>	375
К «Атта Троль» и к «Германии» — <i>Ал. Дейча</i>	402

Редактор А. С. Кочетков
Технический редактор
Л. А. Чалова

Подписано к печати 20 VI
1948 г. М-16958. Тираж 15000 экз.
Учетно-авт. листов 19,84. Пе-
чатных листов 26,5. Заказ
№ 990.

2-я типография «Печатный
Двор» им. А. М. Горького треста
«Полиграфкнига» ОГИЗа при
Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.

ГЕЙНЕ

ГЕЙНЕ



10 p.